

СВѢТОЧЪ

— ■ И ■ —

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ

Подъ редакцией
А. В. Круглова.

Годъ IV.

Сентябрь.

1910 г.

При настоящей книгѣ журнала всѣмъ годовымъ подписчикамъ разсылается четвертое отдѣльн. безпл. приложение на 1910 годъ—„Древнее въ настоящемъ“ (книга 4-я „Дѣтской Библиотеки“).

СОДЕРЖАНІЕ.

„СВѢТОЧЪ“.

I — ЭЛЕГИ. — I — II. — Стихотворенія. — А. В. Круглова	3
II — ПРОВОДЫ НОВОБРАНЦА. — Иллюстр. на отд. листѣ. — Съ карт. И. Е. Рѣпина	5
III — ПЕРЕДЪ АТАКОЙ. — Иллюстр. на отд. листѣ. — Съ карт. В. В. Верещагина	7
IV — ШКОЛЬНИКИ. — Иллюстр. на отд. листѣ — Съ карт. Г. Ѳ. Рыбакова.	9
V — ПЛАСТУНЫ. — Иллюстр. на отд. листѣ. — Съ карт. В. Г. Перова . .	11
VI — ТРУСЬ. — Разсказъ. — А. Н. Догановичъ	13
VII — „ГРУСТЬЮ ОСЕНИ КРАСИВОЙ“... — Стих. — И. Н. Глухарева. . . .	26
VIII — СМОТРИНЫ. — Иллюстр. на отд. листѣ. — Съ карт. Н. В. Неврева .	27
IX — ЖИЗНЬ ВО СНѢ И ЕЯ НРАВСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ. — Д-ра медіц. В. К. Недзвецкаго	29
X — ПОРВАННЫЯ СТРУНЫ. — Романъ въ двухъ частяхъ. — Часть вторая. — Гл. I — IV. — А. А. Красовской	39
XI — „НЕСЛЫШНО ПРОЛЕТЯТЪ ГОДА“... — Стих. — Б. В. Каховскаго. . .	53
XII — САНДЕПУ и МУКДЕНЪ. — Воспоминанія. — Окончаніе Л. Н. Бѣльковича	54
XIII — ПЕРЕЖИТОЕ. — Воспоминанія. — Часть 3-я. Глава XIII — XV. — А. В. Круглова	75
XIV — ПРОЩАНІЕ УМИРАЮЩАГО ОФИЦЕРА СЪ КОНЕМЪ. — Иллюстрація на отдѣльномъ листѣ.	87
XV — ИЗЪ ЛѢТНИХЪ ЭКСКУРСІЙ. — Впечатлѣнія и встрѣчи. — Окончаніе. — Л. А. Коцевольской	89
XVI — ФИЛОСОФЪ-ХРИСТІАНИНЪ. — (Памяти Вл. С. Соловьева.) — Н. . . .	93
XVII — МЕЖДУ ПРОЧИМЪ. — (По поводу фельетона г. Вяткина). — А. В. Круглова	99
XVIII — КНИЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ	101
1) Разсказы и пьесы Н. Гарина. — Л. Д. Гончаревскаго. — 2) „Обще знакомые“ П. Россіева. — Д. — 3) Охотники въ минувшія войны Д. Д. Кашкарова. — К.	
XIX — ИСКРЫ. — ДНИ НАШЕЙ ЖИЗНИ. — Скуч. Вологжанина.	103
XX — НАУЧНЫЯ ЗАМѢТКИ	109

(Иллюстраціи въ текстѣ. — Виньетки и заставки.)

ОПЕЧАТКА:

На стр. 79 въ „Пережитомъ“ 2 стр. св. напечатано: „можешь увидѣть“ слѣдуетъ: „можно увидѣть“?

СВѢТОЧЪ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

иллюстрированный литературно-научный

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ

ПОДЪ РЕДАКЦЕЙ

А. В. Круглова.

Годъ IV.

Сентябрь.

1910 г.

Редакция „СВѢТОЧА“ и „ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ“:
Москва, Тверская, уг. Брюсовскаго, д. гр. Олсуфьевой.

Въ журналѣ принимали и принимаютъ участіе, кромѣ А. В. Круглова и А. Н. Догановичъ, слѣд. ученые, писатели и художники: Н. А. Акимовъ, П. А. Аксаковъ, Л. Д. Александровъ, Л. Н. Афанасьевъ, Н. Н. Бариновъ (Энбе), проф. А. Ф. Басовъ, О. П. Бахмутская, д-ръ философіи М. В. Безобразова, С. М. Битюковъ, М. С. Бѣлкинъ, П. И Бѣляевъ, Л. Н. Бѣльковичъ, Д. П. Варлыгинъ, профес. дух. академи Д. И. Введенскій, С. В. Витимскій, С. М. Власьевъ, И. И. Вологодскій, И. Н. Глухаревъ, К. П. Говоровъ, Л. Д. Гончаревскій, А. А. Горскій, Н. А. Гребецкой, свящ. А. М. Державинъ, В. С. Добржинецкій, прив.-доцентъ моск. унив. д-ръ медиц. С. М. Доброхотовъ, А. П. Доброхотовъ, полк. генер. штаба М. А. Дорманъ, проф. прот. Н. А. Елеонскій, А. В. Жиркевичъ, И. И. Житницікій, В. И. Ивановъ, О. В. Иванова, В. Я. Ивановъ-Енотаевскій, Н. П. Ивинская, Б. В. Каховскій, Н. В. Каховскій, Е. Н. Клетнова, Н. Г. Конаржевскій, А. А. Коринфскій, М. А. Козыревъ, Л. А. Коцевольская, А. А. Красовская, прис. пов. Н. Д. Кузнецовъ, Р. П. Кумовъ, В. П. Лебедевъ, К. С. Лебедевъ, Е. Н. Ловецкая, М. В. Лысковскій, К. П. Медвѣдскій, В. Л. Маяковъ, свящ. М. И. Менстровъ, П. П. Мироносицікій, А. Г. Моревъ, заслуженный профессоръ П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій, Н. А. Мучникъ, докторъ медиц. В. К. Недзвецкій, А. Н. Никитина, Н. Н. Оглоблинъ, М. И. Орѣшниковъ, Д. И. Павловъ, свящ. М. И. Пеньковскій, Е. А. Полушкина, И. В. Поповъ-Пермскій, Я. Я. Полферовъ, Е. Н. Поселянинъ, Д. М. Ратгаузъ, Б. И. Радинъ, П. И. Радинъ, П. А. Россіевъ, И. В. Рошинъ, В. Ф. Рыжковъ, В. Г. Рязанцевъ, И. А. Савченко, Л. А. Самарина, Е. И. Свѣтова, В. А. Скрипицынъ, А. В. Скрипицынъ, К. И. Смирновъ, Н. П. Столянскій, М. Г. Сулима, проф. моск. универс. И. Т. Тарасовъ, профессоръ А. А. Тихомировъ, С. Т. Тураганъ, А. А. Фѣдоровъ-Давыдовъ, С. Н. Хазовъ, Ф. И. Черновъ, А. А. Чумакъ, Ф. М. Чеботаревъ, С. Н. Шубинскій, И. П. Ювачевъ и др. Художники: С. В. Беклемишевъ, И. Д. Павловъ, И. Е. Полушкинъ, А. И. Рукина-Кошугъ, А. И. Соколовъ, П. Ф. Яковлевъ и др.

Къ свѣдѣнію авторовъ.

1) Принятая статья, въ случаѣ надобности, подвергается сокращеніямъ и исправленіямъ. Авторы, несогласные на это, благоволятъ оговорить свои требованія при посылкѣ статей. Необозначающимъ размѣра гонорара таковой назначается по усмотрѣнію редакціи. Гонораръ выдается по субботамъ отъ 3-хъ до 4 ч. дня. Расчетъ по журналу производится черезъ 10 дней по выходѣ книжки.

2) На отвѣтъ прилагается почтовая марка. Рукописи обратно высылаются только заказной бандеролью, для чего должны быть присланы марки въ соответствующемъ количествѣ. Стихи и замѣтки менѣ писчаго листа не возвращаются.

3) Рукописи сохраняются 3 мѣсяца, послѣ чего уничтожаются. На прочтеніе рукописи полагается срокъ отъ 2-хъ до 3-хъ мѣсяцевъ. Неразборчивыя рукописи НЕ ЧИТАЮТСЯ. ПРОСЯТЪ ПИСАТЬ НА ОДНОЙ СТОРОНѢ ЛИСТА. Личныя объясненія въ редакціи съ редакторомъ только по субботамъ отъ 3 до 4 ч. дня; съ секретаремъ редакціи или помощн. редактора ежедневно отъ 3 до 4 час. дня, кромѣ дней воскресныхъ и праздничныхъ.

ЭЛЕГИИ.

I.

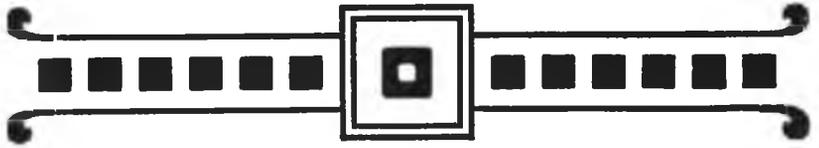

сенни хмурый день. Пустынными полями
Иду я неспѣша. Темнѣютъ небеса,
И дышать холодомъ угрюмые лѣса, —
И сердце грустными овѣяно мечтами.

На жизненномъ пути и мой осенни день,
Хотя и медленно, но также вечерѣть:
Все меньше радостей, надежды лучъ тускнѣть,
И надвигается холодной ночи тѣнь.

Вдругъ рѣдки благовѣсть — протяжный и унылый —
Нарушилъ тишину. По комъ рыдаетъ онъ?
Не предвѣщаетъ ли день близкихъ похоронъ,
Когда онъ зазвучитъ и надъ моей могилой?!

II.

Погасло солнце... Сгустились тучи...
И ночь идетъ... !
И сердце сжалось, — оно пугливо
Чего-то ждетъ.
Звучали пѣсни при ясномъ солнцѣ,
Но свѣтъ погасъ, —
И сердцу грустно, и сердцу жутко
Въ вечерній часъ.

А. Кругловъ.

Школьники.

Г. В. Рыбаков.

Проводы новобранца

И. Л. Рупинь

Пластуны.

В. Г. Перовъ.

ТРУСЪ.

Разсказъ.

1.

Кухарка Дарья очень устала выбивать лопаткою тѣсто на имянинные пироги.

— Дай я побью, а ты отдохни, — предложила моя мама.

Но она утомилась еще быстрѣе Дарьи.

Вернулся съ почты нашъ новый денщикъ— Емельянъ Медвѣдевъ. Это былъ коренастый человѣкъ средняго роста, съ большой квадратной головой и неподвижнымъ лицомъ. Емельянъ туго соображалъ, былъ безтолковъ, неловокъ и ходилъ увальнемъ.

— Барыня, заставьте Емельяна побить тѣсто, — сказала кухарка: — силы-то у него будетъ побольше нашей.

— Въ самомъ дѣлѣ, помоги-ка Дарья! — обратилась мама къ денщику.

Медвѣдевъ приблизился къ опарнику съ видомъ недоумѣнія.

— Какъ приняться-то мнѣ за него?—спросилъ парень.

— А вотъ смотри, я научу тебя.

Дарья показала.

Денщикъ взялъ веселку и принялся за дѣло. Оно сейчасъ же заспорилось въ его сильныхъ рукахъ.

— Вишь какъ заляцкало тѣсто! Ровно голодный волкъ

зубами зашелкалъ. Далеко бабьей силѣ до мужичьей! — произнесла кухарка.

Ободренный похвалою, Емельянъ удвоилъ стараніе.

— Крупные пузыри уже начали показываться, — заявила Дарья, вскорѣ взглянувъ на тѣсто. — Мы больше часу надъ нимъ маялись, и то еле до мелкихъ добились!

Сидѣвшая на полу съ куклой маленькая сестра Оля заявила, указывая рукой на опарникъ:

— Мама — булька!

— Булка, милочка, булка! — отозвалась мама, занятая приготовленіемъ фарша для пирога.

Черезъ нѣсколько минутъ Оля снова закричала:

— Мама — булька!

Мать кинула мимолежный взглядъ на свою любимицу и, не отрываясь отъ размѣшиванія риса съ изрубленными яйцами, подтвердила машинально:

— Да, да, булка.

Вдругъ раздался сильный трескъ, и толстый опарникъ раскололся. Черепки его полетѣли въ разныя стороны. Тѣсто осталось на табуретѣ, медленно растекаясь и сползая съ его краевъ и въ круглое отверстие посрединѣ.

Мама и Дарья, преисполненные ужаса и отчаянія, набросились на ошеломленного Емельяна, застывшего въ неподвижной позѣ на раздвинутыхъ ногахъ. Съ растеряннымъ и виноватымъ видомъ онъ продолжалъ сжимать въ рукѣ веселку.

— Ахъ ты Иродъ окаянный! Что ты натворилъ-то! Вѣдь опарнику вѣку не было, а ты вдругъ его раздавилъ! — вопила Дарья.

— Что у тебя за руки! Вѣдь не камни заставили тебя бить молотомъ, а тѣсто въ глиняномъ горшкѣ! — укорила его и мама: — Моего именинника-то безъ пирога оставилъ!

— Прямой медвѣдь косилапый, чудище лѣсное! По шерсти и кличка! — продолжала Дарья. — Ну, чего истуканомъ-то застылъ: собирай битки да выноси вонъ, не то я испеку тебѣ пирогъ съ черепками вмѣсто начинки! — закончила кухарка злобно.

Денщикъ принялся съ энергіей за уборку.

— Вотъ Олечка-то милая умнѣ насъ съ тобой, Дарья, оказалась! — замѣтила мама: — она давно видѣла какъ вы-

...го тѣсто и предупредила: булька да булька! А мнѣ
и вѣдомекъ обратить вниманіе на опарникъ.

— Начинка заготовлена, все налажено, а только нѣтъ
... Что же мы теперь станемъ дѣлать? — задала вопросъ
Дарья растерянно.

Столь неожиданная непріятность обезкуражила равно
хозяйку, такъ и прислугу. Обѣ остановились другъ
друга съ опущенными безсильно руками.

Взоры женщинъ скрестились, полные недоумѣнія.

— Имянинникъ-то безъ пирога, что же это такое?.. — повто-
рила Дарья съ огорченіемъ.

Мама не могла допустить этого.

— Нельзя... Никакъ нельзя! — воскликнула она. — Неси
... изъ кладовой и затирай новое тѣсто. Пропало кислое,
... сдѣлаемъ прѣсное, а имянинника оставить безъ пирога
... невозможно!

II.

На Троицу пріѣхала къ Емельяну погостить его жена
Акулина. Она была мала ростомъ, щедушна, съ острыми
... птичьяго лица. Всегда недовольная, раздраженная
и крикливая, баба производила на всѣхъ самое непріятное
... чатлѣніе. Съ утра она принималась пилить мужа, и эта
... музыка“ не прекращалась до вечера. Емельянъ переносилъ
... съ невозмутимымъ хладнокровіемъ. За него вступались
... другіе.

— Будеть тебѣ, Акулина, бранить - то мужа, — остана-
... вала иногда ее мама и прибавляла шутливо: — вѣдь этакъ
... его въ чахотку вгонишь!

Медвѣдиха не выносила заступничества и поднимала
... голосъ тономъ выше:

— Онъ мастеръ казанской сиротой прикидываться, чтобы
... всѣ жалѣли... это онъ нарочно дѣлаетъ! Нѣтъ того, чтобы
... речь жену... Я всю грудь надсадила, кричавши... Но
... эту колоду проймешь чѣмъ-нибудь?.. Долби ему что
... каменную стѣну!.. такъ и въ ту скорѣе гвоздь вобьешь...
... ему хоть бы что... Изведешься съ нимъ до смерти. Можетъ
... этого и дожидается, чтобы на другой жениться...

Жалобы, перемѣшанныя съ бранью, сыпались какъ изъ рога изобилія..

Мама долго слушала, стремясь уяснить себѣ суть ея сѣтованій.

— Да ты скажи безъ брани, что тебѣ надо?—перебивала ее мама. — А то вѣдь этакъ никто тебя и не пойметъ, чего ты хочешь?

— Какой же онъ мужъ послѣ того, если безъ всякаго понятія? — уже визжала Акулина. — Онъ самъ долженъ все знать! Не мнѣ, глупой бабѣ, учить его!.. Этакъ онъ только одну срамоту разводить, да меня на смѣхъ поднимаетъ. Что за несчастная я уродилась, что нѣту мнѣ долишки!

Акулина принималась плакать.

Строптивость бабы была совершенно безосновательная.

— Ну ужъ и язва же! — сердито огрызалась на нее Дарья. — Ни одинъ настоящій мужикъ не сталъ бы терпѣть эстолько: надралъ бы ей такъ косы, что вѣкъ помнила бы и зареклась его изводить!

Плачь Акулины переходилъ въ рыданія, сопровождаемыя разными причитаніями:

— Всѣ-то на меня!.. Охъ мнѣ, охъ! горькая моя головушка! Пожила бы ты съ мое, Дарьюшка, съ этимъ идоломъ-супостатомъ, такъ высохла бы какъ и я же, въ щечочку обратилась бы!.. Бѣдная я сиротинушка!..

— Перестань, Акулина, надоѣла! — дала мама на нее окрикъ.

Но онъ не подѣйствовалъ.

— Вѣдь ты намъ всѣ жилы изъ душеньки вымотаешь! — сердито оборвала какъ-то ее Дарья. — У меня ажно уши отсохли. Убирайся вонъ! Пошла, пошла отсюда... вой на дворѣ вмѣстѣ съ Полканомъ!

Акулина билась въ рыданіяхъ, колотясь головою на столѣ:

— Богъ тебя накажетъ за меня, злая ты моя обидчица!.. — вопила она.

— Вотъ я тебѣ покажу обидчицу! Добромъ не пойдешь, такъ я тебя ухватомъ высажу. Да и ты-то, Емельянъ, убираться прочь! Твоя зуда за тобой потянется!

Денщикъ оставилъ свое дѣло и вышелъ на крыльцо.

Дѣйствительно, Акулина тотчасъ поплелась за нимъ.

— Ну, и согрѣшеніе съ ними! — воскликнула Дарья, об-

легченно вздохнувъ. — И за что баба пилить своего мужика: совсѣмъ зря!

Это была суцая правда. Сварливость Акулины происходила отъ ея разстроенныхъ нервовъ и отъ дурного характера. Снисходительность мужа явилась попустительствомъ, разнуздавшимъ бабѣ языкъ. Отпоръ со стороны Емельяна можетъ быть нѣсколько дисциплинировалъ бы Акулину.

Дарья сколько разъ говорила денщику:

— Чего ты дурака-то валяешь: проучи жену хорошенько!

Медвѣдевъ неизмѣнно отвѣчалъ:

— Что жъ, обидѣть бабу недолго. Пускай тѣшится, коли это любо ей. Меня не убудеть.

— Да какъ тебѣ не надоѣсть слушать?

— А я и не слушаю.

— Ну, и пеня! Вѣрно же тебя Акулина называетъ лѣсной колодой!

— А мнѣ что изъ того, какъ она ни назоветъ?

— Тѣфу, отвяжись, окаянный! Вы одинъ другого стоите!

— Вотъ и ты не плошь ея серчаешь... Всѣ вы на одну колодку... одно слово—бабы!—произносилъ онъ съ нескрываемымъ презрѣнiемъ, какъ бы ясно сознавая передъ послѣдними свое мужское превосходство.

— А ты тоже мужикомъ считаешься, на которомъ баба верхомъ ѣздить!—огрызалась Дарья.

Медвѣдевскія ссоры такъ надоѣли всѣмъ, что кухарка, наконецъ, придумала средство избавляться отъ нихъ. Едва только Акулина принималась „скандалить“, какъ Дарья выбѣгала въ сѣни и кричала оттуда:

— Емельянъ, тебя баринъ зоветъ!

Денщикъ бросался наверхъ.

Кухарка въ сѣняхъ объясняла ему свой маневръ, и денщикъ уходилъ отдохнуть и покурить на берегъ рѣвки, или забирался на сѣноваль.

Мы, дѣти, стали прибѣгать къ тому же способу прекращать воркотню Акулины.

Однажды Медвѣдиха за что-то особенно разсердилась на Емельяна. Она уже не удовлетворилась одною бранью своего благовѣрнаго, а схватилась съ нимъ въ рукопашную на общую потѣху нашихъ рабочихъ, собравшихся въ кухню къ обѣду.

Собственно дралась одна Акулина. Емельянъ же иногда лишь отмахивался отъ нея какъ отъ назойливой мухи. Зрители помирали съ хохота надъ ними.

Разсвирѣпѣвшая баба съ визгомъ налетала на мужа и тузила его по чемъ попало своими небольшими кулачками.

— Вотъ я тебѣ покажу, аспидъ ты этакій!..—кричала она, задыхаясь и барабаня его по спинѣ, словно по мѣдному тазу.

— Го-го-го!..—хохотали вокругъ:—Вотъ такъ герой бабочка! Лупи его подъ микитки!

Акулина сверкала на насмѣшниковъ своими колючими черными глазками и продолжала „представленіе“. Не будучи въ состояніи вцѣпиться въ короткіе волосы Емельяна, она царапала его голову ногтями.

Движеніемъ руки Медвѣдевъ отстранилъ отъ себя жену, которая продолжала судорожно хватать воздухъ.

— Вотъ такъ камедь, братцы, настоящая камедь!—потѣшались мужики.

— Это какая-то изступленная,—съ негодованіемъ замѣтила мама.

Акулина ни на кого не обращала вниманія. Едва мужъ выпустилъ ее изъ рукъ, какъ она съ новымъ ожесточеніемъ набросилась на него, стараясь укусить.

— Ну, и змѣя же,—замѣтилъ работникъ Василий.

— Подколотная!—прибавилъ Степанъ.—Баба, а мужика забижаетъ... Какъ ты это терпишь?

— А мнѣ что? вѣдь не больно, — невозмутимо отозвался Емельянъ: — какая у нея сила? Ровно блоха по спинѣ скачетъ. А голову пусть почешетъ вмѣсто гребня. Лучше зудиться не будетъ.

— Что же намъ, ребята, не обѣдать изъ-за нея, что ли?—проворчалъ Гаврило.

— Да садани ты ее разъ,—посоветовалъ Василій, — она и угомонится.

Рабочимъ надоѣла уже потѣха и они стали сердиться.

Но Емельянъ попрежнему только отстранялъ отъ себя жену. Подержавъ ее на разстояніи вытянутой руки, онъ вскорѣ затѣмъ снова отпускалъ ее.

Дарья тоже пришла въ негодованіе:

— Если ты не перестанешь скандалить, Акулька, то я

тебя уполовникомъ хвачу!..—пригрозила она.—А ты, ротозѣй, чего слюни распустилъ, даешь этакъ блажить бабѣ?—накинулась она и на денщика:—скоморохи, право!.. Ходили бы ужъ по дворамъ кудесили замѣсто петрушки!

— Онъ боится бабы,—замѣтилъ парнишка Ѳедя.

— И впрямь не боится ли?.. Медвѣди-то вѣдь трусливы,—поддразнивалъ Степанъ.

— Э-э!.. Такъ онъ значить трусь! Даромъ что солдатъ, а трусь! На войну-то онъ пойдетъ пятками впередъ!.. Трусь и есть!.. Ну, такъ и пусть его лупитъ баба хорошенько!

Дарья смѣло набросилась на Акулину, отгѣснила отъ мужа и подъ общій хохотъ вытолкала ее въ сѣни и заперла дверь на крючокъ.

— Ай да стряпуха! Молодецъ! Тебѣ бы солдатомъ-то быть, а Емельяну въ печи съ горшками воевать!

Лишь послѣ этого смѣлаго бабьяго натиска рабочіе получили возможность спокойно пообѣдать.

Но съ этихъ поръ за Емельяномъ установилась кличка труса. Его часто задирали и поднимали на смѣхъ.

III.

Наконецъ, къ общей радости, Акулина собралась уѣзжать домой. Передъ отъѣздомъ она ушла за покупками въ ближнее село, находившееся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нашей усадьбы. Емельянъ не захотѣлъ сопровождать ее, отговорившись недосугомъ. Но это былъ только предлогъ приготовить женѣ сюрпризъ.

Акулина давно сѣтовала на неимѣние сундучка, и теперь Емельянъ вздумалъ исполнить ея желаніе. Необходимыя доски у него оказались заготовлены давно, хорошо выстроганы, прилажены и даже обрѣзаны по размѣру.

Дѣло закипѣло и заспорилось въ сильныхъ рукахъ денщика.

Рабочіе, оставшіеся дома по случаю праздника, очень удивились, какъ скоро собралъ и сколотилъ Медвѣдевъ свой сундучокъ.

— Э, да ты настоящій мастеръ!—похвалили они его.

Съ одной стороны внутри сундучка былъ прибитъ не-

глубокой ящичекъ для разной мелочи: иголокъ, катушекъ, наперстковъ и пр.

Мужики поочередно подходили любоваться работой.

— И какъ ты это скоро все спроворилъ!

— Не стоить твоя баба такого вниманія.

— Аль мила она тебѣ?

— Заноза да своя.

— Это замѣсто взятки ей.

По обыкновенію рабочіе перешли на шутки.

Денщикъ расположился въ кухнѣ повернуть къ сундуку замокъ и петли.

Федѣ захотѣлось побаловаться и онъ взялъ отъ ошостика длинную желѣзную кочергу.

Едва денщикъ клалъ на полъ молотокъ, какъ сзади Федя, зацѣпивъ кочергой, ташилъ его къ себѣ.

— Не озорничай,—убѣждалъ Медвѣдевъ.

Но парнишку заняла эта игра и онъ продолжалъ таскать гвозди, стамеску, петли и проч., мѣшая работѣ.

— Ну, подурилъ и полно!—усовѣщевалъ солдатъ, быстро оборачиваясь и хватая на полдорогѣ увозимую отъ него вещь.

— Разсердись, дяденька,—я никогда не видалъ, какъ ты серчаешь!

И на потѣху рабочихъ, онъ продолжалъ свою шутку.

— Я тебѣ разсержусь! погоди у меня!

— Ой, боюсь, не пугай!.. Ты вѣдь такой храбрый!..

Кругомъ захохотали.

Емельянъ догадался прятать вещи въ карманъ, и работа пошла успѣшно.

— Что, взялъ?—подтрунилъ Василии надъ Федей.

— Ну, коли таскать больше нечего, я примусь за него самого и растащу по кусочкамъ! — промолвилъ бойкій парнишка и захватилъ денщика за ногу.

Тотъ сбросилъ кочергу съ своего сапога.

Тѣмъ временемъ солдатъ повернулъ замокъ и петли. Затѣмъ принесъ различныя картинки, полученныя отъ насъ въ подарокъ, и сталъ наклеивать ихъ мукой съ водой на внутреннюю крышку сундука. Федя потащилъ было за поясъ солдата. Послѣдній отбросилъ кочергу къ самому порогу.

Но парнишка не унимался. Поощреніе другихъ рабочихъ

его раззадорило и онъ дѣлался все развязнѣе. Поднявъ кочергу, онъ значительно погрозилъ товарищамъ пальцемъ.

Въ это время Емельянъ кончилъ приклеюку рисунковъ и потянулся, сладко зѣвая.

Въ ту же минуту кочерга своимъ крюкомъ попала ему въ ротъ.

Емельянъ схватилъ ее и разомъ вскочилъ на ноги. Лицо его побагровѣло.

— На солдата посягать не моги, потому онъ человѣкъ казенный! — крикнулъ онъ такъ внушительно, что Федька даже присѣлъ отъ страха.

Оскорбленный въ своемъ высшемъ понятіи о чести солдата, денщикъ вскипѣлъ гнѣвомъ. Съ судорожно сжатыми челюстями и налившимися кровью глазами, онъ былъ страшенъ. Чтобы дать исходъ раздраженію, Емельянъ принялся гнуть кочергу. Она стала принимать видъ дуги, потомъ колеса.

Всѣ смотрѣли на силача, пораженные изумленіемъ.

Емельянъ сопровождалъ свою работу глухимъ урчаніемъ.

— Настоящій медвѣдь... — замѣтилъ Степанъ, качая головой.

Денщикъ продолжалъ выгибать кочергу далѣе и завязалъ ее узломъ посрединѣ.

— Это не человѣкъ, а домовой, — тихо сказалъ Василій, пробираясь къ двери за спиною Феде.

За нимъ послѣдовали и другіе.

Физическое усиліе разрядило душевное напряженіе у Емельяна. На лбу его выступилъ потъ. Онъ вздохнулъ съ облегченіемъ, словно исполнивъ какую-нибудь работу.

Онъ положилъ кочергу на столъ и оглянулся, ища работниковъ. Кухня была пуста. Со страха всѣ разбѣжались.

Потомъ работники говорили:

— Нѣтъ, нашъ Емельянъ совсѣмъ не трусь. Онъ не трогаетъ Акулины потому, что не можетъ расчитать удара и боится своей силы. Ему-то покажется, что онъ только чуть дотронется до бабы, а она вдругъ свалится замертво. Вотъ онъ и опасается, чтобы ему зря не пришлось отвѣчать за убійство. Это все равно, что большой песъ никогда не тронетъ маленькой собачонки, какъ бы она ни докучала ему своимъ лаемъ.

Съ тѣхъ поръ надъ Медвѣдевымъ перестали насмѣхаться и дразнить его трусомъ.

IV.

Въ началѣ осени мы переѣзжали изъ имѣнія въ ближній городъ N, гдѣ стоялъ полкъ моего отца. Отецъ уѣхалъ въ городъ раньше, чтобы нанять квартиру. Доставить насъ онъ поручилъ Медвѣдеву, такъ какъ не довѣрялъ сдѣлать этого больше никому.

Наканунѣ отправили въ городъ всѣ вещи. Мы переночевали въ послѣдній разъ въ опустѣвшемъ деревенскомъ домѣ.

Нашихъ рѣзвыхъ доморощенныхъ коней—Гнѣдко съ Буланкой, запрягли въ тарантасъ и подали его къ крыльцу.

Въ кузовѣ экипажа усѣлись я съ мамой, братомъ-гимназистомъ и маленькой сестренкой; а на козлахъ рядомъ съ Емельяномъ помѣстилась Дарья.

Мы выѣхали со двора усадьбы и въ самомъ веселомъ настроеніи миновали прогонъ среди сжатыхъ полей, на которыхъ щетина срѣзанной соломы торчала какъ волосы на давно небритомъ лицѣ.

Солнце грѣло еще по лѣтнему, золотя яркими лучами развертывавшеся передъ нами разнообразныя пейзажи. Вотъ потянулись луга съ возвышавшимися на нихъ громоздкими стогами сѣна.

Хорошаго настроенія намъ не испортила даже предстоявшая неприятная и хлопотливая переправа вбродъ черезъ р. Изьму, на которой оказался попорченнымъ мостъ.

Всѣ мы вышли изъ экипажа и не безъ труда перебрались на другой берегъ по колебавшемуся досчатому настилу съ одного края моста.

Медвѣдевъ переправилъ черезъ рѣку тарантасъ.

Мы со смѣхомъ снова размѣстились въ немъ и покатили дальше.

Вскорѣ начался дремучій казенный Дукашинъ лѣсъ, теперь значительно порѣдѣвшій и изукрашенный пестрою осеннею листвою. Здѣсь все привлекало наше вниманіе и казалось интереснымъ: и поверженное бурей дерево, и уродливая колѣнчатая береза, и сосна съ вершиною ввидѣ креста, по преданію, выросшая на могилѣ убитаго странника,

и старая ель, издали походившая на медвѣдя, поднывавшегося на дыбы.

Емельянь замѣтилъ:

— Отсель считается ровно восемь верстъ до города. Теперь держитесь крѣпче: мимо оврага дорога пойдетъ хуже.

Такъ и случилось. Тарантась стало подбрасывать на корняхъ, а на глубокихъ колеяхъ кренить его на стороны.

Разговоры смолкли.

Лошади пошли медленнѣе.

— Но-но!—ободрялъ ихъ денщикъ:— понатужься, милья, теперь недолго!

Кони наддавали. Но препятствія быстро утомляли, и они снова замедляли бѣгъ.

Слѣва чернѣла пасть огромнаго оврага, также поросшаго лѣсомъ. Шла молва, что попадающихъ въ него людей заволить лѣсовикъ. Поэтому мы всѣ опасливо косились на пропасть.

И вдругъ случилось нѣчто невѣроятное и ужасное.

Словно изъ-подъ земли выросли четыре дюжихъ грабителя, которые заградили нашъ путь протянутыми дубинами и остановили лошадей.

Мы закричали отъ испуга, а мамѣ сдѣлалось дурно и она упала въ обморокъ на руки брата, сидѣвшаго напротивъ нея.

— Прочь съ дороги!—взревѣлъ Емельянь страшнымъ голосомъ, отъ котораго морозъ пробѣжалъ по кожѣ.

Но разбойники сообразили, что бояться имъ нечего, такъ какъ мужчина при насъ былъ всего одинъ, съ которымъ они предполагали легко справиться. Поэтому русый разбойникъ схватилъ подъ уздцы лошадей, самый рослый — рыжій атаманъ, бросился къ Медвѣдеву, а два черныхъ направились къ намъ.

— Убью!—взревѣлъ еще громче денщикъ, когда рыжій замахнулся на него тяжелой палицей.

Въ ту же минуту онъ схватилъ дубину и, вырвавъ ее изъ руки нападавшаго, стукнулъ по головѣ его съ такою силою, что разбойникъ безъ стона свалился на землю.

Двое черныхъ грабителей, снявшихъ съ матери денежную сумку, при видѣ опасности выхватили ножи и ринулись на Емельяна.

рустью осени красивой
Божьи міръ уже объять.
Спѣлымъ яблокомъ и сливой
Запустѣлый пахнетъ садъ.

Одиноко по аллеѣ
Я задумавшись иду;
Тишины прервать не смѣя,
Все чего-то робко жду...

Вотъ, какъ легкое видѣнье,
Кто-то въ чащѣ промелькнулъ...
Нѣтъ, то вѣтеръ на мгновенье
Сонной вѣткой колыхнулъ...

Стонъ пронесся... Что такое?
Снова тихо все вокругъ...
Это—дерево больное
Издаетъ унылый звукъ...

Тихой грустью, какъ мечтаньемъ,
Все въ саду моемъ полно;
И тревожнымъ ожиданьемъ
Сердце смущено...

И. Глухаревъ.

Смотрим.

И. И. Шишкин

И прежде говорили и теперь многие утверждают, что человекство спитъ черезчуръ много, что можно бы удовольствоваться несравненно меньшимъ временемъ сна и такимъ образомъ продолжить состояние бодрствования и слѣдовательно дольше прожить сознательной жизнью. Но это *слѣдовательно* весьма сомнительно и само слѣдствие очень проблематично, такъ какъ сокращение сна можетъ вредно отразиться на функцияхъ организма и повести къ его ослабленію и болѣе быстрой кончинѣ, т.-е. дать совершенно противоположный результатъ. Въ особенности нервнымъ, наклоннымъ къ чахоткѣ, малокровнымъ, вообще слабымъ необходимо высыпаться, остерегаться сокращать сонъ, которому у нихъ должна принадлежать по крайней мѣрѣ одна треть жизни (т.-е. 8 час. изъ 24-хъ). Слѣдовательно, заботу о количественномъ измѣненіи сна надо оставить, а попытаться обратить внимание на качество сна, постараться сдѣлать его менѣе тяжелымъ, болѣе одухотвореннымъ, лучше приспособленнымъ къ склонностямъ человека, отвѣчающимъ наиболѣе дорогимъ потребностямъ его жизни. Вообще надо ухитриться жить во снѣ желательной, умиряющей, содержательной жизнью. Да, именно «жить», такъ какъ нашъ обыкновенный, обыданный сонъ болѣею частью справедливо приравнивается къ смерти и называется ея подобіемъ; многие люди спятъ какъ животныя, а нерѣдко и хуже. Надо стараться «заселять тундры сна и оживлять обширныя пустыни ночи, посѣщать дороги гробницы и вызывать трепещущія тѣни прошлаго».

Я не стану распространяться здѣсь о сущности сна,—это не соответствуетъ моей цѣли, да и врядъ ли можетъ быть объяснено вполне опредѣленно и убѣдительно. Для настоящей статьи важно разобрать лишь нѣкоторые виды,—чтобы не сказать, сорта сновъ: выяснить ихъ причины (хотя бы кажущіяся) и значеніе.

Сновидѣнія посѣщаютъ не всякаго и не cadaго. Многие никогда не видятъ сновъ или забываютъ ихъ, благодаря чрезвычайно крѣпкому, часто тяжелому сну; они совсѣмъ не живутъ во снѣ; эта треть жизни, а можетъ быть и болѣе, пропадаетъ совершенно для ихъ сознания. Такимъ людямъ въ интересахъ продолженія (сознательной) жизни надо стараться видѣть сны, разумѣется, желательнѣе не плохіе; какъ, это покажетъ разбор моментовъ, предрасполагающихъ и вызывающихъ сновидѣнія. Послѣднія очень часто служатъ отраженіемъ (болѣе или менѣе неправильнымъ) дѣйствительной жизни: намъ снится нерѣдко то, о чемъ думаемъ, чего хотимъ или боимся. Даже кошмаръ, бредъ и т. п., происходя отъ отравленія мозга какими-нибудь органическими ядами, если хотите, соответствуютъ дѣйствительности, т.-е. наступающей или наступившей ненормальности и болѣзни. Въ виду такого соотношенія дѣйствительности и сновидѣнія многие не придаютъ этому мареву жизни никакого серьезнаго значенія, считают ихъ пустяками. Этотъ взглядъ допустимъ лишь до тѣхъ поръ, пока окружающая дѣйствительность безцвѣтна, однооб-

разна, проста и пуста; въ такихъ случаяхъ, разумѣется, очень многочисленныхъ, сны, отвѣчающіе жизни и мыслямъ, будутъ, конечно, не важными; они въ большинствѣ случаевъ пустяшны, потому что такова внутренняя и внѣшняя жизнь. Но дѣло сразу мѣняется, если субъектъ живетъ полной, одухотворенной, важной для него и другихъ жизнью, богатой впечатлѣніями; сны, отвѣчающіе таковой дѣйствительности, будутъ, конечно, уже не пустяками. Безъ причины ничего не бываетъ, и съ переменной ея мѣняется и слѣдствие. «Сны—даръ Бога душѣ, достойной спасенія», утверждаетъ св. Григорій Богословъ (часть 2, стр. 91). Не надо упускать изъ виду, что многие видятъ замѣчательно красивые, оригинальные, даже, такъ называемые, вѣщныя сны. Госпожа Роланъ часто видѣла во снѣ свою нѣжнолюбимую подругу дѣтства; Роланъ даже ставитъ вопросъ: что предпочтительнѣе—быть всегда счастливымъ во снѣ и несчастнымъ въ дѣйствительности, или счастливымъ въ дѣйствительности и всегда несчастнымъ во снѣ (см. ея Письма, стр. 272 и 442, изд. 1867 г. Paris).

Примѣровъ яркихъ, поразительныхъ сновъ много; особенно замѣчательны (кромѣ приведенныхъ языческими писателями, преимущественно Цицерономъ) сны св. Григорія Богослова (часть 4, стр. 255. 2 дѣвы) и особенно сонъ матери бл. Августина, Моники, являющійся какъ бы особенно жизненнымъ, тѣлесно-реальнымъ (см. Испов., стр. 64). Невольно бросается въ глаза точность этого сна, его подробности, отвѣтъ на затаенный, безпокойный вопросъ.

Эта точность и подробность весьма опредѣленно показываютъ, какъ много мы могли бы ожидать отъ сновидѣній, какія большія надежды можно возлагать на нихъ, разумѣется, не ежедневно. И пусть не думаетъ читатель, что такихъ замѣчательныхъ видѣній удостоивались исключительно святые въ древности, вообще столь богатой духовными дарами (см. Иринея, Лион. Противъ ересей, стр. 256). «И юноши ваши будутъ видѣть сны и старцы будутъ вразумляемы видѣніями», пророчествуетъ Іоиль объ обыкновенныхъ сынахъ Израиля. Мы сейчасъ увидимъ, что подобныя, выдающіеся сны видятъ и современные грѣшныя люди, что для нашей цѣли, конечно, особенно важно и безъ чего приведенные выше блестяще примѣры очень мало говорили бы уму и сердцу. Нельзя отрицать, что вѣщныя сны не всегда представляютъ простыя отраженія обыденной жизни, чаяній и опасеній, а иногда являются прямымъ внушеніемъ свыше, что признается и св. Писаніемъ, хотя бы, напримѣръ, по отношенію къ извѣстному сну Іакова, видѣвшаго лѣстницу. «Господь же утверждашеся на ней и рече». (Ригъ-Веда также допускаетъ появленіе «родственника во снѣ» и молится, чтобы это прошло благополучно). Наконецъ извѣстные сны Повуходоносора были, разумѣется, не земного происхожденія.

Выше я сказалъ, что оригинальныя, важныя сновидѣнія отнюдь не являются исключительной привилегіей лю-

дей святыхъ, великихъ, вообще выдающихся; и обыкновенные люди среднихъ силъ и способностей (или немного выше) видятъ иногда поистинѣ замѣчательные сны поэтической формы и глубокаго содержания. Такъ, лѣтъ 8 назадъ одинъ изъ моихъ бывшихъ знакомыхъ, N, сообщилъ мнѣ, что онъ видѣлъ слѣдующе два сна: 1) Красивая лѣстница, обставленная сверху донизу цвѣтами и растениями. «Я (говорилъ N) быстро бѣгу по ней вверхъ и слышу чей-то голосъ, уговаривающій меня идти тихо, спокойно, чтобы осмотрѣться и насладиться видѣннымъ». Мой пациентъ не объяснялъ своего сна; но, по-моему, видѣние это надо понимать аллегорически. «Не торопись жить, не спѣши чувствовать, умѣй найти все доброе отъ каждой «ступени» бытiя; не упускай возможности радоваться этими часами, люби всѣ мѣсяцы, находи удовольствiе въ каждомъ днѣ», вотъ что, по-моему, говоритъ этотъ сонъ. Не менѣе интересенъ 2-й сонъ, когда N видѣлъ себя несущимъ какую-то чашу и какого-то почтеннаго старца, говорившаго ему: «смотри, донеси все это (до цѣли), не потеряй ни единой капли!» Опять аллегорiя: «не трать свои силы, чтобы ни одна капля ихъ не пропала безслѣдно; доведи до конца все благо твоей идеи!..» II эти, коль хотите, красивые, богатые мыслью, нравственные сны видѣлъ не святой, а нервный, раздражительный, часто ссорившiйся господинъ, не чуждый многихъ человѣческихъ слабостей, но человѣкъ религiозный, наконецъ, сознающiй свои недочеты и, можетъ быть, догадывающiйся о нѣкоторой нечистотѣ своей номинальной цѣны.

Другой обыкновенно-грѣховный и обычно-грѣшнiй человѣкъ однажды совершенно неожиданно увидѣлъ слѣдующiй сонъ. «Я, описываясь онъ, въ какомъ-то сводчатомъ храмѣ, прохожу его узкимъ коридоромъ, выходящимъ въ комнату, и слышу доносящееся издали пѣнье; оно все яснѣй и яснѣй и наконецъ превращается въ какой-то дивный гимнъ, очарованный которымъ, я падаю на колѣни въ тѣни святыхъ стѣнъ... Изъ противоположной двери въ эту круглую комнату съ пѣниемъ выходитъ процессiя священнослужущихъ,—главный въ красной ризѣ съ кадиломъ въ рукѣ и въ митрѣ, какъ-будто изъ перламутра, проходитъ въ комнату налѣво, разоблачается и садится въ кресло. Какая-то женщина въ глубокомъ траурѣ становится на колѣни и припадаетъ къ его рукѣ... «Величественная процессiя и дивная музыка производили неотразимое впечатлѣние и вызвали слезы», закончилъ рассказчикъ свое повѣствованiе, въ истинѣ котораго опять-таки пѣть никакихъ сомнѣнiй. Я нарочно привелъ этотъ сонъ, повидимому, лишенный опредѣленнаго, легко объяснимаго, сразу понятнаго смысла, но тѣмъ не менѣе величественный и красивый, стоящiй не ниже, а выше другой дѣйствительности. Особенно интересенъ этотъ «даръ ночи» своей полной неожиданностью и отдаленной, давней связью съ мечтами; такiе сны—таинственныя кометы, приходящiя изъ невѣдомыхъ, необозримыхъ пространствъ психическаго или—лучше—духовнаго мiра.

Во всякомъ случаѣ лучше видѣть такіе сны, чѣмъ плохіе, тяжелые, или никакихъ. Да будетъ человѣческій сонъ не безсознательнымъ состояніемъ, а безсознательной психической дѣятельностью, какою онъ и является иногда даже у животныхъ! А многие люди нарочно шлеются и мыкаются по разнымъ мѣстамъ, «чтобы помучиться и спать, какъ убитый». Это часто полезно, многимъ пріятно, но человѣчно ли,—вотъ вопросъ... Впрочемъ никто не долженъ мѣнять образъ жизни, не измѣнивши убѣжденія.

Бессознательная психическая дѣятельность вообще весьма важна въ жизни человѣка, особенно нервнаго: часто только она, въ видѣ какого-нибудь неопредѣленнаго, бездоказательнаго, «инстинктивнаго» порыва, приводитъ къ тому или другому рѣшенію тамъ, гдѣ безсильно сознание. Именно для этихъ послѣднихъ-то случаевъ и полезно развивать, обострять свою бессознательную психическую дѣятельность, однимъ изъ проявленій которой могутъ быть сновидѣнія, тѣ или другія, въ зависимости отъ желательныхъ представленій, упорно врѣзывающихся въ сознание. Во снѣ вы можете найти отвѣтъ (или поясненіе) на вопросы, безпокояще васъ въ долгие часы полнаго, напряженнаго сознанія, и этими отвѣтами (можетъ быть не полными) надо дорожить; они такъ же цѣнны обыкновенному человѣку, какъ мелодія—композитору и стихи—поэту. Я даже склоненъ относить въ одну категорію всѣ эти три поименованныя, являющіяся въ образахъ, мысли. Сновидѣнія—это мысль, иногда великая, часто художественная, иногда столь важная и неожиданная, что невольно напоминаетъ спасительное откровеніе свыше. Художникъ, археологъ, философъ, богословъ могутъ увидать во снѣ какъ разъ именно то, что надо, что долго и безуспѣшно утруждало ихъ изслѣдующую, можетъ быть, сильную, но человѣческую, не всемогущую, ограниченную мысль. Они могутъ быть «вразумляемы въ ночныхъ видѣніяхъ», какъ св. Григорій Богословъ умершимъ Василиемъ Великимъ и какъ патріархъ Константинопольскій 3-мя святителями, явившимися ему во снѣ и повелѣвшими прекратить споръ о томъ, кто изъ нихъ выше. Наконецъ безпокойные могутъ успокоиться, какъ тотъ же св. Григорій, увидѣвшій свою мать, благополучно ввопившею его обуреваемый корабль въ безопасную пристань (см. вышеприведенные примѣры сновидѣній Моника, Іакова и пр.). И такое рѣшеніе неразрѣшимыхъ обычнымъ путемъ, часто мучительнымъ, иногда—«проклятыхъ» и «благословенныхъ» роковыхъ вопросовъ возможно опять-таки не только святымъ, великимъ, чистымъ, но также и самымъ обыкновеннымъ смертнымъ, грѣшникамъ, въ пользу чего говорятъ хотя бы слѣдующіе изъ имѣющихся въ моемъ распоряженіи примѣровъ; послѣдше 4 получены изъ первыхъ рукъ, а не взяты изъ книгъ или сомнительныхъ преданій.

1) Знаменитому итальянскому скрипачу Тартини очень долго не удавался какой-то «пассажъ», о которомъ онъ постоянно думалъ, пока наконецъ не увидалъ во снѣ духа, виртуозно сыграв-

протянуть ихъ вверхъ, поднимая плоскость; только при этомъ приподнятомъ ея состояннн херувимы имѣли мѣсто и возможность «поднимать свои крылья» (Иез. I, II) и двигать ими, производя столь сильный и страшный шумъ,—чего они не въ состояннн были сдѣлать (по крайней мѣрѣ передъ человѣческими очами пророка), держа плоскость на уровнѣ головы (гдѣ заложены руки). Остается заключить, что твердь была не плоская, а значительно выпуклая, и не противорѣчитъ, а соотвѣтствуетъ тексту, хотя и не говорящему ничего опредѣленнаго; ибо пророкъ могъ описывать видъ тверди только выпуклой, а не плоской, которая была бы ему почти невидна и не давала бы столь яркаго впечатлѣннн «изумительнаго кристалла».

Конечно могутъ сказать и справедливо, что хорошо, дескать, видѣть красивые сны, отвѣчающіе на интересные вопросы; но какъ этого добиться? Отвѣтъ одинъ: такъ, какъ добиваются всѣ, всего, всегда, т.-е. думая объ этомъ упорно, часто, подробно. Когда спросили Ньютона, какъ онъ открылъ законъ тяготѣннн, то онъ отвѣтилъ фразой: «постоянно думая о немъ». Вотъ именно. Надо размышлять объ интересующемъ вопросѣ и днемъ (нѣсколько разъ) и ложась спать, вообще передъ сномъ; лучше всего, чтобы по возможности заснуть, перейти за грань сознаннн, въ мечтахъ объ этомъ предметѣ. И тогда сонъ будетъ средствомъ къ открытнн таинственной истины или къ успокоеннн на ея священномъ порогѣ. Надо приготовляться ко сну, соотвѣтственно его желаемымъ свойствамъ и требуемой цѣли; недаромъ Церковь назначаетъ «молитвы на сонъ грядущнн», а Великнн Великнн рекомендуетъ стараться, «чтобы самые сны были упражненнмъ въ благочестнн» (см. эпитафнѣ). На стѣнахъ ванной комнаты древннхъ китайскнхъ царей были написаны слова священной книги Ту-кинга: «обновляйся ежедневно» (см. Ту-кингъ, пер. Luignes, стр. 102). Но послѣднее возможно лишь при условнн предварительной работы надъ собою въ теченнн предшествующаго дня и ночи, т.-е. въ случаѣ соотвѣтственнаго сна, при отсутствнн извѣстныхъ качествъ котораго можетъ пропасть, испортиться слѣдующнн день, т.-е. вмѣсто обновленнн получится ухудшеннн и регрессъ. Сонъ сравниваютъ со смертнн, т.-е. переселеннмъ въ иной мнръ; но и этотъ переходъ можетъ быть плохимъ и хорошимъ; и Церковь молится ежедневно «о хрнстанской кончинѣ, безболѣзненной, непостыдной, мирной», а Рнгъ-Веда проситъ и желаетъ «благополучныхъ ночей». Талмудъ учитъ: «смерть искупааетъ грѣхн» (т.-е. часть ихъ) и такимъ образомъ улучшаетъ будущее существованнн; но и сонъ—переходъ къ новому дню можетъ и долженъ отразиться на характерѣ послѣдняго. Правда, приготовленнн ко сну дѣло нелегкое вообще и даже очень трудное, напнмѣръ для нѣкоторыхъ неврастениковъ; многіе изъ нихъ долго не могутъ заставить себя лечь въ постель, поэтому или не высыпаются или просыпаются. И я знаю случай, гдѣ такая «боязнъ постели» передавалась по наслѣдству. Замѣ-

чательно, что она очень быстро исчезаетъ, если больной перестанетъ быть одинокимъ и поселяется среди другихъ,—послѣднее и приходится часто назначать такимъ субъектамъ какъ лѣчеше. Неврастенику рекомендуется ложиться въ извѣстный назначенный часъ не только ради физическаго здоровья, но и для укрѣпленія воли, въ качествѣ моральной задачи, необходимой въ интересахъ самодѣятельности. Въ началѣ, при объясненіи причинъ сна, я уже говорилъ, что сами обстоятельства и условия жизни являются непрощенными естественными подготовителями такой или другой ночи, того или иного сна. Такъ у людей некультурныхъ, первобытныхъ, живущихъ среди суровой угрожающей дѣйствительности, сновидѣнія обыкновенно, т.-е. чаще, будутъ носить тяжелый, мрачный колоритъ и, можетъ быть, этимъ объясняется стихъ Ригъ-Веды: «сонъ—источникъ неправды» (см. пер. Langlois, стр. 38, в. Bibl. orient.). И вообще сны нерѣдко служатъ отголоскомъ дѣйствительности, когда ясны намеки рождаютъ неясныя предчувствія; таковы, напримѣръ, грезы королевы Уты въ Нибелунгахъ, и «мутенъ сонъ» Святополка киевскаго (см. Слово о Полку Игоревѣ). Приготовленіе ко сну, какъ и всякій личный починъ, подвигъ, усовершенствованіе, должно быть индивидуализировано, приурочено къ условиямъ жизни и характеру каждаго отдѣльнаго человѣка. Однако существуютъ вмѣстѣ и общія требованія, одинаковыя для всѣхъ (конечно здоровыхъ, нормальныхъ, свободныхъ и пр.) людей. Напримѣръ, на ночь не слѣдуетъ наѣдаться, надо принимать, какъ можно, меньше пищи, лучше даже совсѣмъ не ѣсть. Послѣ обильнаго ужина и соответственнаго количества возліяній, разумѣется, весьма наивно будетъ разсчитывать на «сонъ легокъ» или наѣяться «въ тонцѣ снѣ» увидѣть что-либо порядочное, это ясно для всѣхъ. «Такія же постели, какъ Іаковъ, устроишь и мы, чтобы видѣть такіе же сны», учитъ Іоаннъ Златоустъ (О священ., стр. 780). Человѣкъ долженъ стараться и во снѣ не перестать быть человѣкомъ, спать по-человѣчески, а многие люди, къ сожалѣнію (а не въ осужденіе), спятъ хуже животныхъ.

Съ улучшеніемъ сна можетъ станеть лучше и бодрствованіе, и немогущіе исправить днемъ, пусть начнутъ исправленіе съ ночи, подойдутъ къ задачѣ съ другого конца.

Пнеагоръ рекомендовалъ ежедневно, ложась спать, приводить на память сдѣланныя ошибки и прегрѣшенія,—что для него лично и подобныхъ ему можетъ быть и было полезно и цѣлесообразно; но для насъ важнѣе думать не объ отрицательномъ, а о положительномъ, не о томъ, что не удалось, а о томъ, что желательно и интересно. Такимъ путемъ можно устроить себѣ хорошую жизнь во снѣ и продлить для себя блага земнаго существованія, пропадающія обыкновенно въ часы сна.

Читатель! Если будете въ С.-Петербургѣ, зайдите въ музей Александра III (въ Михайловскомъ дворцѣ) и посмотрите на скульптуру Бернштейна «Сонъ» и вы увидите, что можно жить

во снѣ, и вы поймете, что значить фраза Соломона: «сладостно поспиши». Во Флоренци въ усыпальницѣ Медичисовъ есть группа Микель Анджело «Утро и Вечерь». Многимъ бросалась въ глаза глубокая печаль на лицѣ перваго; откуда эта грусть на лицѣ утра, обыкновенно сывущаго столь радостнымъ? Это утро слишкомъ раннее, преждевременное пробуждение послѣ сладкаго сна. Великій скульпторъ хотѣлъ сказать, что Лаврентій Медичи скончался очень рано и неумолимый зовъ вѣчности не позволилъ ему досмотрѣть дивный сонъ жизни. Вглядитесь еще разъ въ лицо этого Утра и поймите, какъ очаровательни можетъ быть жизнь во снѣ! Если вамъ еще недостаточно убѣдительно, то прочтите Климента Алек. Строматы.

В. Недзвецкій.

ПОРВАННЫЯ СТРУНЫ.

Романъ въ двухъ частяхъ.

Часть вторая.

I *).

Има тянулася для Нины томительно долго.

Сезонъ былъ въ полномъ разгарѣ.

Въ этомъ году Муромскіе повели открытую жизнь: они давали роскошные балы, посѣщавшіеся избранной столичной молодежью.

Софья Михайловна старалась не пропускать ни одного интереснаго концерта.

На каждомъ новомъ представленіи въ театрѣ одна изъ ложъ бельэтажа была непременно занята Муромскими.

Медвѣдевъ, подстрекаемый любезностью и обѣщаніями Софьи Михайловны, удвоилъ вниманіе къ Нинѣ, которая, однако, попрежнему оставалась къ нему равнодушной.

Она отлично понимала тактику родителей, ясно видѣла цѣль всѣхъ выѣздовъ и развлеченій, и хотя страшно тяготилась этимъ, но не выказывала сопротивленія, подчинившись обстоятельствамъ.

Она предчувствовала борьбу и, уступая въ мелочахъ, берегла силы на рѣшительный шагъ.

Нина не забыла Озерина.

Въ театрѣ и на балу, окруженная толпой молодежи

*) См. Свѣточъ, кн. июль—августъ, стр. 59.

дѣвушка одинаково оставалась безучастной къ окружавшему; ея мысль невольно уносилась къ дорогому для нея Нагорному, теперь занесенному снѣгомъ.

Звуки музыки навѣвали на нее сладкія мечты, въ которыхъ неизмѣнно возставалъ передъ нею какъ живой „его“ образъ... Ей мерещился маленькіи садикъ, низкая крыша сѣраго домика, и въ немъ склоненная надъ работой фигура милаго ей слѣплого юноши... Порой ей чрезвычайно хотѣлось, чтобы Ларя, такъ страстно любящій музыку, былъ съ нею. Она высчитывала мѣсяцы и съ нетерпѣніемъ ждала того времени, когда получить возможность вмѣстѣ съ нимъ посѣщать концерты и театры.

„Какимъ счастьемъ было бы это для него!“ думала Нина.

Иногда ей казалось даже жестокимъ со стороны родителей такъ отдалять срокъ ихъ свиданья.

Единственный человѣкъ, которому Нина могла излить свою душу, былъ Алексѣевъ.

Онъ съ своей стороны зорко присматривался къ душевному состоянію Нины. Чуткій и отзывчивый по натурѣ, беззавѣтно преданный дѣвушкѣ, онъ самъ страдалъ за нее, предчувствуя, что желаніе Нины никогда не будетъ исполнено ея родителями. Онъ зналъ, что это обѣщаніе было дано только въ минуты грозившей имъ опасности потерять ее.

Часто въ душевныхъ разговорахъ съ Ниной онъ пытался съ возможною осторожностью приготовить ее къ суровой дѣйствительности.

Но дѣвушка горячо спорила съ нимъ, желая сама непоколебимо вѣрить обѣщанію отца...

— Но вѣдь Александръ Николаевичъ не давалъ вамъ прямого обѣщанія,—говорилъ Алексѣевъ;—онъ только сказалъ, что если и возможенъ этотъ бракъ, то не ранѣе какъ черезъ два года... Я не думаю утверждать, что этого никогда не будетъ... Дай Богъ, чтобы ваше желаніе сбылось... Но я хочу только сказать, что не мѣшало бы вамъ испытать себя: не можете ли вы забыть Озерина? Передъ вами еще вся жизнь... Вѣдь подобныя событія случаются почти съ каждымъ человѣкомъ... Счастливая любовь—это такая рѣдкость!

Нина въ задумчивости слушала его...

Ей и самой иногда представлялась возможность всего этого... Тогда ей казалось, что жизнь словно останавливается въ ней...

„Безъ Лари для чего мнѣ и жить?“—проносилось у нея въ головѣ.—Нѣтъ, нѣтъ... Я чувствую въ себѣ слишкомъ много силъ для жизни и желанія жить... Это должно быть, должно, это будетъ...—твердила она про себя съ рѣшительной настойчивостью и съ тоскою прибавляла:—о, если бы онъ былъ сейчасъ здѣсь... хотя бы на нѣсколько минутъ увидѣть его!..“

За все это время Нина не получала никакой вѣсти отъ Озерина.

Эта неизвѣстность еще болѣе усиливала ея тоску.

„Что съ нимъ? Здоровъ ли онъ?—думала она часто, возвращаясь къ себѣ въ комнату, усталая, откуда-нибудь съ бала.—Поскорѣй, поскорѣй проходила бы зима... Хотя бы онъ приснился мнѣ!..“

Но однажды судьба неожиданно сжалилась надъ дѣвушкой.

Въ концѣ святокъ, послѣ Новаго года, къ Муромскому пріѣхалъ управляющій Нагорнаго Корневъ.

Узнавъ объ этомъ, Нина вбѣжала въ столовую, гдѣ онъ сидѣлъ уже за чаемъ.

— Что, какъ въ Нагорномъ?—здороваясь съ пріѣзжимъ, спросила Нина, не спуская съ него глазъ съ выраженіемъ ожиданія.

— Все благополучно,—отозвался тотъ.—Я привезъ вамъ подарокъ. Катя съ Лизой посылаютъ вамъ свое рукодѣлье. Что-то такое вышивали и все спѣшили кончить къ моему отъѣзду.

Нина дружила съ дочерьми Корнева, которыхъ и посвятила въ свою тайну.

Управляющій передалъ дѣвушкѣ небольшой свертокъ, зашитый въ бѣлую холстину. Нина поблагодарила Корнева и поспѣшно убѣжала въ свою комнату.

Руки у нея дрожали отъ нетерпѣнія, когда она перерѣзывала нитки, которыми была зашита холстина. Чутье подсказывало ей, что въ сверткѣ были не только одни дѣвичьи подарки.

Она развернула холстину. Въ ней оказалось вышитое гладью полотенце, а въ немъ лежалъ конвертъ. Нина взглянула на почеркъ. Письмо было отъ Лизаньки. Она нетерпѣливо разорвала конвертъ и вынула письмо. Вдругъ на

колѣни ей упала бумажка, исписанная шрифтомъ Брайля. Это была записка отъ Озерина. Рука Нины сильно дрожала отъ волненія, когда она ее развѣртывала.

„Здравствуй, Нина, моя свѣтлая заря! — писалъ Озеринъ.—Здорова ли ты? Я здоровъ, но мнѣ скучно безъ тебя.

Дни мои томительно однообразны. Нѣтъ никого, съ кѣмъ бы я могъ подѣлиться мыслями. Я живу лишь однимъ: прїѣдешь ты—и весна возвратится. Шлю тебѣ свой привѣтъ! Милая, не забывай меня!“

Сердце Нины билось, когда она читала дорогія ей строки. Это было первое письмо отъ „него“. Онъ ее помнитъ. Онъ тоскуетъ по ней.

Глаза ея заблестѣли радостью... Она прижала къ губамъ бумажку и тихо засмѣялась своему внутреннему счастью. Все вокругъ, казалось Нинѣ, приняло вдругъ иной колоритъ.

Сквозь замерзшія, разрисованныя морозомъ окна ея комнаты проглядывалъ яркіи лучъ утренняго солнца и весело игралъ на свѣтлыхъ обояхъ и на широкихъ листьяхъ развѣсистой пальмы.

Изъ дѣвичьей доносился звонкіи заразительный смѣхъ Акюши, и Нинѣ вдругъ также захотѣлось смѣяться.

„Отчего ей такъ весело?—подумала Нина, стоя передъ зеркаломъ и улыбаясь самой себѣ.—И мнѣ весело... вотъ такъ и надо, чтобы всѣмъ было хорошо!“

Она сошла внизъ. Во всѣхъ комнатахъ, Нинѣ показалось, было какъ-то особенно празднично.

Въ столовой пили чай. Окинувъ всѣхъ блестящимъ затаенной радостью взглядомъ, дѣвушка сѣла на свое мѣсто, рядомъ съ отцомъ.

— Что съ тобою? — спросилъ старикъ.

— Ничего, такъ, папа,—отозвалась дочь.

Она посидѣла нѣсколько времени молча, облокотясь на руку, послушала разсказъ Корнева о томъ, какъ у мельника Антипа угнали наканунѣ Рождества двухъ лошадей. Но ей не сидѣлось. И вставъ со стула, она снова ушла въ свою комнату.

Весь этотъ день Нина ходила съ взволнованнымъ и счастливымъ лицомъ.

Надежда, поколебленная было словами Алексѣева, вдругъ воскресла въ ней съ новой силой.

Близость свиданія, горячая увѣренность въ возможности счастья, еще усилившаяся въ разлукѣ любовь къ Озерину наполняли тихой радостью все существо Нины.

Она даже съ небывалымъ увлеченіемъ начала собираться къ предстоявшему вечеромъ балу въ собраніи, куда намѣревалась отправиться съ Алексѣевымъ, обѣщавшимъ захватить за Муромскими къ 10 часамъ.

На этомъ балу хотѣли быть также и Медвѣдевы.

Порывистая радость, которой дышало лицо Нины весь этотъ день, не покидала ее и теперь, когда она, одѣвшись, сошла внизъ, чтобы показаться матери.

Софья Михайловна довольно улыбнулась, окинувъ внимательнымъ взглядомъ блестящій туалетъ Нины. Она нашла, что дочь была нынче особенно интересна.

Ея синіе, темные глаза вспыхивали порой какимъ-то чуднымъ огонькомъ. Розовыя губы были слегка полукрѣпы, грудь высоко и порывисто поднималась. Вся фигура дышала огнемъ возбужденія. Бѣлое, легкое дымковое платье, съ открытыми руками, и гирляндой изъ бѣлыхъ розъ, придавало фигурѣ молодой дѣвушки какую-то особенную нѣжность, воздушность и изящество.

— Твое платье очень хорошо, Нина, — сказала Софья Михайловна, поправляя затянутой уже въ перчатку рукой приколотую къ корсажу Нины бѣлую розу. — И оно удивительно идетъ къ тебѣ.

Слегка отступивъ, она еще разъ окинула внимательнымъ взглядомъ дочь, и мысль ея невольно перенеслась къ Медвѣдеву. Ей почему-то казалось, что Нина забыла Озерина. Всю зиму она не слыхала отъ дочери ни одного слова про слѣпого. А развѣ дѣвунка можетъ не говорить о томъ, кого любить? Софья Михайловна помнила себя... Нѣтъ, Нина положительно измѣнилась. Грустное выраженіе, бывшее на ея лицѣ первое время по пріѣздѣ въ Петербургъ, теперь исчезло совершенно, Нина даже слишкомъ весела, въ особенности нынче... Муромская старалась угадать причину такого настроенія дѣвушки.

„Неужели она ждетъ этого бала?.. На немъ будетъ Медвѣдевъ... — соображала Софья Михайловна, пытаясь прочесть выраженіе въ темныхъ глазахъ своей дочери, — что, если правда?..“

А Нина, остановясь передъ трюмо, задумчиво смотрѣла на свой изящный нарядъ, блестящій свѣжестью.

„И онъ меня никогда не увидить“, пронеслось у нея въ головѣ.

Глаза Нины внезапно потухли, и облако грусти набѣжало на ея черты.

Софья Михайловна не могла понять, отчего такъ быстро измѣнилось выражение лица у Нины.

„Нѣтъ, — думала она, смотря на затуманившуюся дѣвушку, — чего-то слишкомъ много въ ней... Ея лицо въ самое короткое время можетъ принять нѣсколько выражений“.

Въ передней раздался звонокъ. Это пріѣхалъ Алексѣевъ. Ина вышла къ нему снова сияющая радостью.

— Vous etes ravissante aujourd'hui (вы прелестны нынче), — сказалъ Алексѣевъ, цѣлуя у нея руку.

Онъ замѣтилъ, какъ Нина вся трепетала отъ какой-то затаенной радости, и, не понимая причины этого, лишь внимательно-вопросительно смотрѣлъ въ горѣвшіе жизнерадостнымъ блескомъ глаза дѣвушки.

— Я пойду одѣваться, мама, — сказала Нина.

— Подожди, не спѣши, — отвѣтила Софья Михайловна, не любившая пріѣзжать на балъ рано. — Пройдемте въ гостиную, Николай Васильевичъ.

II.

Балъ уже давно начался, когда Нина подъ руку съ Алексѣевымъ вошла въ залитый свѣтомъ отъ люстръ блестящій и шумный залъ.

Взгляды всѣхъ съ невольной улыбкой остановились на юной парѣ, казавшейся на видъ такой счастливой.

Дамы съ чисто женскимъ любопытствомъ и завистью окинули съ ногъ до головы Нину и мысленно не могли не признать за нею пальмы первенства.

Въ своемъ бѣломъ воздушномъ платьѣ Нина была чрезвычайно мила и грациозна.

Нѣсколько знакомыхъ мужчинъ тотчасъ же окружили дѣвушку.

Медвѣдевъ стоялъ у стѣны. Замѣтивъ Муромскихъ, онъ подошелъ къ нимъ.

Нина дружески улыбнулась ему и подала руку.

— Мы, кажется, поздно пріѣхали, — сказала она.

Медвѣдевъ бросилъ на нее долги грустный взглядъ, удивляясь той неувимой все новой красотѣ, которая открывалась ему въ ея лицѣ.

„Сколько въ немъ огня и выражения... въ соединении съ дѣтской прелестью“, думалъ онъ, не будучи въ состояннн отвести взора отъ дѣвушки.

Раздались чарующе звуки вальса и понеслись по залѣ. Алексѣевъ и Медвѣдевъ оба заразъ пригласили Нину. Она выбрала Медвѣдева, положивъ ему руку на плечо.

Когда молодой человѣкъ почувствовалъ ее такъ близко отъ себя и дѣвушка подарила его милой улыбкой, у него закружилась голова.

Онъ сдѣлалъ одинъ туръ и остановился.

Нина съ удивленіемъ замѣтила, что онъ поблѣднѣлъ.

— Что съ вами? Вы больны, Борисъ Александровичъ? — съ участіемъ освѣдомилась она.

— Я?.. Да, что-то нехорошо... Я усталъ... — проговорилъ онъ.

Онъ посадилъ ее и отошелъ.

Къ ней приблизился Алексѣевъ.

— Теперь моя очередь, — сказалъ онъ, подавая ей руку.

Нина танцевала безъ отдыха.

Медвѣдевъ не танцевалъ и былъ грустенъ въ этотъ вечеръ.

Онъ взялъ стулъ и, сѣвъ поодаль, сталъ смотрѣть на вальсировавшихъ. Но глаза его видѣли въ залѣ одну только Нину, которая, то и дѣло мѣняя кавалеровъ, носилась передъ нимъ.

— Я устала и не могу больше! — сказала наконецъ она офицеру, съ которымъ танцевала.

Тотъ молодежато щелкнулъ шпорами и, повернувъ Нину еще раза два вокругъ себя, остановился и, съ поклономъ посадивъ ее на стулъ, самъ опустился возлѣ нея.

Медвѣдевъ не спускалъ глазъ съ дѣвушки.

„Какъ мила она нынче! — съ грустью думалъ онъ. — Она такъ похорошѣла за этотъ годъ!.. При любви женщина все-

гда расцвѣтаетъ... Ея лицо одушевлено скрытымъ внутреннимъ огнемъ... Сколько женственности проявилось въ ней!..“

— Сегодня замѣчательный балъ!—услыхалъ онъ слова сидѣвшаго съ Ниной офицера.— Посмотрите, какое оживленіе! Нынче всѣмъ очень весело...

— Почему? — спросила дѣвушка.

Она улыбулась, сама не зная чему.

— Потому что весело вамъ, — нагнувшись, вполголоса пояснилъ офицеръ. — Вы даете тонъ, и если весело вамъ...

Нина засмѣялась.

— Вотъ какъ! Я даю тонъ... дѣлаю погоду?!

— По крайней мѣрѣ, мнѣ, — улыбаясь и крутя пышные усы, отвѣтилъ офицеръ, не спуская съ Нины выразительнаго взгляда.

Она вдругъ покраснѣла подъ этимъ взглядомъ и опустила глаза.

„Зачѣмъ я позволяю ему такъ смотрѣть на себя? — подумала она. — Онъ не смѣетъ...“

И вдругъ ей сильно захотѣлось, чтобы на мѣстѣ этого офицера былъ „онъ“ такъ же близко къ ней, чтобы она могла увидѣть его стройную юношескую фигуру, милое грустное лицо...

Надежда, которая жила въ ней весь день, вдругъ неожиданно и безпричинно оставила ее. Та порывистая радость, которая поддерживала ее оживленіе весь вечеръ, мгновенно исчезла, и Нина почувствовала страшную пустоту вокругъ себя.

Тысячи огней, пестрые женскіе наряды, громъ музыки, несвязный говоръ, все смѣшалось въ какомъ-то хаосѣ передъ Ниной.

Ей захотѣлось уйти отсюда въ свою комнату, остаться одной, чтобы никто не смѣлъ мѣшать ей думать о милomъ далекомъ женихѣ... Она опустила на колѣни руки и задумалась, забывъ и своего собесѣдника, и гдѣ она находилась...

Офицера поразила столь внезапная переменна съ дѣвушкой. Онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на ея поблѣднѣвшее лицо, въ ея затуманившееся отъ слезъ глаза.

Онъ еще ниже нагнулъ къ ней и тихо произнесъ:

— Нина Александровна, о чемъ вы задумались?.. скажите...

Она не отвѣтила и слегка отвернула отъ него голову.

Онъ продолжалъ:

— Скажите, кто тотъ счастливецъ, о комъ вы думаете?

Нина улыбнулась.

Это придало бодрости офицеру. Онъ прижался губами къ ея рукѣ и прерывающимся голосомъ проговорилъ:

— Я васъ люблю...

Нина не дала ему кончить фразы и встала со стула.

— Вы не имѣете права... такъ говорить со мной! — прерывающимся голосомъ сказала она. — Вы не смѣете... Я невѣста другого...

И, не взглянувъ на офицера, отошла отъ него.

Онъ также всталъ вслѣдъ за Ниной и смѣшался съ толпой.

Медвѣдевъ видѣлъ и слышалъ все.

Ея слова: „я невѣста другого...“ наполнили его сердце ѣдкой горечью. Такъ она уже невѣста... Онъ этого не зналъ... Что она любитъ кого-то, онъ догадывался весь этотъ годъ... но невѣста... это слово болью отозвалось въ его сердцѣ. Слѣдовательно между ними уже все рѣшено... Но чья же она невѣста? Не Алексѣева же? Чья? И почему это такъ скрытно?

Онъ всталъ и, не отдавая себѣ отчета, машинально направился къ Нинѣ, которая сидѣла одна. Онъ опустился возлѣ нея.

Его молчаливое страдание не могло не отзываться въ сердцѣ Нины. Она съ болью смотрѣла въ его блѣдное, измученное лицо.

— Борисъ Александровичъ, вы неузнаваемы въ послѣднее время... Къ чему же это приведетъ?...—замѣтила дѣвушка съ состраданіемъ.

— Мнѣ... мнѣ... тяжело здѣсь быть,—проговорилъ Медвѣдевъ съ усиліемъ.

— Я хотѣла поговорить съ вами нынче... сказать вамъ... Вы должны знать, что... что... я...

Она смутилась и остановилась.

— Вы можете не произносить этого слова, Нина Александровна. Я знаю это давно. Весь этотъ годъ я всматривался въ васъ и понималъ все... Я не знаю только имени вашего избранника, да и не хочу знать...

Нина покраснѣла.

— Вы угадали, — тихо промолвила она. — Да, я люблю... Забудьте меня, Борисъ Александровичъ.

Что-то вродѣ улыбки исказило блѣдное лицо Медвѣдева.

— Какъ легко это сдѣлать по-вашему, Нина Александровна! — насмѣшливо произнесъ онъ.

— Борисъ Александровичъ! — съ горечью воскликнула Нина, — а мнѣ? неужели вы думаете легко?.. Неужели я не страдаю за васъ?!

Медвѣдевъ вздрогнулъ. Въ безумной тоскѣ онъ прошепталъ:

— Сжальтесь! Я люблю васъ... Я начну новую жизнь... Я измѣнюсь для васъ... Я дамъ вамъ все. Каждое дыхание моей жизни, каждая мысль будетъ вамъ посвящена... Ребенкомъ я уже любилъ васъ...

Онъ былъ страшно блѣденъ.

— Я тоже люблю васъ, — проговорила Нина, — но какъ брата; что же дѣлать, если...

— Да, вы правы, — перебилъ онъ, — здѣсь рокъ. Но... пока вы не съ „нимъ“, я еще могу жить, потому что меня не покидаетъ безумная надежда... Но когда я узнаю, что вы принадлежите ему, тогда... тогда... я уже не могу жить...

— Что вы говорите! — воскликнула Нина съ ужасомъ.

Онъ взглянулъ на нее какимъ-то пронизывающимъ взглядомъ, отъ котораго Нина невольно сжалась.

— Итогъ подведенъ... Прощайте, Нина Александровна!

— Подождите... не уходите... — остановила его дѣвушка: — мнѣ страшно...

— Чего? — глухо спросилъ онъ.

— Я боюсь за васъ.

Онъ молчалъ.

— Борисъ Александровичъ, а религія? Боже! вѣдь вы не вѣрите!.. О, если бы вы вѣрили, сколько утѣшенія могла бы доставить вамъ религія!

Медвѣдевъ мрачно покачалъ головой.

— Скажите, что дѣлать человѣку, у котораго все отнято въ жизни, у котораго отнято даже то послѣднее, въ чемъ думалъ онъ найти себѣ возможное успокоеніе — это дикая несбыточная надежда... вы и ее у меня отняли... Прощайте, Нина Александровна! — вдругъ оборвалъ онъ и, сколь-

знувъ по ней все тѣмъ же холоднымъ, пронзающимъ взглядомъ, отошелъ отъ нея.

Сославшись на нездоровье, онъ не зашелъ даже проститься съ Софьей Михайловной, и уѣхалъ съ сестрою съ бала.

По отъѣздѣ Медвѣдевыхъ, Нина оставила залу и перешла въ гостиную, гдѣ сидѣла Софья Михайловна.

У дѣвушки разболѣлась голова. До нея какъ во снѣ доносились изъ залы звуки вальса.

— Нина!—вдругъ обернувшись и замѣтивъ дочь, воскликнула Софья Михайловна, — что ты сидишь тутъ одна? почему не танцуешь?

— У меня болитъ голова, и я устала... оттого и ушла сюда... уже поздно... поѣдемъ домой. Медвѣдевы уѣхали...

— Уѣхали?—воскликнула Софья Михайловна, окидывая Нину испытующимъ взглядомъ. — Почему? что случилось?.. И не пришли даже проститься?

— Поѣдемъ домой, мама,—повторила Нина.

Софья Михайловна не стала спрашивать дочь. По ея лицу она видѣла, что случилось что-то неирѣтное. Она почти догадывалась о причинѣ, но не хотѣла вѣрить. Такъ тяжело ей было разстаться со своими мечтами.

III.

— Отчего уѣхалъ Медвѣдевъ?—строго спросила Софья Михайловна, когда дверцы кареты захлопнулись за ними.

Нина ждала этого вопроса. Откинувшись въ уголь, такъ, чтобы свѣтъ отъ фонаря не падалъ на ея лицо, и стараясь казаться спокойной, она тихо отвѣтила:

— У насъ зашелъ разговоръ о прежнемъ, и я сказала ему, что я уже невѣста.

— Ты?! Ты сказала ему это?

— Да, потому что вѣдь это же правда, мама.

— Что?! Такъ ты еще не выбросила изъ головы своей глупости?..

Нина еще глубже прижалась въ уголь кареты.

— Ужели ты могла думать, мама, что я забуду его?!

— Мерзкая дѣвчонка!—не будучи въ состояннн сдержать

своего гнѣва, воскликнула Софья Михайловна. — Такъ ты осмѣлилась оскорбить Бориса Александровича, этого достойнѣйшаго человѣка! Ты осмѣлилась унижить передъ нимъ себя и всѣхъ насъ!..

— Унизить?!—дрожащимъ отъ слезъ голосомъ повторила Нина.

— Да, унижить! Ужъ не сказала ли ты ему имя того, кого любишь?..

— Я не сказала... но только вовсе не потому... и ты глубоко ошибаешься: его имя не хуже моего.

— И она промѣняла Медвѣдева на этого...

— Мама!!

Софья Михайловна видѣла, что всѣ мечты ея, которыя она такъ долго лелѣяла, разлетѣлись въ прахъ... Она не могла простить дочери ея своеволя, какъ называла она поступокъ Нины.

— Но ты можешь быть воображаешь, что мы согласимся на твои глупыя затѣи?.. И не думай!.. Отецъ и слышать не хочетъ... Что выдумала: связать свою судьбу со слѣпымъ крестьяниномъ! Все равно, что живой похоронить себя.

Нина сидѣла молча, убитая, подавленная. Она не возражала. Зачѣмъ? Она знала, что ей никогда не переубѣдитъ мать, у которой ко всему другому присоединялась еще и сословная гордость.

Какое-то внутреннее чувство подсказывало, что ея свѣтлыя, чистыя мечты о счастьѣ съ любимымъ человѣкомъ — неисполнимы...

Почему-то нынче послѣ его письма надежда вспыхнула въ ней, но и мгновенно погасла, чтобы уже не воскреснуть...

Закутавшись плотнѣе въ свою рогонду и чувствуя какой-то нервный ознобъ, Нина сидѣла не шевелясь и неподвижно смотрѣла на мелькавшіе въ окно кареты—дома, вывѣски, магазины, экипажи. Ей казалось, какъ будто что-то большое, чудовищное надвигалось на нее, сдавливало ей грудь и горло. Она прислушивалась къ тому, что говорила Софья Михайловна, но слышала только одни слова, не понимая ихъ значенія. Въ ухахъ стоялъ шумъ, и сердце томительно ныло...

Нина не замѣтила, какъ они подъѣхали къ дому.

Точно во снѣ поднялась она по широкой, освѣщенной

лѣстницѣ и удивилась, увидѣвъ себя въ зеркалѣ въ такомъ блестящемъ туалетѣ.

„Какъ странно! — подумала Нина, проведя рукой по лбу, — что это я думала?.. Да, все кончено...“

Тяжелая атмосфера нависла въ домѣ Муромскихъ. Потянулись тоскливые, томительные дни. Нина ни разу не возобновляла разговора объ Озеринѣ. И никто также, казалось, не хотѣлъ или не рѣшался заговорить о немъ.

Наступилъ великій постъ. Балы и театры прекратились. Домъ Муромскихъ опустѣлъ. Софья Михайловна, всегда любившая посѣщать храмы, сдѣлалась еще набожнѣе, и почти не пропускала церковныхъ службъ. Нина часто оставалась вдвоемъ съ отцомъ. Иногда, сидя съ нимъ за вечернимъ чаемъ, она хотѣла заговорить объ Озеринѣ, но почему-то всегда откладывала...

IV.

Прошелъ великій постъ, а затѣмъ и Пасха. Нина ждала весны, чтобы поскорѣе оставить ненавистный для нея Петербургъ. Она жадно слѣдила за пробужденіемъ природы: ручейками, бѣгущими по улицамъ, за яркимъ блескомъ уже не зимняго солнца.

Къ срединѣ апрѣля стаялъ снѣгъ, зашумѣли воды, и весна полновластно вступила въ свои права.

Нина всемъ сердцемъ рвалась въ любимое Нагорное.

А Софья Михайловна какъ бы нарочно медлила отъѣздомъ. Наконецъ въ первыхъ числахъ мая Муромскіе уѣхали къ себѣ въ деревню.

Неспокойно билось сердце Нины, когда она приближалась къ усадьбѣ... Осталось всего съ полверсты пути. Показалась уже и бѣлая церковь на берегу, а далѣе на горѣ обрисовался чернымъ силуэтомъ и старый барскій домъ...

Нина съ замирающимъ сердцемъ слѣдила за развертывавшимися передъ нею столь знакомыми ей и родными сельскими картинами.

Глаза ея съ напряженнымъ вниманіемъ старались различить крышу сѣраго домика, утонувшаго въ чащѣ зелени, цвѣтущихъ яблонь и грушъ.

Вдругъ рука, опиравшаяся на дверцы коляски, дрог-

нула, и яркая краска залила ее лицо: у калитки сада, на самой дорогѣ, прислонясь къ дереву, стоялъ Озеринъ.

Какъ только Нина увидѣла его, вся кровь бросилась ей въ голову и застучала въ вискахъ. Нервнымъ движеніемъ отворила она дверцы коляски и, прежде чѣмъ могли ее остановить, она уже выпрыгнула на дорогу и бросилась къ саду.

— Нина! — удивленно и испуганно крикнула Софья Михайловна.

При звукѣ знакомаго имени Озеринъ вздрогнулъ и протянулъ впередъ руки. Нина была уже около него. Она обвила руками шею слѣпого и прижалась къ нему.

— Ларикъ мой!—взволнованно воскликнула она.

Счастливый Озеринъ крѣпко прижалъ къ себѣ Нину, пораженный неожиданностью.

Софья Михайловна пришла въ странное негодованіе. Выйдя изъ коляски, она приблизилась къ Нинѣ и, задыхаясь, срывающимся голосомъ произнесла:

— Что это за сцена? Какъ тебѣ не стыдно?! Садись въ экипажъ!.. Господинъ Озеринъ! вы забываетесь!

Она вырвала Нину изъ объятій слѣпого и съ силою толкнула ее въ коляску.

Нина закрыла лицо руками. Безнадежная тоска сдавила ей сердце; она съ трудомъ сдерживала подступавшія къ горлу рыданія. Приѣхавъ домой, она проплакала весь вечеръ.

Прошло нѣсколько дней. Нина сильно страдала. Она порывалась каждый день повидаться съ Озеринымъ, такъ какъ ей необходимо было передать ему все, что случилось съ нею. Но Софья Михайловна зорко стояла на стражѣ, и у дѣвушки была отнята всякая возможность выйти одной изъ дому. Этотъ неусыпный надзоръ еще болѣе увеличивалъ ее мученія.

„Боже мой! за что они терзаютъ меня? Я должна переговорить съ нимъ! что думаетъ онъ теперь... чѣмъ объясняетъ мое молчанье?“

Но дни проходили за днями, миновалъ цѣлый мѣсяцъ, а Нинѣ еще ни разу не удалось свидѣться съ Озеринымъ.

(До слѣд. книжки.)

А. Красовская.

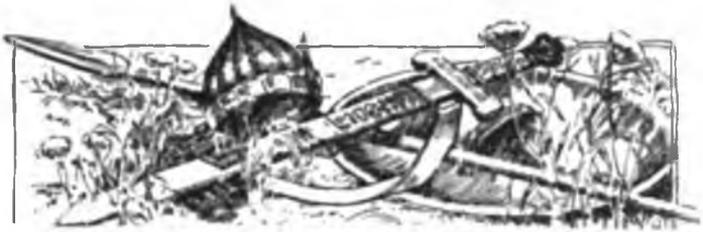

Неслышно пролетать года,
Ты, может быть, полюбишь снова,
Но не исчезнуть никогда
Въ воспоминаньяхъ безъ слѣда
Мечты и радости былого.

Такъ блѣдный мѣсяцъ лѣтнимъ днемъ,
Красы ночной воспоминанье,
Своимъ серебрянымъ серпомъ
Все виденъ въ небѣ голубомъ,
Теряясь въ солнечномъ сияньѣ.

Б. Каховскій.

САНДЕПУ и МУКДЕНЬ.

(Воспоминанія.)

*Окончаніе *).*

III.

вартыры, отведенныя намъ въ Чжантанп, не были конечно роскошны, и онѣ отнюдь не напоминали собою тѣхъ казарменныхъ помѣщеній, къ которымъ мы привыкли въ мирное время. Конечно, никто изъ насъ и не помышлялъ о подобныхъ помѣщеніяхъ; хорошо уже было и то, что каждая рота имѣла въ своемъ распоряженіи отдѣльный дворъ съ фанзою и прочими хозяйственными постройками — сараями, конюшнями, навѣсами и прочее. Фанза могла вмѣстить только часть людей роты, остальные расположились въ пристройкахъ, при чемъ было уже и то хорошо, что являлась возможность временами заходить въ фанзу и обогрѣваться.

Когда мы пришли въ Чжантань, то эта огромная деревня, вмѣстившая въ себя множество войскъ, изобиловала огромными запасами всякаго рода зерна, а также и соломы. Зерно китайцы постарались хорошо укрыть въ особыхъ ямахъ, которыя они нарочно съ этой цѣлью выкопали въ такихъ мѣстахъ, гдѣ трудно было заподозрить присутствіе какого бы то ни было склада; но русскій человѣкъ какъ-то особенно чутко относительно хранилищъ чужого добра. Несмотря на прекрасную маскировку этихъ ямъ соломой, мусоромъ, навозомъ и прочими препаратами, солдаты легко отыскивали присутствіе такихъ вмѣстелищъ съ помощью прикладовъ:

*) См. „Свѣточъ“, Іюль — августъ, стр. 48.

постучитъ солдатъ легонько прикладомъ о землю и скажетъ — стоить тутъ копать или не стоить.

Много было извдчено изъ-подъ земли картошки, чумизы и всякаго рода зерновыхъ запасовъ. Попадались ямы, въ которыхъ были сложены теплая одежда, женские костюмы, — нѣкоторые весьма цѣнные, вышитые шелками, но все это было не вужное, а потому вещей этихъ и не трогали.

Самымъ цѣннымъ предметомъ въ солдатскомъ обиходѣ была гаоляновая солома, на которой солдатъ спать, устраивалъ изъ нея себѣ шалашъ и кинятилъ на ней свой чайникъ. Этой соломы были всюду цѣлыя скирды, и такъ какъ русскій человекъ совсѣмъ не привыкъ быть экономнымъ, да къ тому же никто и не зналъ — долго ли намъ придется въ этой деревнѣ, то на скирды эти набросались, и дѣло о правильномъ распределеніи и употребленіи соломы не было упорядочено; солдаты жгли ее цѣльными снопами, благодаря чему загорались соломенные крыши фанзъ, и въ деревнѣ начались частые пожары.

Если какой-нибудь китайскій историкъ, описывая въ будущемъ это трудное для жителей время, желая отгнѣнить чувство патриотизма китайцевъ, скажетъ, что жители деревень жгли свои дома для того только, чтобы они не достались русскимъ, то онъ скажетъ неправду. Китайскія фанзы горѣли вовсе не ради патриотизма ихъ хозяевъ, а ради халатности и безнечности русскихъ.

Правда, бывали случаи, что китайцы поджигали свои фанзы, какъ объ этомъ было уже сказано, но это дѣлалось совершенно съ другой цѣлью, и на это нужно смотрѣть какъ на исключительное явленіе.

Благодаря этимъ пожарамъ, которые начались чуть ли не съ первыхъ часовъ нашего появленія въ деревнѣ, число домовъ и надворныхъ построекъ значительно уменьшилось, и многимъ людямъ, за неимѣніемъ мѣста, пришлось расположиться на дворахъ подъ открытымъ небомъ въ теченіе болѣе чѣмъ мѣсячнаго стоянія въ этой деревнѣ.

Первый день нашего прбытія въ Чжантань мы провели спокойно, и непріятель не тревожилъ насъ до ночи, но часовъ въ 11 ночи, когда мы расположились отдохнуть, вдругъ началась пальба. Пули засвистѣли въ разныхъ направленіяхъ, и черезъ нѣсколько минутъ роты поднялись и построились. Было приказано слѣдовать на сборный пунктъ, куда минутомъ черезъ 10 собрался весь полкъ. Такъ какъ никакихъ приказаній не получалось, то мы и стояли, не зная что дѣлать; а перестрѣлка продолжалась, при чемъ съ нашей стороны выстрѣловъ не было, а стрѣляли японцы.

Въ темнотѣ трудно даже было понять — откуда собственно летятъ пули, и казалось, что онѣ летѣли со всѣхъ сторонъ.

Мало-по-малу перестрѣлка начала стихать, а вскорѣ и совсѣмъ замолкла, и намъ приказали возвратиться на свои мѣста.

Оказалось впоследствии, что это какая-то незначительная японская часть — смѣлая и отважная, въ темнотѣ подкралась къ развалинамъ, бывшимъ на другой сторонѣ рѣки противъ деревни, и оттуда открыла огонь съ пѣлю надѣлать переполохъ.

Остатокъ ночи мы провели спокойно.

До 20-го января наша служба въ Чжантани была сравнительно легкою. Полки поочередно ходили на южную окраину деревни и располагались тамъ на позиціи за стѣнками, вполне готовые къ бою; еще южиѣ стѣнокъ въ полверстѣ разстоянія отъ нихъ находилась небольшая деревенька, которую мы называли Безымянной. Въ эту „Безымянку“ высылалась обыкновенно на сутки, а то и на двое рота, которая также должна была соблюдать полную боевую бдительность. На ночь впереди Безымянной выставлялось сторожевое охранение отъ берега рѣки Хунхе — на лѣвомъ флангѣ, до соприкосновения съ войсками, стоящими верстахъ въ трехъ правѣ насъ въ деревнѣ Яндюпа.

При первоначальномъ нашемъ расположении деревня Чжантань-Хенань не была нами занята, а находилась во власти японцевъ, и они могли, слѣдовательно, постоянно тревожить насъ изъ этой деревни огнемъ, а по ночамъ устраивать тревоги, подобныя той, о которой было уже сказано.

До 20-го января деревня эга однако находилась въ рукахъ непріяеля.

Помню, 18-го января днемъ нашъ полкъ уже второй разъ заступилъ на дежурство на стѣнкахъ; мы расположились на знакомыхъ уже намъ мѣстахъ, выславъ роту въ Безымянную.

18-го и 19-го простояли спокойно и ночью были увѣрены, что насъ смѣнитъ другой полкъ, а насъ отведутъ въ деревню на отдыхъ.

Командиръ полка сидѣлъ въ фанзѣ, которая была въ серединѣ нашего расположения. Слышно было, какъ онъ, грѣясь надъ разложеннымъ въ чугуномъ китайскомъ котлѣ костромъ, отъ котораго вся фанза наполнилась ѣдкимъ дымомъ, говорилъ офицерамъ, что непременно, по возвращении домой, поставитъ у себя въ гостиной подобную универсальную грѣлку; офицеры смѣялись, и въ общемъ настроеніе было довольно веселое, несмотря на убожество окружающей обстановки.

Въ углу фанзы, спрятавшись въ грудахъ разнаго наваленнаго здѣсь мусора и всякихъ обломковъ, жалобно мяукала одичавшая кошка, для которой настали также невыносимо тяжелые дни, съ ухода отсюда хозяевъ. Помню, эта несчастная кошка ужасно насъ всѣхъ беспокоила. Неоднократно предпринимались облавы на бѣдное животное, ничѣмъ неповинное, которое

своимъ душу раздражающимъ крикомъ напоминало намъ о томъ, что оно голодно и страдаетъ невыносимо. Днемъ кошка эта успокаивалась, но какъ только темнѣло, и фанза освѣщалась мигающими отблесками разложивнаго въ тазу костра, такъ и начиналась эта неприятная исторія.

Она то кричала гдѣ-то на поверхности въ темномъ углу среди мусора, то уходила куда-то подъ кирпичныя кань, и тогда ея жалобное мяуканіе дѣлалось глухимъ, какъ бы выходящимъ изъ-подъ земли; то мяуканіе это затихало на время и потомъ снова возобновлялось совершенно ясно и отчетливо. Пробовали поймать ее на приманку, для чего клали какую-нибудь корку, или сахаръ, но животное было хитро; оно стаскивало приманку и уносило ее куда-то въ нѣдра земли, и оттуда снова слышалось его жалобное мяуканіе.

Ночь по обыкновенію была свѣтлая и морозная.

Часа въ три загрохотала впереди и влѣво перестрѣлка. Пули начали долетать и къ намъ, но никто на нихъ не обращалъ уже никакого вниманія; всѣ привыкли къ подобнымъ сюрпризамъ и знали, что пострѣляютъ съ полчаса, да и кончатъ; такъ оно и теперь было.

Мы вошли въ фанзу, снова развели огонекъ, намѣреваясь погрѣться, но вдругъ командиру полка принесли экстренную записку отъ начальника дивизіи. Въ запискѣ этой говорилось, что черезъ полчаса нашъ полкъ будетъ смѣненъ другимъ полкомъ, а намъ приказано прибыть на сборный пунктъ дивизіи, откуда мы, поддержанные двумя батальонами отъ другихъ полковъ, должны будемъ немедленно итти на штурмъ деревни Чжантань-Хенань, которую приказано взять во что бы то ни стало.

Попробуйте, читатель, стать на наше мѣсто для того, чтобы дать себѣ отчетъ о томъ, что мы должны были чувствовать, получивъ приказаніе итти въ атаку; вы навѣрное скажете, что страхъ смерти долженъ былъ заглушить у каждого изъ насъ всякое другое чувство. Но я, какъ участникъ этой войны, скажу вамъ, что это совершенно не такъ. Мысль о смерти не бередитъ мозгъ, а такъ: — мелькнетъ на одно мгновение и сейчасъ же какъ бы растаетъ среди другихъ мыслей и заботъ, изъ коихъ главное — о томъ, чтобы по возможности добросовѣстно исполнить свой долгъ. Надъ этимъ вопросомъ мысль сильно работаетъ: а что, если струшу, и нога откажется повиноваться; а что, если не выдержу огня и поверну назадъ; вотъ приблизительно какія мысли волнуютъ большинство людей, которыхъ ведутъ въ бой.

Люди эти, когда передъ рѣшительной минутой осѣняютъ себя крестнымъ знаменемъ, то молятъ Бога не о томъ, чтобы Онъ сохранилъ бы ихъ, а о томъ, чтобы поддержалъ въ трудную минуту.

Помоги, Господи, шепчутъ уста этихъ людей, когда они, снявъ свои шапки, начинаютъ набожно креститься.

Часовъ въ пять утра 20-го января полкъ нашъ былъ смѣненъ другимъ полкомъ нашей дивизии, за исключеніемъ только первой роты, которая на этотъ разъ занимада постъ въ Безымянной.

Мы пошли на сборный пунктъ, который былъ недалеко — на площади въ Чжантанп. Помню, что мы проходили мимо горѣвшей фанзы. Пламя высоко поднималось къ небу, освѣщая насъ красноватымъ заревомъ. Никто и не думалъ тушить пожарища, и такъ фанза эта и догорѣла дотла.

На сборномъ пунктѣ начальникъ дивизии назначилъ нашъ полкъ въ боевую линію и приказалъ выдѣлить одну роту въ прикрытіе пулеметовъ, которые были приданы нашей штурмовой колоннѣ. Была выдѣлена вторая рота, и такимъ образомъ въ полку осталось шесть ротъ.

Во вторую линію за нами были назначены два баталіона отъ другихъ полковъ нашей дивизии; лѣвѣе насъ должны были идти на штурмъ на ту же деревню баталіоны отъ прочихъ дивизій, расположенныхъ вмѣстѣ съ нами въ Чжантани.

Въ виду того, что было приказано атаковать съ разсвѣтомъ, а востокъ уже загорался зарею, то начальникъ дивизии и приказалъ немедленно начать движеніе.

Стройной колонной, идя въ ногу, мы тронулись по улицѣ деревни и скорѣ достигли окраины ея, выходящей на берегъ рѣки Хунхе.

Командиръ полка остановилъ голову колонны и, стоя у опрокинутой и обмерзшей большой лодки, началъ отдавать приказанія о томъ—въ какомъ порядкѣ и куда должны были слѣдовать роты.

Роты по одиночкѣ были подведены подъ крутой берегъ у развалинъ Гауцзы.

Несмотря на то, что мы переходили по льду рѣки Хунхе тогда, когда было уже совершенно свѣтло, японцы насъ не потревожили ни однимъ выстрѣломъ. Вѣроятно они—или не видали насъ, или же умышленно давали намъ возможность выбраться скорѣе на открытую и ровную какъ столбъ мѣстность—между Гауцзы и Чжантанъ-Хенанью.

Скрывъ роты подъ крутымъ берегомъ у Гауцзы, командиръ полка пошелъ впередъ, чтобы осмотрѣть впереди лежащую мѣстность. Съ восточной окраины Гауцзы отлично была видна деревня Чжантанъ - Хенанъ, но разстояніе до нея было не менѣе версты; мѣстность — совершенно ровная и открытая, такъ что рѣшительно не за что было зацѣпиться. Оставалось одно—какъ можно скорѣе перемазнуть черезъ эту равнину, дѣйствуя, что называется, нахрапомъ, вопреки всѣмъ правиламъ современной тактики,

которая рекомендуетъ всюду и вездѣ наступленіе съ огнемъ, для чего необходимо перебѣгать постепенно впередъ и, пользуясь складками и неровностями мѣстности, прятаться за нихъ и открывать огонь.

Опытъ этой войны указалъ еще одинъ способъ подобныхъ перебѣжекъ, заключающійся въ томъ, что наступающая часть не перебѣгала по - отдѣленно или по-взводно, а по одиночкѣ. Способъ этотъ былъ позаимствованъ нами у японцевъ и на пересѣченной мѣстности онъ безусловно хорошъ и вполне достигаетъ цѣли, но за то и требуетъ очень много времени, такъ какъ приходится ждать, пока перебѣгающій солдатъ, достигнувъ до закрытія, залажетъ за нимъ, и тогда только начинаетъ перебѣгать слѣдующій.

Здѣсь, уже на театрѣ военныхъ дѣйствій, насъ начали учить подобному способу перебѣжекъ; но, какъ я уже сказалъ, способъ этотъ вполне достигаетъ цѣли только лишь на неровной мѣстности, въ данномъ же случаѣ мѣстность была такова, что нельзя было укрыться отъ огня, и начали наступать такимъ именно образомъ — мы бы навѣрно потеряли половину людей, если не больше, убитыми и ранеными.

Въ виду этого рѣшено было идти въ атаку безостановочно и безъ выстрѣла.

Двѣ передовыя роты были разсыпаны въ цѣпи и выдвинуты впередъ на гребень крутого берега рѣки. Позади идущія роты, разомкнувъ ряды, стояли еще внизу и ждали команды для того, чтобы въ подобномъ порядкѣ двинуться за цѣпями.

Указавъ ротамъ направление движенія и обезпечивъ свой обнаженный правый флангъ расположеніемъ ротъ второй линіи (лѣвый былъ обезпеченъ частями другой дивизіи), командиръ полка подаль команду: „цѣпи впередъ!“, двинувшись и самъ за цѣпью лѣвофланговой роты.

Еще въ то время, когда производилась рекогносцировка впереди лежащей мѣстности, до насъ долетали уже пули справа — изъ деревень, занятыхъ японцами; но теперь, когда весь полкъ, двигаясь въ три линіи, вышелъ на совершенно ровное и открытое мѣсто, то насъ встрѣтили жестокимъ огнемъ.

Шимозы и шрапнели, летя къ намъ навстрѣчу, рвались группами: затрещали ружья и пулеметы, осыпая насъ пулями и справа и съ фронта, но никто и не думалъ объ остановкѣ или о поворотѣ назадъ. Всѣ мы какъ ураганъ стремились впередъ и впередъ, желая какъ можно скорѣе достигнуть до цѣли нашей атаки съ тѣмъ, чтобы за стѣнами этой деревни найти скорѣе укрытіе отъ убійственнаго огня.

Люди валились десятками, но на раненыхъ и на убитыхъ никто уже не обращалъ вниманія. Удивительно — откуда взялись силы у людей, откуда

взялась эта стремительность, но мы безъ отдыха и не чувствуя даже усталости двигались впередъ и впередъ. Несмолкаемое „ура“ раскатывалось по рядамъ, и въ этомъ побѣдномъ крикѣ было дѣйствительно что-то стихійное, мѣгучее, непредотвратимое.

Японцамъ трудно было мѣтко стрѣлять по нашимъ рядамъ, потому что имъ постоянно приходилось мѣнять прицѣлъ, такъ какъ разстояніе между нами и ими ежеминутно сокращалось.

Наконецъ они не выдержали нашего стремительнаго движенія и, не желая сойтись съ нами на штыки, покинули Чжантань-Хенань, пользуясь при своемъ отступленіи глубокимъ оврагомъ, а также и рощами, которыя росли на той сторонѣ оврага.

Но огонь, съ отходомъ японцевъ, не прекратился; ихъ артиллерія, расположенная къ востоку отъ Чжантань-Хенань, продолжала насъ громить; пулеметы работали съ прежней силой, а пѣхота, скрытая въ окопахъ и за стѣнками сосѣднихъ съ Чжантань-Хенанью деревень (Ванзеву и другихъ), продолжала насъ попрежнему обстрѣливать.

Наконецъ, мы ворвались въ деревню. Помню, намъ попалась наша рота, при которой было знамя.

— Смотри, братцы, храни знамя, какъ зѣнцу ока, — закричалъ командиръ и побѣжалъ далѣе на противоположную окраину деревни.

Мы спустились въ оврагъ, на днѣ котораго лежалъ полуобгорѣлый и совершенно голый японскій трупъ, и это былъ единственный и безмолвный представитель со стороны неприятеля, который встрѣтилъ насъ; больше никого не было, потому что всѣ успѣли уйти и уйти совершенно безнаказанно.

Ворвавшись въ деревню, мы заняли оврагъ и противоположную окраину деревни, гдѣ были глинобитныя стѣнки.

Сейчасъ же прибылъ нашъ командующій дивизіей и объявилъ, что задача наша окончилась.

Изъ сопровождавшихъ его адъютантовъ и ординарцевъ многіе были раненые.

Быстро мы постарались привести роты въ порядокъ, при чемъ каждой ротѣ былъ назначенъ ея участокъ.

Японцы, думая, что мы и дальше поведемъ наступленіе, продолжали громить насъ своей артиллеріей и ружейнымъ огнемъ, отъ котораго въ особенности было скверно ротамъ, занимавшимъ переднія стѣнки деревни; здѣсь раненые продолжали валиться. Храброму и дѣятельному командиру батальона—подполковнику Ф. пуля попала въ грудь, но его спасъ небольшой металлическій образъ, по которому пуля скользнула и отскочила въ сторону, помявъ конечно образъ. Командиръ четвертой роты капитанъ И.

былъ тяжело раненъ стаканомъ шрапнели въ ногу съ переломомъ бедра. Молодому подпоручику М. пуля угодила въ бокъ. Множество солдатъ было здѣсь переранено. Несчастные со стономъ ползли въ оврагъ, желая въ немъ скорѣе укрыться отъ губительнаго огня; нѣкоторые умирали по дорогѣ, не будучи въ состояннн даже приподняться, а нѣкоторые просили жалобно, чтобы имъ помогли и вытащили бы скорѣе изъ-подъ огня. Санитары, которымъ было по горло работы, сбились съ ногъ, подбирая раненыхъ товарищей. Помню одного по фамили Комисаревъ. Это былъ добродушный, безусый парень съ круглымъ лицомъ и съ необыкновенно добрыми и веселыми глазами. Онъ совершенно спокойно выполнялъ свое святое дѣло, шутя и говоря разными смѣшными прибаутки. Не помню уже—получилъ ли этотъ молодецъ награду за свои подвиги, но онъ былъ представленъ къ ней, какъ достойнѣйшій. Дороги и цѣнны такие молодцы въ рядахъ русской армии, и слава Богу, они у насъ еще не переводятся. Многие изъ санитаровъ были ранены и убиты.

Въ общемъ впечатлѣние было тяжелое, и смерть витала надъ каждымъ изъ насъ.

Неприятель не прекращалъ пальбы до наступления темноты, все думая, что мы вотъ, вотъ снова двинемся впередъ. Временами огонь былъ до того силенъ, что весь оврагъ покрывался дымомъ и пылью отъ рвущихся снарядовъ.

Сучья съ деревьевъ ломались и летѣли внизъ; словомъ, это былъ какой-то страшный вихрь, какой-то сатанинскій ширъ; на которомъ вмѣсто вина лилась кровь человѣческая, а вмѣсто яствъ всюду валялись обезображенные и окровавленные трупы, вмѣсто же пѣсенъ и музыки раздавался стонъ раненыхъ, трескъ ружейной пальбы, свистъ пуль и могучие раскатистые взрывы снарядовъ.

Не знаю: или нервы у людей какъ-то притупляются, или же человѣкъ входитъ въ какой-то экстазъ и дѣлается неуязвимымъ для тонкихъ ощущений, но я положительно удивляюсь тому, какъ эти люди могли выносить цѣлые часы, а въ эту войну даже и дни при подобной обстановкѣ.

Когда шли въ атаку подъ градомъ пуль и снарядовъ, когда каждый изъ насъ ежесекундно рисковалъ быть раненымъ или убитымъ; когда всюду со стономъ и безъ стона валились десятки людей, одѣтыхъ въ сѣрня, неуклюжия шинели и съ безобразными мѣшками на боку, — валились безъ ропота, не посылая къ небу и къ людямъ проклятій, а вспоминая въ тяжелый смертный часъ Бога и свою далекую, бѣдную родину, — тогда никто изъ насъ не обращалъ на все это вниманія: у каждаго была цѣль: достигнуть какъ можно скорѣе того мѣста, куда надо было итти. Но вотъ,

когда пѣль достигнута, когда дальше уже нѣтъ некуда, туть-то и защемило душу, туть-то и бросилась въ глаза эта жестокая тризна смерти.

Просто не хотѣлось какъ-то вѣрить, чтобы люди были въ состояннн учинить эту бойню, это ужасное кровопролитие и причинить столько страданнй себѣ подобнымъ. Но какъ ни работала мозгъ надъ этими вопросами — все же факты были налицо и приходилось убѣждаться въ томъ, что человѣкъ еще далеко не доросъ до пониманнй и проведеннй въ жизнь словъ Спасителя, полныхъ любви и жалости къ дикому, смрадному человѣку, исполненному злобой, эгоизмомъ и прочими отрицательными данными, съ которыми онъ никакъ не можетъ разстаться и съ которыми долго, очень долго будетъ жить для того, чтобы превращать землю въ ужасный мнръ скорби, — въ мнръ печали и слезъ.

Я не знаю, но мнѣ кажется, что нѣтъ большаго нравственнаго страданнй, нѣтъ большей скорби здѣсь, на землѣ, какъ та, которая охватываетъ душу человѣка на боевомъ полѣ тогда, когда эта душа начинаетъ давать себѣ отчетъ тому, что совершается и будетъ еще совершаться; душа тогда тоскуетъ отъ скорби и отъ наплыва тяжелыхъ и мрачныхъ думъ; хочется исчезнуть, провалиться куда-нибудь для того, чтобы не быть среди этой безысходной тоски, не испытывать ея непосильной тяжести; но вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то внутренннй голосъ подсказывалъ, что надо быть, надо испытать во что бы то ни стало эту чашу страданнй до конца, — надо во что бы то ни стало, иначе что-то очень важное и существенное, что-то святое не будетъ выполнено въ жизни.

И вотъ туть возникаетъ самъ собою вопросъ: почему мы, военные, съ такой охотой и радостнн шли на войну; чему мы радовались, какъ дѣти, когда была объявлена полку мобилпзация и былъ назначенъ часъ посадки въ вагоны; вѣдь каждый изъ насъ взрослый человѣкъ; всѣ мы читали газеты, и никто конечно не представлялъ себѣ походъ и бой, какъ что-то особенно радостное, гдѣ веселье и смѣхъ; каждый зналъ, что бой есть кровавая расправа, которая оканчивается тысячами и десятками тысячъ жертвъ; каждый зналъ, что въ военное время кромѣ боя есть еще очень много тяжелаго и неприятнаго: есть походы, утомительные въ зимнюю стужу, или въ лѣтннй зной — безъ пищи и питья, походы, во время которыхъ люди сотнями валятся отъ изнеможения; каждый зналъ, что кромѣ этихъ походовъ есть безсонныя ночи, когда все время приходится быть на-чеку — гдѣ-нибудь въ сторожевомъ охраненин, и рисковать ежесекундно получить пулю, или ударъ штыкомъ отъ хитраго и предприимчиваго противника, который всегда умѣлъ использовать ночную темноту; каждый, повторяю, зналъ то, что его ожидаютъ всѣ эти трудности, и между про-

чимъ всѣ мы, за весьма малыми исключениями, радовались какъ дѣти, идя на эти лишения.

Почему это такъ? Кто дастъ вѣрный отвѣтъ на этотъ вопросъ? Не таится ли этотъ отвѣтъ тамъ же, гдѣ тлѣетъ слабая искорка, освѣщающая собою вопросъ о необходимости нашего земного бытія; не есть ли это бытіе, — эта наша земная юдоль, — и въ самомъ дѣлѣ какая-то „долина скорби“, черезъ которую мы должны во что бы то ни стало перейти и выпить до конца ту горькую чашу, которая каждому изъ насъ вручается при нашемъ появленіи на свѣтъ изъ міра радости и ликования, изъ котораго нѣкоторые изъ насъ — лучше и наиболѣе совершенные, приносятъ сюда отрывки своихъ воспоминаній о возвышенномъ и прекрасномъ и воспроизводятъ эти воспоминанія въ музыкѣ, поэзи и въ живописи. Не есть ли война одна изъ самыхъ горькихъ и самыхъ тяжелыхъ чашъ, выпить которую мы, понуждаемые нашимъ сверхсознаніемъ, не проявляемымъ съ полною рельефностью въ обыденной жизни, но руководящимъ нѣкоторыми поступками человѣка, стремимся съ радостью, потому что, если сможемъ ее осилить и понять всю ея горечь, почувствовать въ полной мѣрѣ ея отраву, то тѣмъ самымъ приобрѣтемъ доступъ къ болѣе быстрому и широкому совершенствованію въ будущемъ, когда съ облегченнымъ сердцемъ простимся съ этимъ міромъ.

Не потому ли каждый изъ насъ съ жадностью и съ радостью хваталъ эту чашу, благословляя судьбу за то, что она дала возможность приложить къ ней свои засохшія и воспаленныя уста; хваталъ безсознательно, но прислушиваясь къ внутреннему голосу, который говорилъ: не бойся, пей до конца, ибо этотъ ядъ не отравитъ въ тебѣ того, что вѣчно, безсмертно и которое здѣсь должно страдать, потому что таковъ законъ, которому ты долженъ подчиниться; не бойся же страданій, ибо въ этомъ мірѣ ты кромѣ нихъ ничего не увидишь, и дано тебѣ здѣсь радости ровно настолько, чтобы твои глаза не воспалились бы отъ слезъ и сохранили бы способность различать все, что прекрасно и къ достиженію чего ты стремишься, страдая; бери же и радуйся тому, что на долю твою выпала полная и одна изъ горькихъ чашъ страданій.

И мы брали и радовались.

Цѣлый день 20-го января не прекращалась пальба, и утихла она только съ наступленіемъ темноты, но и тогда временами разгоралась. Вѣроятно, японцы все время были нервно напряжены, ежеминутно ожидая возобновленія нашей атаки; въ особенности же это напряжение достигло своего максимума съ наступленіемъ темноты. Достаточно было тогда, чтобы раздался какой-нибудь одиночный выстрѣлъ, какъ вслѣдъ за нимъ открывалась беспорядочная ружейная пальба. Нѣсколько разъ въ теченіе ночи

поднимались подобныя тревоги, а разъ даже дѣло дошло до того, что японцы открыли и артиллерійскую канонаду, стрѣляя залпами и такъ мѣтко, что всѣ ихъ шрапнели рвались надъ оврагомъ, который мы занимали, и тогда всѣхъ насъ на мгновение освѣщала какъ бы молнія и видно было, какъ пули сшибали замерзшія вѣтки надъ нашими головами.

Помню, эта канонада была довольно продолжительной, и мы ожидали тогда штурма, но его не было.

На другой день изъ корпуснаго штаба прибылъ ординарецъ справиться для доклада корпусному командиру, каковы были результаты атаки неприятеля. Вѣроятно, пальба была въ достаточной степени сильна, иначе бы въ штабѣ корпуса не было бы особаго безпокойства.

20, 21 и 22-го простояли мы въ этомъ оврагѣ подъ открытымъ небомъ, не будучи въ состояніи согрѣться и развести огонекъ. Только съ наступленіемъ темноты дѣлалось спокойнѣе, хотя врагъ нашъ — морозъ отравлялъ въ это время наше существованіе. Не легко было въ эти ужасныя ночи безъ сна; иной разъ ходишь, ходишь, стараешься согрѣться и не можешь согрѣться; проклятый холодъ пронизывалъ до костей, несмотря на полшубокъ и валенки.

Съ наступленіемъ темноты въ полкъ обыкновенно подвозили обѣдъ въ походныхъ кухняхъ, но при этомъ нужно было соблюдать крайнюю осторожность, такъ какъ малѣйшій шумъ или стукъ колесъ сейчасъ же вызвали огонь со стороны японцевъ. Колеса кухонъ обматывались соломой, и огни въ нихъ тушили, благодаря чему пища получалась чуть только тепленькая. Роты поочередно ходили на обѣдъ, крадучись въ темнотѣ и ощупью.

Разъ, помню, уже пообѣдали, и кухни поѣхали назадъ, и вдругъ со стороны неприятеля затрещали пулеметы, посылая свой свинцовый дождь въ догонку удаляющимся кухнямъ. Лошади испугались и понесли; конюхи растерялись.

Офицеръ, сопровождавшій кухню — подпоручикъ С., былъ сбитъ съ лошади и упалъ какъ разъ подъ несущіяся кухни, но какимъ-то чудомъ остался живъ, хотя и обморозилъ себѣ руки до того, что принужденъ былъ отправиться въ госпиталь. Цѣлый мѣсяцъ онъ пробылъ тамъ и вернулся въ полкъ съ сильно поврежденными руками; мучился онъ ужасно.

Не могу не упомянутьъ еще при этомъ про нашу канцелярщину, которая всегда-то отравляетъ жизнь военнаго человѣка, а здѣсь, на полѣ сраженія, когда и безъ того тошно, она являлась какимъ-то бичомъ — какимъ-то ужаснымъ „зміемъ горпычемъ“, про котораго повѣствуетъ русская сказка.

Одолѣла насъ эта гидра, и казалось бы, на войнѣ-то ей уже совсѣмъ не мѣсто.

Помню, 20-го числа вечеромъ, когда бой затихъ, приносятъ командиру полка наградные листы, которые онъ уже передъ этимъ два раза переписывалъ въ то время, когда полкъ занималъ дежурство на южныхъ стѣнкахъ Чжантани, — переписывалъ, сидя въ фанзѣ и пользуясь свѣтомъ стеариноваго огарка и теплотою отъ „универсальной грѣлки“, о достоинствѣ которой я уже упоминалъ. Тогда было приказано составить одинъ наградной листъ на всѣхъ отличившихся офицеровъ, при чемъ было сказано, что можно писать этотъ листъ даже и карандашомъ.

Это было вполнѣ понятно и естественно, потому что гдѣ же при подобныхъ условіяхъ разводить канцелярскую канитель и упражняться въ крючкахъ и витіеватостяхъ.

Взялъ командиръ полка листъ бумаги, написалъ на немъ, что было нужно, и съ облегченнымъ сердцемъ отправилъ по назначенію. На слѣдующій день вечеромъ приносятъ этотъ самый листъ обратно и докладываютъ, что приказано дескать переписать чернилами.

Снова на сцену появились стеариновый огарокъ и универсальная грѣлка; но къ этимъ атрибутамъ прибавилась еще ругань и проклятіе, которыя командиръ началъ извергать по адресу канцелярскихъ крючкотворовъ, не могущихъ даже и здѣсь, на войнѣ, успокоиться.

Но все же дѣло было сдѣлано: листъ запечатанъ и снова, съ надписью „секретно“, отправленъ по назначенію.

Вечеромъ 20-го, когда бой стихъ, приходитъ писарь и, подавая конвертъ, докладываетъ: „такъ что ваше высокоблагородіе, приказано все передѣлать и представить листы на каждого офицера въ отдѣльности, а работу безпремѣнно приказали кончить сегодня же“.

Боже мой, какъ вскипѣлъ командиръ; чуть было не досталось ни въ чемъ неповинному писарю.

Да и правда — было отъ чего сердиться: приходилось писать листы сейчасъ же послѣ боя, на морозѣ и среди темноты; приходилось заниматься „писанной“ и выводить канцелярскіе крючки тогда, когда совсѣмъ не до нихъ, когда весь организмъ утомленъ только что пережитыми сильными ощущеніями.

Первый вопросъ, который возникъ, — это о томъ, гдѣ писать; нельзя же было писать здѣсь, въ оврагѣ, среди темноты. Нашли какую-то полуразвалившуюся фанзу, въ которой были сложены убитые; вывели всѣхъ мертвецовъ на дворъ фавзы: не мѣсто вамъ, дескать, братцы, лежать тамъ, гдѣ будетъ вершиться важнѣйшая канцелярская тайна.

Покойники, когда ихъ выносили, покачивали своими окровавленными

головами и помахивали закоченѣлыми руками, какъ бы желая этимъ сказать: что же, намъ все равно, — мы и на дворѣ положимъ.

Достали маленькій фонарикъ, какой-то полуразвалившися столъ, и вотъ при этихъ атрибутахъ началось писаніе.

Мы окружили командира, стараясь заслонить собою свѣтъ отъ фонаря, такъ какъ онъ могъ служить цѣлью для непріятеля: фанза стояла на возвышенномъ мѣстѣ, и если бы по огоньку былъ бы открытъ огонь, то на наградныхъ листахъ вмѣсто чернилъ получились бы кровавыя пятна.

Но тутъ явилось снова препятствіе: благодаря сильному морозу, руки у писавшаго стыли, а чернила какъ на перѣ, такъ и въ чернильницѣ мерзли.

Увидя это, командиръ пришелъ въ отчаяніе; былъ такой моментъ, что онъ хотѣлъ схватить чернильницу и нивырнуть ее объ полъ, но воздержался. Тогда одинъ изъ насъ, взявъ чернильницу, отогрѣвалъ ее въ рукахъ, постоянно дыша на нее своимъ теплымъ дыханіемъ.

Писаніе послѣ этого кое-какъ наладилось, хотя писавшему постоянно приходилось грѣть руки въ карманахъ, а въ это время перо съ замерзшими чернилами тоже подносилось къ чьимъ-нибудь губамъ и такимъ способомъ отогрѣвалось.

Часа два продолжалась эта утомительная работа. И спрашивается: неужели въ ней была такая экстренная надобность; неужели люди, сидѣвшіе все время въ теплыхъ фанзахъ и не подвергавшіе себя никакой опасности въ теченіе этого дня, не могли представить себѣ той ужасной обстановки, среди которой приходилось исполнять ихъ требованіе. Одно только и можно сказать, что у этихъ людей было слишкомъ скудное воображеніе.

Остается еще упомянуть про первую роту нашего полка, которая въ бою не участвовала, занимая караулъ въ Безымянной, но потери понесла огромныя.

Ротѣ этой было послано приказаніе: по смѣнѣ присоединиться къ полку. Командиръ роты привелъ благополучно ее въ Гауцзы и, выждавъ здѣсь затишья въ огнѣ, рѣшилъ немедленно двигаться на присоединеніе къ полку по тому самому полю, по которому мы шли на штурмъ.

Когда рота вся обнаруживалась среди поля, то конечно японцы не замедлили осыпать ее огнемъ, который вывелъ изъ строя до 40 человекъ.

Это было едва ли не самое грустное воспоминаніе за весь истекшій день.

Съ 21-го начались саперныя работы по устройству въ оврагѣ окоповъ и засѣкъ за оврагомъ, при чемъ послѣднія сооружали по ночамъ.

Работа была очень утомительна. Мерзлая почва обратилась въ желѣзо и едва поддавалась ударамъ тяжелыхъ кирокъ и мотыкъ; по ночамъ людямъ не приходилось спать, потому что ихъ посмѣнно посылали на работу по устройству засѣкъ. Приходилось пилить большія деревья и перетаскивать ихъ на плечахъ на весьма значительное разстояніе — къ мѣсту, предназначенному для засѣкъ.

Такимъ образомъ, полкъ продежурплъ до ночи съ 22 на 23 января.

За то какъ облегченно мы всѣ вздохнули, когда около полуночи къ намъ прибыла смѣна; но прибывшая часть была совершенно неознакомлена съ мѣстностью, а потому самая смѣна производилась очень долго; роты, сдавъ свои участки, одна за другой уходили по оврагу въ Чжантань, гдѣ и располагались на отдыхъ, который былъ вполнѣ каждымъ изъ нихъ заслуженъ.

Только часа въ 4 ночи мы вернулись въ Чжантань, почувствовавъ себя въ грязной фанзѣ какъ въ раю; не раздѣваясь, мы повалились въ изнеможении и заснули крѣпкимъ и здоровымъ сномъ, который былъ необходимъ для поддержания упавшихъ силъ.

Съ этого времени началась наша служба въ окопахъ, сооруженныхъ близъ Чжантани, служба крайне тяжелая, всегда подъ огнемъ, на морозѣ, съ бессонными ночами и съ питаніемъ только по ночамъ. Даже и тогда, когда мы, по смѣнѣ изъ окоповъ, въ которыхъ обыкновенно дежурили по двое сутокъ, приходили въ Чжантань для того, чтобы, отдохнувъ, итти снова въ окопы, — мы не могли ручаться за то, что останемся живы.

Чжантань находилась всего только въ двухъ верстахъ отъ японскихъ позицій, и сюда постоянно залетали непріятельскія пули и ранили людей, сидѣвшихъ въ фанзахъ.

Иной разъ солдаты сидятъ около огонька и, покуривая трубочки, ведутъ бесѣду, вспоминая или про домашность, или же про пережитое во время сраженія; вдругъ что-то пробиваетъ бумагу въ рамѣ и моментально же шлепаетъ или солдатскую спину или бокъ. Человѣкъ вскрикиваетъ и начинаетъ стонать; оказывается — раненъ.

Подобныя раненія были очень опасны, потому что пули не имѣли уже въ себѣ достаточно силы для того, чтобы пронизать человѣка, и ихъ приходилось вырѣзывать, а это, какъ извѣстно, не всегда сходитъ благополучно.

Нерѣдко японцы угощали насъ и артиллерійскимъ огнемъ, который раздражался какъ-то вдругъ. Въ этомъ случаѣ быть въ фанзахъ становилось очень непріятно: такъ и казалось, что вотъ какая-нибудь проклятая шимоза, которая нанодобіе перелетающей стан воробьевъ разсѣкаетъ воздухъ надъ крышами фанзъ, возьметъ да и грохнетъ либо въ крышу

либо въ окно и лопнетъ внутри фанзы; тогда конечно отъ всѣхъ обитателей послѣдней останется одна слякоть. Вотъ это нежеланіе — обратиться въ слякоть и выгоняло всѣхъ изъ фанзъ въ то время, когда начиналась артиллерійская канонада.

Помню, разъ такая непрошенная гостья ворвалась въ помѣщеніе канцеляріи одного изъ полковъ, гдѣ въ это время занималось нѣсколько писарей; ни одинъ изъ нихъ не вышелъ цѣль изъ этого помѣщенія, и всѣхъ ихъ вынесли на носилкахъ; нѣкоторыхъ уже мертвыми, а нѣкоторыхъ сильно ранеными.

Но помню, былъ и другой случай: чей-то конюхъ, справившись со своимъ дѣломъ, зашелъ въ фанзу и, пользуясь тѣмъ, что въ ней случайно въ это время никого не было, прилегъ на канъ. Въ это время началась пальба. Слышу я, рассказывалъ потомъ этотъ солдатъ: шимозы рвутся на дворахъ сосѣднихъ фанзъ и летятъ черезъ крышу, да и думаю себѣ — лежать мнѣ теперича, аль уходить, одинъ-то голосъ шепчетъ мнѣ: уходи сейчасъ, — шимоза вдаритъ и тебя пришибетъ, а другой: — ничего, — знай полеживай, пострѣляютъ, да и перестанутъ. Однако, думаю, буду лежать; перекрестился, молитву сотворилъ и только это закрылъ глаза, а она проклятущая какъ вдаритъ въ стѣну да опосля того и пошла подъ канъ, какъ разъ рядомъ со мною; и канъ-то трещину здоровущую далъ; только заглохла и не разорвалась, а то бы быть мнѣ въ царствѣ небесномъ. И дѣйствительно, пошли мы посмотреть и видимъ, что канъ пополамъ разрѣзанъ, а она тутъ же на полу лежитъ — гладкая и блестящая. Взяли, да тутъ же на дворѣ въ колодець и бросили.

Помню также одинъ забавный и вмѣстѣ съ тѣмъ печальный случай: поймали на постахъ плѣннаго японца и привезли его на двуколкѣ въ деревню. Солдаты, конечно, сбѣжались посмотреть на узника и плотной толпой окружили двуколку. Но оказалось, что японецъ лежалъ совершенно неподвижно, не открывалъ глазъ и, надвинувъ шапку на свое желтое скуластое лицо, не хотѣлъ даже отвѣчать ни на каіе вопросы.

Солдаты и въ бокъ его легонько толкали, и за плечи тормошили, и шапку съ него пробовали снимать, — ничего не помогало — лежитъ какъ бревно и лишь только временами откроетъ свои глаза съ желтыми бѣлками, посмотреть безсмысленно на окружающихъ и снова, закрывъ ихъ, становится безразличнымъ ко всему на свѣтѣ.

Вдругъ изъ толпы раздается крикъ и затѣмъ какая-то запасная борода начинаетъ жалобно нюнить и увѣрять всѣхъ, что сейчасъ „апонецъ стрѣлялъ въ него изъ пистолета“ и пуля попала ему въ голову подъ лѣвое ухо.

— Да что ты, чудака, почудилось тебѣ; всѣ мы тутъ были, никто не стрѣлялъ; это онъ на другой бокъ перевернуться хотѣлъ, да рукой объ

грядку стукнулъ, а тебѣ послышалось, что онъ въ тебя стрѣлялъ, — стараются увѣрить оторопѣвшую бороду товарищи.

Но борода не унимается; въ доказательство снимается рваная папаха съ мохнатой головы и начинаются поиски раны, но ничего, кромѣ всклокоченныхъ волосъ, на головѣ не обрѣтается.

Борода все же стоитъ на своемъ, увѣряя, что пуля отскочила отъ головы и что онъ самъ видѣлъ, какъ японецъ вынулъ пистоль изъ кармана и стрѣлилъ.

Голову злополучнаго бородача начинаютъ звать мѣднымъ котломъ, но все же рѣшаются обыскать японца. Здоровенный горнистъ первой роты, Крымша, человѣкъ силищи непомѣрной, вынимаетъ на рукахъ японца изъ двуколки и пытается поставить его на ноги, но бѣдняга не можетъ встать: ноги его сгибаются въ колѣняхъ, расплзаются въ стороны, голова повисла на грудь, ротъ открытъ, а руки какъ плети.

Люди начинаютъ присматриваться къ ногамъ.

— Клади наземь, — слышатся голоса, и Крымша, не соблюдая осторожности, кладетъ несчастнаго на землю, при чемъ голова его стучается объ ледъ, а руки безсилно падаютъ по сторонамъ; полуоткрытый ротъ складывается въ подобіе жалостной и растерянной улыбки, а глаза устремляются вверхъ, какъ бы ища тамъ чего-то, какъ бы ожидая оттуда помощи и спасенія.

— Гляди, ребята, безпремѣнно ноги у него поморожены, — говорятъ солдаты, трогая опухшія какъ колоды ноги японца, завернутыя въ какое-то тряпье.

— Такъ и есть, братцы, поморожены у него ноги; — и тутъ средитолпы начинаетъ пробуждаться жалость къ несчастному.

— Неси, ребята, въ фанзу, — тамъ все же теплѣе; гдѣ жъ тутъ на морозѣ человѣка раздѣвать; такъ и вовсе замерзнетъ.

Крымша беретъ японца на руки и, внеся его въ фанзу, кладетъ на полъ; несчастный принимаетъ снова то же положеніе. Начинается подробный осмотръ; ощупываютъ всѣ карманы, снимаютъ верхнюю одежду, потомъ мундиръ, шаровары и, наконецъ, добираются до бѣлья. Начинаютъ стаскивать рубаху. Японецъ раскрылъ ротъ, и изъ груди его вырывается тяжелое и хриплое дыханіе. И вдругъ онъ какъ-то безжизненно и грузно повисаетъ на рукахъ у солдата, тяжело и съ хрипомъ втягиваетъ въ себя воздухъ и вытягивается въ какой-то судорогѣ.

Солдаты опускаютъ его на полъ и смотрятъ съ недоумѣніемъ и съ жалостью на неподвижно распростершуюся фигуру съ открытымъ ртомъ и съ начинающими стеклянтъ глазами, которые устремлены въ потолокъ закопѣлой фанзы, какъ бы желая найти тамъ какую-ту тайну, — какую-то загадку, которая была до сего времени трудна и неразрѣшима.

— „Вовсе вмерь“,—говорит какой-то хохоль, нарушая общее молчание.

— Эхъ, и помереть-то спокойно человекѣку не дали; надо было тор-мошнить,—добавляетъ другой.

— А все это заноза бородатая; причудилось, что его по мѣдной башкѣ пуля ударила.—И посыпались ругань и насмѣшки надъ злополучной бородой, которая, чувствуя себя виноватой, сконфуженно удаляется.

Мертвеца снова одѣваютъ, теперь уже бережно и осторожно, снова кладутъ на двуколку и отвозятъ въ штабъ дивизии, съ докладомъ, что японецъ умеръ по дорогѣ.

Районъ нашего охраненія у Чжантани раздѣлялся на три участка: 1) оврагъ, 2) зарѣчный участокъ и 3) южная стѣнка.

Въ оврагѣ полку послѣ смѣны пришлось продежурить еще двое сутокъ, и послѣ этого участокъ этотъ отошелъ въ вѣдѣніе другой дивизии, а намъ остались только два послѣднихъ участка, при чемъ полкъ заступалъ сначала на дежурство на стѣнку, высылая роту въ Безымянную, а по ночамъ еще одну роту—въ сторожевое охранение; простоявъ здѣсь двое сутокъ, полкъ переходилъ въ окопы зарѣчнаго участка, гдѣ въ течение цѣлаго дня велась перестрѣлка съ японцами и нельзя было безъ риска выходить изъ окоповъ. Здѣсь тоже стояли двое сутокъ и, наконецъ, на двое сутокъ шли въ Чжантань на отдыхъ и вкушали рай и блаженство подъ гостеприимнымъ кровомъ полуразвалившихся фанзъ и сараевъ.

Служба въ зарѣчномъ участкѣ была конечно труднѣе, нежели на стѣнкахъ; во-первыхъ, тамъ все время свистали пули, свистали ови, правда, и надъ стѣнками, но все же вѣроятность ихъ попадания была гораздо меньше, вслѣдствіе значительной дальности въ разстояніи, такъ какъ отъ Чжантани до непріятеля было около двухъ верстъ, а окопы на зарѣчной сторонѣ были всего только въ верстѣ отъ японцевъ.

Находясь на дежурствѣ за стѣнками, люди могли обѣдать своевременно, но на зарѣчномъ участкѣ можно было выходить изъ окоповъ только съ наступленіемъ темноты. Въ это время къ Гауцзамъ подвозились кухни, и роты поочередно ходили обѣдать. Второй разъ кухни подвозились къ разсвѣту, и люди снова торопились получить пищу и вернуться въ окопы до разсвѣта, съ которымъ начиналась и стрѣльба. Ночью же запасались и водой, а также и дровами; все это сносилось въ окопы, гдѣ днемъ раскладывали небольшие костерки и грѣли на нихъ чай. Не мало было и такихъ смѣльчаковъ, которые и днемъ отправлялись за водой; нѣкоторымъ сходило съ рукъ это молодечество, но многіе жестоко за него расплачивались, получая неприятельскую пулю либо въ животъ, либо въ грудь.

Помню, былъ у насъ горнистъ въ четвертой ротѣ, — молодой, отчаянный парень, съ открытымъ, вѣчно довольнымъ лицомъ. Онъ съ полнымъ презрѣніемъ всегда относился къ японской пулѣ и выходилъ очень часто

изъ окопа даже безъ всякой надобности. Разъ возвращается въ окопъ; смотрю рука у него перевязана; оказалось, что пуля изрядно парапнула его по пальцу, но это нисколько не убавило его смѣлости, и онъ продолжалъ свои отважныя прогулки и нисколько не убавилъ презрѣнія къ несмолкаемому свисту этой „мелюзги“.

Былъ еще одинъ герой. Это былъ уже пожилой солдатъ, съ пробритымъ подбородкомъ, какъ это требовалось отъ солдатъ еще въ доброе, старое время. Фамилія его — Бейгисъ. Онъ давно уже выслужилъ всѣ сроки, но передъ походомъ, узнавъ, что полкъ идетъ на войну, поступилъ добровольно къ намъ. Это былъ человѣкъ необычайно мужественный и спокойный. Случалось, днемъ, не обращая никакого вниманія на огонь непріятели, онъ съ самымъ спокойнымъ видомъ отправлялся за водой и за дровами. Солдаты относились къ нему съ большимъ уваженіемъ. Помню, подъ Сандепу этотъ молодецъ ухитрился взять въ плѣнъ двухъ японцевъ и доставить ихъ въ корпусный штабъ. Во время мукденскихъ боевъ ему раздробило ногу шрапнелью, такъ что сломанная кость обнажилась. Долго онъ лѣчился, былъ отправленъ въ Россію, но солдатская душа потянула его снова въ строй, и онъ вернулся.

Скучно и тяжело было сидѣть цѣлый день въ окопахъ. Возьмешь, бывало, винтовку и долго смотришь впередъ — не видно ли гдѣ-нибудь непріятели, но онъ такъ искусно всегда прятался, что увидѣть даже одиночнаго японца—была большая рѣдкость.

Возьмешь бинокль и наведешь его на впереди лежащую деревню, которая вдругъ приблизится настолько, что станетъ видно все до мельчайшей подробности. Напрягаешь зрѣніе и все-таки никого живого не увидишь и если бы не летящія изъ деревни пули, то можно было бы подумать, что въ деревнѣ никого нѣтъ.

Вотъ стоятъ фанзы, видны глинобитные заборы, въ нихъ пробиты частыя бойницы, устроена передъ ними засѣка; вотъ на высокомъ деревѣ какъ бы большое воронье гнѣздо; наводишь и на него бинокль и видишь совершенно ясно, что не гнѣздо, а вышка для наблюдений. И нигдѣ-то ни одного человѣка, ни движения, ни шевеления; а стрѣльба не перестаетъ, и пули все летятъ и летятъ.

Досадно станетъ; выпустишь нѣсколько пуль по какой-нибудь фанзѣ или по забору, положишь винтовку на брустверь и снова сидишь; а время такъ бесконечно долго тянется; думы разныя въ голову напираютъ, одна другой мрачнѣе. Что-то тамъ теперь дѣлается—на далекой родинѣ; у насъ вотъ день за полдень пошелъ, а тамъ еще утро, только поди вставать начинаютъ; тамъ теплыя хаты, и пули не свистятъ такъ жалобно и непріятно, а тутъ такъ холодно и на душѣ тяжело и кажется, что и конца не будетъ этому безпредѣльному злу.

Гоняшь эту навязчивую и печальную мысль и стараешься думать о чем-нибудь иномъ, болѣе веселомъ; вотъ завтра вечеромъ смѣнять, пойдемъ въ Чжантань, тамъ какъ ни какъ, а все легче; а то вотъ можетъ Богъ дать японцевъ погонимъ и тогда кончимъ войну, стараешься настроить себя на болѣе веселый ладъ и тутъ же улавливаешь разговоръ сосѣдней группы солдатъ, которые тоже тоскуютъ.

— Да, братъ ты мой,—говорить кто-то ровнымъ и тихимъ голосомъ,—она шутить не любитъ, она какъ, братъ, погладить, такъ мокро отъ человѣка останется. Это 20-го-го, когда деревню штурмой брали, какъ, значить, рвануло ее впереди нашей роты, такъ Шустову черепокъ по башкѣ какъ вдарить, такъ и башки вѣтъ, мозги, это, въ стороны, а черепки тоже — который куда; вотъ, братъ, какъ она нашего брата по головкѣ-то гладить.

— Что жъ Шустовъ-то, поди, сейчасъ и упалъ, — слышится чей-то неумѣстный вопросъ.

— Нѣтъ, не упалъ, — флегматично и спокойно отвѣчаетъ первый голосъ,—вмѣстѣ съ нами до деревни бѣгъ и ура кричалъ—безъ головы, а кричалъ.

Слышится сдержанный смѣхъ.

— А то вотъ, братцы, со мной рядомъ Коваленко шелъ, такъ ему тоже черепокъ по рукѣ хватилъ и сразу мослы показались, перешпбъ, значить, руку-то пополамъ, и мослы торчатъ. Ротный, это, къ нему подбѣгъ, говорить: Коваленко, ступай на перевязку, а онъ съ горяча-то и боли знать не чувствовалъ,—побѣжалъ было впередъ за ротой-то, да потомъ сразу ослабъ и объ землю; должно, кровью истекъ.

— Ну, чего истекъ; санитары небось подняли,—старается успокоить унтеръ.

— А можетъ и въ правду подняли, — говорить первый голосъ,—мы все впередъ ломались; всѣхъ-то не позапримѣтишь; много тамъ народу полегло. О, Господи, Господи,—вздыхаетъ солдатъ.

И еще грустиѣ становится отъ этихъ разговоровъ. Начинаешь себя представлять, что долженъ былъ чувствовать Шустовъ, когда ему моментально раздробило голову, и мозги разлетѣлись по сторонамъ — и никакъ не можешь представить, какъ это такъ: — шелъ человѣкъ, видѣлъ, слышалъ, быть можетъ былъ воодушевленъ храбростью, а быть можетъ и струхнулъ изрядно, и шелъ только потому, что и другіе идутъ—и вдругъ какой-то большой и тяжелый осколокъ—трахъ, и мозги полетѣли въ стороны. Но что же съ мыслью-то случилось.

„Стремленіе къ вѣчности. Ужель оно только мечта капризнаго ребенка, или слеза измученнаго сердца. Мозгъ, сердце и всѣ нервы изъ мертвой сотканы матеріи, такъ кто же имъ сказалъ, что были они живы, кто легкими „какъ сонъ перстами“ ихъ къ жизни пробудилъ и сдѣлалъ ихъ

проводникомъ понятій. Кто мозгу далъ способность мыслить и носить великія идеи; кто сердцу—этому комку изъ мускуловъ и крови, далъ даръ божественный любить возвышенно и чисто, жалѣть все то, что въ прахъ повержено, унижено, забыто, иль презирать достойное презрѣнія. Иль, можетъ быть, все то, что называемъ жизнью—всѣ наши радости, и горести, и чувства, и порывы—все это сонъ—небытье—миражъ; но кто жъ тогда такъ издѣвается надъ нами. Зачѣмъ же лишь на мигъ приподнята завѣса и свѣтъ изъ-за нея блеснулъ намъ только на мгновенье—и снова вѣчный мракъ небытья предъ нами. Зачѣмъ и кто намъ приподнялъ завѣсу?

И хочется научно намъ познать „Артиста“, который въ насъ имѣетъ бытье и въ вѣчность унести все то, что мы зовемъ сознаниемъ, чтобы путемъ труда стремиться къ Вѣчному, Святому совершенству.

Разбить внезапно мысли инструментъ у человѣка; ужели жъ, кто игралъ на немъ, исчезъ и, переставъ существовать навѣки, здѣсь перенелъ въ небытье, благодаря какому-то чугунному осколку. А если бъ вмѣсто сѣраго и мысля убогаго солдата, съ которымъ здѣсь все это совершилось, вообразить Бетховена, Сократа, иль Спинозу, прпрнесшихъ на землю съ собою намъ „райскіе напѣвы“—ужели жъ нѣжныя, глубокия созвучія ихъ арфы, умолкнувъ на землѣ такъ быстро и внезапно, не зазвучатъ опять въ иномъ существованіи—въ странѣ міровъ, гдѣ свѣтитъ солнце правды; иль имъ было дано бряцать на струнахъ арфы, но только здѣсь—въ земномъ существованіи, среди долины слезъ, чтобы подъ гармонию звуковъ лились изъ ихъ глазъ все тѣ же слезы—слезы.

И неужели жъ то, что разлетѣлось прахомъ и окровавленное здѣсь замерзло на поляхъ, а можетъ быть и сожрано голоднымъ псомъ, который съ глазами налитыми кровью по полю рыскаетъ, питаясь мертвецами,—ужели этотъ мозгъ, что падали сталъ равень, вѣщаль намъ только что про райскіе напѣвы и потрясалъ сердца глаголомъ неземнымъ. Ужели этотъ мозгъ былъ въ состояніи вліять на человѣка: согрѣть его измученное сердце, иль къ чистому въ душѣ стремление пробудить, иль въ трепетъ привести аккордами созвучій. Ужели этотъ мозгъ, что падали сталъ равень, могъ самъ въ себѣ вмѣщать глубокия идеи.

И гдѣ жъ теперь они—носители идей? Гдѣ Будда, гдѣ Сократъ, Конфуцій, Зороастръ, гдѣ многіе десятки имъ подобныхъ? Ужель они только того достойны стали, чтобъ трупами своими почву утучнить и чтобъ изъ почвы той выросла морковь или рѣпа, которую пожретъ двуногое создание, чтобъ силы подкрѣпить.

Иль женщина, что красотой своей иль лаской царитъ здѣсь, на землѣ, отъ глубины временъ и всѣхъ влечетъ къ себѣ въ волшебныя тевета; взгляните на нее;—о, какъ она прекрасна: какъ вешняя заря горятъ ея ланиты, коралломъ свѣтятся прекрасныя уста и жемчугомъ сверкаютъ зубы,

а очи загораются огнемъ, когда дарить она свою улыбку другу. И стань ея такъ гибокъ и изященъ и грудь полна въ разсвѣтъ красоты. . . . И вотъ приходитъ то, что называемъ смертью, и вмѣсто красоты мы видимъ смрадный трупъ—обезобразенный, изъѣденный червями, съ прогнившимъ носомъ. И все, что насъ влекло, чѣмъ всѣ мы восхищались, молились, плакали на юной груди дѣвы,—все это стало мерзкимъ, смраднымъ трупомъ, и червяки ползуть изъ ямъ, въ которыхъ были очи, что слали намъ привѣтъ, улыбку, счастье. Ужели жъ то, что съѣдено червями, одно лишь насъ влекло—одно лишь было живо“.

А здѣсь такъ холодно, такъ скверно, и вотъ эти вѣчно свистящія пули наводятъ невыносимую тоску; зачѣмъ онѣ летать, зачѣмъ онѣ убиваютъ и ранятъ людей; вѣдь они же и безъ того почти захлебнулись въ потокахъ своихъ слезъ; зачѣмъ же еще эта ужасная злоба, это смертоубійство. Боже, помоги намъ терпѣливо допить уготованную для каждаго чашу и раскрой тогда передъ нами безконечно прекрасные горизонты Твоей вѣчной правды и святой любви.

Нѣкоторые солдаты по цѣлымъ днямъ храпятъ, свернувшись калачикомъ на днѣ окопа. Счастливы: они наполовину меньше переживаютъ и чувствуютъ, чѣмъ тѣ, которые не могутъ спать. Завернется такой солдатъ въ китайское ватное одѣяло и храпитъ напропалую. Въ окопахъ тѣснота и давка; то и дѣло по ногамъ такого храпуна путешествуютъ солдаты, а онъ себѣ хранитъ да хранитъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Въ общемъ сидѣнье въ окопахъ было до тошноты томительно и скучно.

Въ виду того, что полки постоянно мѣнялись на участкахъ, никто не хотѣлъ взяться за устройство какихъ-нибудь болѣе или менѣе удобныхъ помѣщеній въ окопахъ: землянокъ, блиндажей и тому подобныхъ, благодаря чему и офицеры и командиръ полка помѣщались совершенно такъ же, какъ и солдаты. Ничего, продежуримъ какъ-нибудь двое сутокъ да и уйдемъ. Такъ думала каждая заступающая на дежурство часть. Углублять окопы и расширять ихъ также никто не хотѣлъ; вырыли канавы такихъ размѣровъ, какъ указали саперы, набросали землю къ сторонѣ непріятеля и прокопали еще траверсы, защищающіе отъ фланговаго отня—вотъ и все, и никто не хотѣлъ углублять окопы еще больше и увеличивать ихъ ширину. Ладно и такъ, думалъ каждый, чего я для другихъ стараться буду. Иногда приказывали приняться за работу, но и тогда работали лѣнливо, и какъ только начальническое око исчезнетъ, такъ работѣ конецъ.

Л. Бѣльковичъ.

ПЕРЕЖИТОЕ.

ЖИТЕЙСКІЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЯ
ВОСПОМИНАНІЯ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ХІІІ *).

Въ Петербургѣ меня ждалъ неприятный сюрпризъ.

Управляющіи кн. магаз. объявилъ мнѣ, что „дѣло переходитъ въ новыя руки и онъ пока не можетъ дать мнѣ мѣста“.

— Позвольте, но зачѣмъ же я спѣшилъ? Зачѣмъ вы дали телеграмму?

— Признаюсь, поторопился. Да и все рѣшилось почти экспромтомъ.

— Такія дѣла не рѣшаются около пальца, что вы говорите!

— Да... видите: я думалъ, что успѣю еще *взять васъ*... а тогда, конечно, весь штатъ и остался бы...

— Но магазинъ вѣдь еще не перешелъ къ новому хозяину?

— Официально—нѣтъ; но во всякомъ случаѣ я не могу брать новыхъ служащихъ.

— Отчего же вы не извѣстили меня о перемѣнѣ?

— Не успѣлъ... вы такъ скоро... Но не волнуйтесь: я постараюсь все устроить... подождите.

Онъ „вертѣлся“ и несомнѣнно лгалъ. Но что же я могъ

*) См. „Свѣточъ“, 1910, июль—августъ, стр. 22.

подѣлать? Повторилась исторія съ Турбой, о которой я говорилъ въ воспоминаняхъ. Приходилось ждать. Я не вѣрилъ обѣщаніямъ, да и Трапезниковъ былъ того же мнѣнія, что управляющій „вертится и лжетъ“.

— Онъ и самъ-то слетитъ скоро... Ну, да это ничего: можетъ быть, къ лучшему все.

— Почему къ лучшему?

— Да зачѣмъ тебѣ въ *книжники* итти? *купцомъ* не будешь, не купеческая у тебя жилка,—писатель хорошъ въ редакци, а не въ магазинѣ.

— У тебя идеаль аршинника? По-моему, писатель шире посмотреть.

— Нѣтъ, братъ: ваше дѣло журнальное, а не лавочное. Въ лавкѣ всегда будетъ законъ *аршина*, безъ этого нельзя... Конечно, *это отъ земли*... да вѣдь все дѣло земное: ходко продавать. Какъ писатель, ты поставишь выше то, что лучше; а наши братья то, что ходко.

— И ты?

— И я, милый мой землякъ! Читать или издавать чепуху не буду, а если она издана и на нее спрошу, продавать буду.

— Какая гадость!

— Лавка, лавка, землякъ! Иначе въ трубу вылетишь... а *мы* хотимъ свои выѣзды имѣть, дачки и дома... да чтобы наши жены въ золотѣ, серебрѣ и бархатѣ ходили... понялъ?

— И ты одобряешь?

— Нѣтъ, но... „взялся за гужъ—не говори что не дюжъ“... Тебѣ не понять... и не надо! Пиши хорошо—это твое дѣло.

— А вы...

— А мы будемъ читать и хвалить!.

— И продавать ходкую дрянъ?

— Не только... и хорошее, хотя часто и не столь ходкое... Дрянъ не будемъ рекомендовать. Но если сама по себѣ спрошу имѣетъ, будемъ держать... Такъ надо!...

У насъ поднялся споръ. Я былъ рѣзокъ, Трапезниковъ отдѣлывался шутками отъ моихъ нападокъ.

— Ладно, будетъ!—проговорилъ онъ: — не волнуйся, а то печенка заболитъ... такъ русская поговорка гласитъ... Пойдемъ лучше въ ресторанъ, закусимъ да разопьемъ бутылочку-другую пивка... Можетъ быть, подойдетъ кто-нибудь и изъ вашей братии...

XIV.

Вѣра Дмитріевна нашла хорошенькія двѣ комнатки на Петербургской Сторонѣ. Ихъ и сняли. Новоселье справили „съ шикомъ“: былъ даже портвейнъ хорошей марки. Кромѣ Трапезникова, который и принесъ двѣ бутылки портвейна, на новоселье, явились: Арсеньевъ, Зюбинъ, съ которымъ я, передъ отъѣздомъ въ Вологду, познакомился у Арсеньева,—Кристлибы и тетка Вѣры Дмитріевны. *Пиръ* кончился поздно вечеромъ: В. Д. уѣхала съ теткой, которая просила помочь ей съ недѣлку-другую въ работѣ. Зюбинъ и Арсеньевъ остались у меня ночевать. Я легъ на постель, Арсеньевъ на диванъ, а Зюбинъ *смастерилъ* себѣ ложе изъ стульевъ.

— Ты ночью упадешь! — сказалъ Арсеньевъ.

— Ну, нѣтъ! я человекъ военный (Зюбинъ былъ когда-то военнымъ техникомъ) и умѣю по походному.

— Все равно, упадешь! — настаивалъ Арсеньевъ.

И его предсказаніе сбылось.

Ночью Зюбинъ съ грохотомъ свалился на полъ.

Шумъ разбудилъ хозяйку, и она выбѣжала изъ своей каморки.

— Что такое? — спросила она черезъ дверь.

— Яшка убился! — отвѣтилъ Арсеньевъ.

— Какъ убился? до смерти? — съ испугомъ крикнула старушка.

— До двухъ смертей заразъ!

Арсеньевъ залился смѣхомъ. Старуха заворчала.

А Зюбинъ спокойно храпѣлъ. Арсеньевъ вскочилъ съ дивана и началъ накладывать на Зюбина: подушки, одѣяло, одежду.

— Яшка, очнись!

Но Яшка продолжалъ храпѣть.

Арсеньевъ положилъ сверхъ одѣяла нѣсколько книгъ и кучу газетъ.

Зюбинъ не пошевелинулся и храпѣлъ.

— Фу, идолище! — воскликнулъ Арсеньевъ и.. отправился „досыпать“.

Когда утромъ Зюбинъ проснулся, онъ пришелъ въ изумление.

- Что это такое? зачѣмъ книги?
- Ты же свалился? помнишь?
- Ну, пожалуй!
- Какъ, пожалуй! — Неужели не помнишь?
- Да книги-то какъ сюда попали?
- Ты же самъ положилъ! — увѣрялъ Арсеньевъ.
- Врешь, Сашуха! Это твое дѣло, писалка!
- А ты замки дѣлать умѣешь?
- Умѣю! А ты писалка! И я тебя... отколочу!
- Что тогда отъ меня останется?

Яковъ Яковлевичъ Зюбинъ.

— И то правда! Разъ ударю — и мокро!

— Ой, Илья-Муромецъ! Богатырь ты русскій!

— А развѣ не богатырь? Забылъ исторію съ нѣмцами?

Да, Зюбинъ былъ силачъ, какихъ немного. И что удивительно: съ виду совсѣмъ на богатыря не похожъ: средняго роста, сухой, — кожа да кости. „Своей фигурой“ онъ всѣхъ вводилъ въ обманъ.

На почвѣ этого „обмана“ происходили „недоразумѣнія“.

Разъ мы, гуляя по парку, въ Знаменкѣ, подошли къ сторожевой будкѣ. Сторожъ ушелъ куда-то. Зюбинъ повернулъ будку къ дереву такъ, что сторожъ уже не могъ войти въ нее... Мы сѣли на скамейку недалеко отъ дорожки и стали наблюдать. Вернувшійся сторожъ пришелъ въ изумление. Поворчавъ, онъ отправился за помощью, такъ какъ повернуть будку одному ему было не по силамъ. Онъ привелъ троихъ солдатъ — и тѣ безъ труда поставили будку на старое мѣсто.

Мы продолжали сидѣть.

Сторожъ опять ушелъ. Зюбинъ снова перевернулъ будку. Вернувшійся сторожъ пришелъ въ ярость.

— Кой это чортъ тутъ шалить! Поймаю, задамъ перцу!

— Кавалеръ!—крикнулъ Зюбинъ.—Развѣ чертей можешь увидѣть.

— Я ихъ... увижу!

— Мы вотъ все время сидѣли и не видѣли никого... а будка перевернулась.

— Ужли сама собою? — На лицѣ сторожа изобразилось недоумѣние, смѣшанное съ испугомъ.

— Сама!

Сторожъ покачалъ головою.

— Да вѣдь не мы же повернули ее?—сказалъ Зюбинъ.

— Гдѣ вамъ... сухопарымъ... коли мы-то едва повернули ее...

— Никого же не было... мы тутъ сидѣли, — продолжалъ увѣрять Зюбинъ.

— Чудно, право!.. И взаболь... нечистый шалить!

Сторожъ перекрестился и опять поплелся за помощью. Когда онъ скрылся, Яковъ Яковлевичъ мигомъ будку повернулъ входомъ къ дорожкѣ.

— Однако, пойдемъ отсюда!—сказалъ онъ: — а то догадуются и выйдеть плохо...

Другой случай.

Мы возвращались изъ театра.

На Казанской улицѣ намъ встрѣтилась компанія подвыпившихъ нѣмцевъ, которые преслѣдовали дѣвушку. Она не знала куда скрыться отъ безобразниковъ.

Зюбинъ рыцарски заступился за нее.

— Какъ ты смѣешь? Я тебѣ, русска швинья, морду разобью!—вскричалъ полный, рыжи нѣмецъ, кидаясь съ кулаками на Зюбина, который передъ здоровеннымъ „тевтономъ“ казался жалкимъ и ничтожнымъ. Но одинъ мигъ—и нѣмецъ полетѣлъ въ сторону. Къ нему на помощь кинулись остальные. Яковъ началъ швырять ихъ какъ куколь: то одинъ, то другой валится на панель... Поднимаются, опять лѣзутъ и снова валятся...

— О, это шортъ, а не шеловѣкъ!—крикнулъ рыжи нѣмецъ и первый „задалъ тягу“. Его примѣру послѣдовали и другіе, кромѣ одного, который съ налившимися кровью глазами продолжалъ кидаться на Якова.

— Ахъ ты, колбаса-задора!

Зюбинъ схватилъ нѣмца въ охапку, дотащилъ его до снѣжной кучи и, воткнувъ головою въ снѣгъ, поставилъ „березкой“. Нѣмецъ задрыгалъ ногами, потомъ свалился и, не вставая, заоралъ на всю улицу благимъ матомъ.

— Ори, скорѣе заберуть!..

Дѣвушка давно уже скрылась. Мы пошли далѣе; нѣмецъ продолжалъ орать. На его крикъ изъ переулка кинулся городской.

Зюбина многіе боялись, зная его силу. Но надо замѣтить, что это былъ предобродушнѣйшій человекъ. Его разозлить было трудно. Но если ужъ его доводили до гнѣва, онъ становился „лютымъ“. Оставаясь по виду спокойнымъ, онъ билъ, уже не заботясь о послѣдствіяхъ... Въ оправданіе онъ говорилъ:

— Лопнуло терпѣніе... съ сучка соскочилъ!

Относительно „битвы“ съ нѣмцами слѣдуетъ добавить, что Зюбинъ сразу загорался гнѣвомъ, если видѣлъ, что обижаютъ женщину. Разъ онъ чуть не убилъ квартирнаго хозяина, который ударилъ жену по щекѣ.

Былъ съ Яковомъ и одинъ „комическій“ случай. Дѣло происходило на Невскомъ, вблизи булочной.

Зюбинъ заступился за женщину, которую кто-то ударилъ.

Но „обиженная“ накинулась на своего рыцаря:

— А тебѣ какое дѣло? Ты что за судья между мужемъ и женою?

„Рыцарь“ былъ озадаченъ. Онъ посмотрѣлъ на „бабу“, плюнулъ и крикнулъ мужу:

— Бей ее дуру... хорошенько!

Я. Я. принадлежалъ къ „однолюбамъ“. Влюбившись 17-ти лѣтъ въ одну институтку, онъ до самой смерти оставался вѣренъ ей. Эта идеальная любовь доставила ему много горечи и мукъ. Онъ отказывалъ во всемъ себѣ, дѣлалъ подношенія „богинѣ“—преимущественно книгами, доставалъ ей билеты въ театры, исполнялъ разныя порученія и утѣшалъ ее въ ея несчастной любви къ какому-то медику.

Она съ нимъ обращалась какъ королева съ пажомъ.

Когда она заболѣла, онъ лишился сна и сдѣлался какимъ-то „идіотомъ“, по выраженію Арсеньева.

— Вотъ дурень-то! У барышни пупырекъ вскочилъ, а онъ трепещеть... Этакій идіотъ!

За то, когда „она“ поправилась, Яковъ нѣсколько дней сиялъ, балаганилъ и угощалъ насъ финиками.

Зюбинъ былъ большой балагуръ; обладая умѣниемъ подражать голосамъ птицъ и животныхъ, онъ часто развлекалъ компаню. Какъ-то разъ мы сидѣли съ Зюбинымъ на балконѣ дачи у покойнаго поэта Головина.

Шло стадо коровъ съ поля. Яковъ вдругъ „замычалъ“— да такъ жалостливо. Остановилась первая корова, за ней вторая и за этой остальные. Всѣ начали мычать. Поднялся невозможный концертъ. Яковъ вдругъ залаялъ на разные лады: то большой собакой, то маленькой комнатной... На улицу выскочили со дворовъ собаки. И начался лай... Коровы бросились. Собаки за ними... А Зюбинъ уже изображалъ дерущихся котовъ. И все закончилось неподобнымъ соловьинымъ щелканьемъ и свистомъ.

— Яшка, брось твои замки (Я. Я. служилъ мастеромъ на слесарномъ заводѣ)! Иди— въ циркъ!.. Право, больше получишь!—говорилъ Арсеньевъ.

Однажды мы сидѣли у Кристлиба и пили чай. Вдругъ за наружной дверью раздался пронзительный лай собачонки.

— Саша, прогони, пожалуйста, собаку... откуда это она забралась?—сказалъ Влад. Вас. женѣ.

Кристлибъ отворила дверь на площадку и... увидѣла Зюбина.

— Это я... лаялъ... вмѣсто звонка!

— Фу! Придетъ же вамъ въ голову... такая ахинея!—воскликнула Александра Николаевна.

Арсеньевъ и Зюбинъ были товарищами съ дѣтства. Они постоянно спорили, бранились, „разводились“— какъ говорилъ Трапезниковъ—и въ то же время не могли жить другъ безъ друга. Придетъ Арсеньевъ и спрашиваетъ:

— А что, Яшка былъ у тебя?

— Нѣтъ...

— И у меня не былъ уже два дня! Что съ нимъ!.. Надо узнать: не заболѣлъ ли, дурень...

Но если являлся сейчасъ же Зюбинъ, Арсеньевъ его встрѣчалъ.

— А ты живъ, слесарь? Я думалъ, что утопился съ тоски по своей красавицѣ...

— Сашка, не трогай меня! Умру— жалко будетъ!

— Скажите пожалуйста! Да хоть сейчас вѣшайся... Помогу даже!

Разъ пришелъ ко мнѣ Зюбинъ вечеромъ прямо со службы.

— Усталъ дьявольски!.. Ну, что: Сашуха давно былъ?

— Давненько...

— И я дня три его не видалъ... Надо сходить къ нему... Я думалъ, онъ у тебя...

— Куда ты? Пей чай... сейчасъ самоваръ дадутъ.

— Я къ Сашкѣ схожу... и узнаю... Если застану — притащу сюда.

И притащилъ.

Вспоминаю еще одинъ комичный случай.

Зашелъ какъ-то ко мнѣ со службы Яковъ. Почти сейчасъ же слѣдомъ явился и Арсеньевъ.

— Чай будетъ? — спросилъ онъ.

— Конечно, — отвѣтилъ я.

— Ну, а я яицъ принесъ. Будемъ яичницу сами готовить, по новому способу.

— Какой же способъ?

— Вотъ.

А. В. вытащилъ двѣ смыкающіяся жестяныя тарелки-сковородки.

— Вотъ видите: надо разбить яйца въ одну сковородку, положить масла и, прикрывъ другой половинкой, жарить на зажженной бумагѣ. Не надо никакой керосинки. Довольно газетнаго листа. Пока горить — все будетъ готово. Смотрите. Масло есть?

Я подаль масло, и Арсеньевъ началъ „поварничать“.

— Ну, вотъ и готово... Снимай, Яшка, крышку.

Но снять было довольно трудно. Обѣ половинки словно склеились.

— Эхъ, ты, богатырь!.. Дай я...

Но въ эту минуту Зюбинъ оторвалъ половинку, и вся яичница вмѣстѣ съ другой сковородкой полетѣла на полъ.

— Яшка, что ты надѣлалъ!.. — закричалъ Арсеньевъ. — Изъ-за тебя мы безъ ужина!

— Почему? Развѣ нельзя...

— Съ полу-то? — перебилъ Арсеньевъ. — Да ты въ умѣ?

— Какія нѣжности! — возразилъ Яковъ. — Если вы не будете — я съѣмъ!

— Пожалуйста, подбирай!

— Да и подбирать не надо!

Зюбинъ легъ на полъ и началъ ложкой прямо съ полу ѣсть яичницу... Даже макалъ хлѣбомъ!

— Яшка, да ты... дикій человекъ! Фу, гадость!

Зюбинъ, смѣясь, съѣлъ все и поднялся съ полу.

— Я сытъ, а вы голодайте, барчуки! Пейте чай на пустой желудокъ!

Арсеньевъ весь вечеръ „язвилъ“ друга.

— Ладно... это ты со злости... Голодные всегда злы, — смѣясь отвѣчалъ Зюбинъ.

XV.

Вскорѣ послѣ *тура*, справленнаго по случаю новоселья Зюбинъ перебрался на время ко мнѣ... вмѣсто двухъ недѣль В. Д. прожила у тетки болѣе мѣсяца. Зюбинъ поднимался въ 7 час. утра. Къ этому времени вставалъ и я. Мы пили кофе, Яковъ отправлялся въ мастерскую, а я садился за работу. Въ два часа дня я ѣхалъ на Невскіи, заходилъ въ магазинъ—къ Арсеньеву и мы вмѣстѣ шли обѣдать въ гостиннодворскую столовую. Послѣ обѣда я работалъ до 6-ти часовъ въ Публичной библиотекѣ; оттуда я опять заходилъ за Арсеньевымъ и мы вмѣстѣ ѣхали на Петербургскую. Въ 8 часовъ, а иногда и ранѣе, являлся съ работы Яковъ; мы ужинали, пили чай, а потомъ шли гулять или катались по Невѣ, посѣщали „Зоологію“. Заходили изрѣдка Кристлибы Трапезниковъ, Крыловъ.

По совѣту послѣдняго я началъ купаться въ Невѣ.

Вода была очень холодная, и я простудился... Къ счастью, я отдѣлался „дешево“, провалявшись въ постели нѣсколько дней.

Здѣсь опять произошелъ комическій случай. Яковъ купилъ мнѣ въ аптекѣ малины. Но пока хозяйка ставила самоваръ, мой пріятель съѣлъ всю малину. Хозяйка накинулась на него.

Онъ смущенно началъ оправдываться.

— Право, незамѣтно... Я задумался и... ѣлъ... и всю съѣлъ.

— Бѣгите снова за малиной.

Но обошлось безъ малины. Арсеньевъ принесъ рому, и меня напоили чаемъ съ ромомъ... Я пропотѣлъ и мнѣ стало лучше. Зюбинъ все-таки испугался и извѣстилъ Вѣру Дмитриевну. Она сейчасъ же вернулась, а Зюбинъ „оставилъ свой контрольный постъ“, какъ выразился ядовито Арсеньевъ. Мое полное выздоровление было отпраздновано обѣдомъ у Кристлиба...

Это произошло уже незадолго передъ нашимъ переселениемъ съ Петербургской Стороны въ „городъ“, къ Александринскому театру.

Жалко было покидать свѣтленькую и дешевую квартиру, но она была „за предѣлами цивилизации“, какъ острилъ Арсеньевъ... Зимой это явилось бы большимъ неудобствомъ... Наша новая квартира состояла изъ большой комнаты въ 4 окна, и съ двумя нишами; плата— 15 руб. въ мѣсяць. Дешево, конечно. Но сосѣди попались неудобные. Справа жилъ отставной офицеръ, вѣчно пьяный, поющій пѣсни на всю квартиру. Просыпался онъ рано и сейчасъ же кричалъ на всю комнату:

— Безъ женщины мужчина, что безъ пары машина! Марва, самоваръ!..

Домой онъ возвращался поздно и прежде чѣмъ лечь, бурчалъ, бранился и повторялъ свое любимое: „безъ женщины мужчина“ ...

Слѣва комнату нанималъ музыкантъ. Онъ вѣчно пилилъ на скрипкѣ и „кашлялъ съ грохотомъ“.

Я былъ очень недоволенъ квартирой.

— За то Александринка близко!— смѣясь, говорилъ Арсеньевъ.—И Буффъ подъ бокомъ...

Но ходить часто въ театръ было нѣкогда да и не на что. Приходилось считать каждую копейку.

Въ трудныя минуты нерѣдко выручалъ Зюбинъ, который жилъ какъ „птица Божья“.

Кто-то увѣрялъ, что у него не было даже постоянной квартиры.

„Сегодня-де у родныхъ, завтра у знакомыхъ“... Это— уже шаржъ. Но Я. Я. такъ часто мѣнялъ квартиры, что Арсеньевъ прозвалъ его кочевникомъ. И когда Зюбинъ приглашалъ пріятеля къ себѣ,—онъ непременно спрашивалъ:

— А ты гдѣ теперь живешь?

И очень часто Я. Я. отвѣчалъ:

— Ахъ, да!.. я забылъ тебѣ сказать, что переѣхалъ на новую квартиру.

Получая около ста рублей въ мѣсяцъ, Я. Я. на себя издерживалъ едва ли и сорокъ... Но денегъ у него все равно никогда не было. Онъ тратилъ ихъ или на *подношение* богинѣ или раздавалъ въ долгъ. Но въ долгъ у него нужно было брать въ день получки жалованья и самое позднее на слѣдующи день. Дальше — онъ сидѣлъ самъ безъ гроша. Бывало, придя въ гости, Я. Я. вынималъ 3—5 руб. и клалъ на столъ.

— Бери... можетъ быть, понадобятся... а тамъ у меня не будетъ...

Онъ никогда не помнилъ кому сколько давалъ, да и не требовалъ возврата. Когда ему возвращали, онъ часто говорилъ:

— А развѣ ты долженъ?

Какъ-то онъ обратился къ Арсеньеву:

— Сашуха, дай рубля два... надо сапоги починить... Я тебѣ отдамъ при полуккѣ...

Арсеньевъ захохоталъ.

— Дурень Яшка! Да я тебѣ больше красенькой долженъ!

— Развѣ? Ну, ладно!

Про Зюбина всѣ говорили:

— Это простота... все отдастъ!

Александра Алексѣевна говорила всегда, что Яковъ Яковлевичъ — „золото“... А Владиміръ Васильевичъ замѣчалъ:

— Да, это не волкъ, а медвѣдь... На него можно положить... У него слово съ дѣломъ не расходится...

За друзей Зюбинъ готовъ былъ въ огонь итти. Если давалъ слово — пуритански его держалъ.

Ко многому, напр., къ музыкѣ, къ живописи, онъ относился равнодушно, но литературу благоговѣнно любилъ, хотя нельзя сказать, чтобы обладалъ тонкимъ вкусомъ.. Фета онъ не выносилъ, а Оммулевскимъ восхищался.

— Яшка, ты ничего не понимаешь... Замки умѣешь дѣлать — и дѣлай, а поэзію оставь! — волновался Арсеньевъ.

— Да ты не знаешь всѣхъ его стиховъ!..

— Знаю, знаю... молчи!

Какъ-то мы разговорились „о хорошихъ людяхъ“.

— Я знаю одного истинно-хорошаго человѣка, — сказалъ Арсеньевъ: — это Яшка. Дурень порядочный, въ поэзи что хрючка въ апельсинахъ смыслить, но человѣкъ чудный... всѣ мы передъ нимъ... ничто... Мы вотъ умѣемъ хорошия слова говорить... и только... а Яшка не рѣчишь, да зато, если надо, на смерть пойдетъ... Не даромъ онъ говоритъ: „я человѣкъ земли“... такъ оно и есть. У него немного „святынь“ — но за то онъ постоитъ за нихъ!

— По медвѣжьи! — поддакнулъ Кристлибъ.

— Именно: прямо! Безъ хитрости!

И въ скоромъ времени Зюбинъ оправдалъ это мнѣние своего друга: онъ пошелъ на смерть во имя идеи, во имя любви...

Бросилъ все — даже впервые измѣнилъ *богиню*. Пошелъ, потому, что *не могъ не идти...*

„Нутро горитъ“ — выразился онъ.

Наружно онъ оставался спокойнымъ, словно онъ шелъ не на смерть, не на муки — во всякомъ случаѣ, а отправлялся... на прогулку въ Парголово.

Но объ этомъ въ свое время: не буду забѣгать впередъ.

А. Кругловъ.

Прощаніе умирающаго офицера съ конемъ.

ДРЕВНЕЕ ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ.

ЛЕГЕНДЫ

ВЪ ИЗЛОЖЕНИИ М. В. ЛЫСКОВСКАГО.

СЕРІЯ ТРЕТЬЯ.

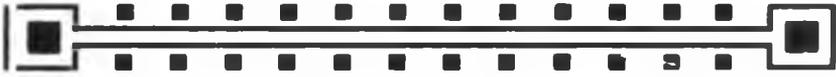
ДѢТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

М. В. Лысковскій.

КНИГА
ЧЕТВЕРТАЯ

Бесплатное приложение къ журналу „СВѢТОЧЬ“ и
„ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“ на 1910 годъ.

I.

Сцилла и Харибда.

едоброю славою пользовался у древнихъ мореплавателей проливъ между южною оконечностью Италии и островомъ Сицилиею. Въ этомъ узкомъ проливѣ имъ грозила вѣрная гибель,— и только случайность или крайняя необходимость могли заставить корабль пытаться пройти черезъ это страшное мѣсто.

Съ одной стороны, глубоко вдаваясь въ воду, возвышался и еще издали чернѣлъ своею громадою неприступный и грозный утесъ, называвшійся Сцилла, о который разбивались всѣ корабли, дерзнувшие пройти вблизи его. Съ другой стороны, напротивъ него, подъ другою скалою, со страшнымъ шумомъ и ревомъ бурно кипѣлъ и крутился ужасный водоворотъ Харибда, ненасытно поглощая своею темною пастью все, что ему удавалось увлечь въ свою стремнину.

Горе было тому кораблю, который безумно рѣшался пройти между Сциллою и Харибдою. Опасаясь разбиться объ острия скалы Сциллы, онъ попадалъ въ страшный водоворотъ Харибды. И тамъ, и здѣсь его ожидала неминуемая гибель.

Въ этотъ опасный проливъ занесено было нѣкогда бурною судно, на которомъ возвращался въ Итаку со своими вѣрными спутниками Одиссей послѣ гибели Трои.

Еще издали, приближаясь къ этому мѣсту, слышали они ужасный шумъ, заглушавшій ихъ рѣчи. Какъ бы невѣдомой силой влекло ихъ туда, гдѣ вода, клопоча и бурвясь, вихремъ взлетала вверхъ, дробясь объ утесъ, разлетаясь въ мелкия брызги, подобныя дыму, и, падая сверху, съ ревомъ стремились въ пучину.

Опасаясь попасть въ страшный водоворотъ, Одиссей велѣлъ кормчему держать путь на утесъ, возвышавшійся передъ ними. Это была ужасная Сцилла. Уже корабль ихъ

— 1 —

поравнялся съ утесомъ, и они думали, что избѣжали опасности, какъ вдругъ изъ нѣдръ утеса протянулись на длинныхъ изгибистыхъ шеяхъ шесть головъ отвратительнаго чудовища, обитавшаго здѣсь въ глубокой и мрачной пещерѣ. Оно схватило и тутъ же пожрало шестерыхъ изъ доблестныхъ спутниковъ Одиссея. Заплативъ эту страшную дань Сциллѣ, они благополучно затѣмъ миновали проливъ, избѣжавъ свирѣпаго жерла Харибды.

Но самому Одиссею суждено было вскорѣ испытать и эту опасность.

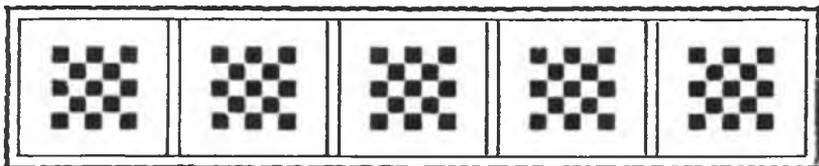
По выходѣ изъ пролива Одиссей и его товарищи приплыли къ берегамъ цвѣтущаго острова Тринакри, гдѣ паслись стада, посвященныя богу солнца, лучезарному Геліосу. Здѣсь, несмотря на всѣ предупрежденія и угрозы Одиссея, его спутники, охваченные безумнымъ желаніемъ вкусить мяса, котораго они были лишены во время долгаго плаванія по морю, умертвили нѣсколькихъ священныхъ быковъ. Въ наказаніе за это боги обрекли ихъ на смерть. Имъ не пришлось возвратиться въ свое отечество.

Едва они отплыли отъ береговъ острова, чтобы продолжать путь въ Итаку, поднялась сильная буря. Корабль былъ разбитъ и всѣ спутники Одиссея погибли. Онъ же, ухватившись за сломанную мачту корабля, отдался во власть бушующаго моря.

Вскорѣ съ ужасомъ увидѣлъ онъ, что волны несутъ его обратно, туда, гдѣ алчно ждетъ своихъ жертвъ ненасытная Харибда, и что ему не спастись отъ ея страшнаго зѣва. Уже онъ приближался къ зіяющей подъ скалою пучинѣ, готовой его поглотить, какъ вдругъ замѣтилъ росшую на скалѣ смоковницу и, схватившись за вѣтви ея, повиснулъ надъ бездною. Этимъ онъ спасся отъ смерти.

Когда же изъ нѣдръ Харибды обратнымъ стремленіемъ была извергнута поглощенная ею мачта, на которой спасался Одиссей, онъ вновь кинулся въ воду и, ухватившись за мачту, выплылъ изъ страшнаго мѣста.

Въ настоящее время, въ жизни, называютъ «Сциллою и Харибдою» такое стеченіе обстоятельствъ, когда тотъ или другой выходъ изъ даннаго положенія являются равно опасными и гибельными. Стараться избѣжать этихъ опасностей,—называется «лабировать между Сциллою и Харибдою».

II.

Панургово стадо.

Панургъ былъ очень хитрый, изворотливый и пронырливый человекъ, отлично умѣвши пользоваться обстоятельствами. Онъ былъ отчасти плутъ и не пренебрегалъ чужою собственностью. Любилъ хвастать своею храбростью, хотя въ душѣ былъ трусъ. Циникъ и себялюбецъ, онъ былъ совершенно лишенъ какихъ бы то ни

было нравственныхъ взглядовъ и идеальныхъ стремлений.

Обладая въ высшей степени здравымъ смысломъ и практическимъ взглядомъ на жизнь, онъ былъ надѣленъ отъ природы юморомъ и сатирическимъ складомъ ума. Онъ быстро подмѣчалъ людскія слабости и недостатки и любилъ осмѣять ихъ и потѣшаться надъ ними.

Самое имя его — Панургъ, значитъ — «человекъ на всѣ руки».

Разъ Панургу случилось путешествовать по морю на одномъ кораблѣ съ торговцемъ Денденомъ. Денденъ торговалъ скотомъ и везъ на кораблѣ большое стадо овецъ.

Панургъ былъ давно уже въ обидѣ на Дендена и ждалъ только случая, чтобы отомстить ему. Теперь этотъ случай представился, и Панургъ не замедлилъ воспользоваться имъ. Онъ жестоко отомстилъ Дендену за его обиду.

При видѣ стада овецъ, которое везъ Денденъ для продажи, намѣреваясь выручить за него большую сумму денегъ, въ головѣ Панурга возникла недобрая мысль — лишить Дендена этого стада и тѣмъ раззорить несчастнаго торговца.

Панургъ началъ съ того, что обратился къ Дендену, какъ покупатель, и просилъ продать ему одну изъ овецъ бывшаго на кораблѣ стада. Не подозрѣвая коварнаго умысла со стороны Панурга, Денденъ охотно исполнилъ его просьбу и вручилъ ему купленную овцу.

Этой злополучной овцѣ и суждено было стать виновницею гибели всего стада.

Для осуществления своей мести Панургъ задумалъ воспользоваться свойствомъ, присущимъ въ сильной степени всѣмъ овцамъ — стадностью.

Извѣстно, что овцы, находясь въ стадѣ, приобретаютъ чрезвычайную склонность къ подражанію одна другой. Примѣру одной — слѣдуютъ всѣ. Все стадо какъ бы заражается этимъ примѣромъ и слѣпо повинуется ему. Такимъ путемъ съ овцами можно сдѣлать все, и заставить ихъ слѣдовать, куда угодно.

Это отлично знали Панургъ и орудиемъ своей мести избралъ купленную имъ у Дендена овцу изъ его стада.

Онъ вывелъ ее на палубу, гдѣ находилось все стадо, подвелъ къ борту корабля и толкнулъ ее въ воду.

Тогда произошло именно то, что онъ ожидалъ и чего хогѣлъ. Увлеченныя примѣромъ несчастной овцы и привлекаемыя ея жалобнымъ блеяньемъ, всѣ овцы одна за другой стали прыгать въ море.

Какъ бы увлекаемая стихіиною силою, стремились онѣ, тѣсясь и давя другъ друга, къ краю судна, и, достигнувъ его, безостановочно, подобно потоку, массами бросались въ воду. Ничто не могло уже остановить ихъ. Ими всецѣло овладѣло свойственное имъ чувство стадности, и онѣ совершенно безотчетно стремились къ собственной гибели.

Тщетно пытался удержать ихъ Денденъ, съ ужасомъ видя, какъ гибнетъ все его благосостояніе. Онъ не въ силахъ былъ ничего сдѣлать. Все стадо погибло, и самъ Денденъ утонулъ.

Такъ отомстилъ Панургъ за свою обиду.

Людямъ также свойственна «стадность». Они часто слѣпо подражаютъ постороннему примѣру, несколько не отдавая себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ и утрачивая всю свою индивидуальность.

Во время народныхъ волненій толпа нерѣдко идетъ за своимъ случайнымъ вожакомъ, охваченная «стаднымъ» чувствомъ, совершенно не сознавая, что она дѣлаетъ, иногда

стремясь прямо къ своей гибели, подобно стаду, которое погубилъ Панургъ.

Поэтому въ жизни «Панурговымъ стадомъ» называютъ людей, которые, теряя свой собственный разумъ и волю, слѣпо и безотчетно подчиняются чужому примѣру и чужой волѣ, что зачастую приводитъ ихъ къ необдуманнѣмъ поступкамъ, преступленіямъ и гибели.

Разумѣется, играть роль овцы «Панургова стада» не представляетъ для человѣка ничего почетнаго. Напротивъ, это — позорно и унижительно для всякаго человѣка, обладающаго самолюбіемъ и чувствомъ собственнаго достоинства.

III.

Драконовы законы.

Уже въѣкъ до Р. Хр. въ Аѳинахъ было аристократическое правленіе. Во главѣ Аѳинской республики стояли архонты. Ихъ было девять, и они избирались изъ числа свободныхъ и благородныхъ аѳинскихъ гражданъ или эвнатридовъ.

Благодаря тому, что изъ среды выбирались архонты, эвнатриды занимали господствующее положеніе въ странѣ. Они владѣли многочисленными и лучшими землями, въ ихъ рукахъ была большая часть денегъ, они же занимали высшія должности въ государствѣ.

Народъ же, или — по-гречески — демось, находился отъ нихъ въ зависимости и угнетеніи. Будучи бѣденъ, онъ былъ въ долгу у аристократовъ и, вслѣдствіе суроваго долгового закона, постепенно утрачивалъ свою землю, имущество и личную свободу. Положеніе народа отягчалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ отношеніяхъ къ нему высшихъ

классовъ царилъ полный произволъ, такъ какъ опредѣленныхъ писанныхъ законовъ не существовало. Правители и судьи въ своихъ рѣшеніяхъ руководились голосомъ совѣсти, своими личными взглядами и древними обычаями страны.

Народъ былъ недоволенъ своимъ положеніемъ и требовалъ введенія законовъ, надѣясь, что это улучшить его судьбу.

Уступая желаніямъ народа, эвпатриды поручили одному изъ архонтовъ, по имени — Дракону, написать законы. Это было исполнено имъ въ 624 году до Р. Хр.

Но народъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ.

Принадлежа самъ къ правящему классу, Драконъ составилъ законы далеко не въ пользу народа. Его законодательство было направлено, главнымъ образомъ, къ охраненію правъ и имущественныхъ интересовъ господствующаго меньшинства, т.-е. эвпатридовъ. Законы, составленные Дракономъ, укрѣпили и освятили, въ сущности, тѣ же взгляды и обычаи, которыхъ держались до сего времени.

Кромѣ того, эти законы были чрезвычайно суровы и жестоки. Смертная казнь занимала преобладающее мѣсто въ ряду наказаній, налагаемыхъ законами Дракона. Въ нихъ не дѣлалось особаго различія между большими и малыми преступленіями: воровство и лихоимство карались одинаково, какъ убійство или святотатство. За все полагалась одинаково смертная казнь.

Суровость этихъ законовъ вошла въ поговорку еще въ древности. Про Драконовы законы говорили, что они написаны были кровью.

На самомъ дѣлѣ законы Дракона были начертаны на каменныхъ доскахъ и выставлены на городской площади для всеобщаго свѣдѣнія и руководства.

Однако эти законы возбудили такое недовольство народа, обманутаго въ своихъ давнишнихъ надеждахъ, что онъ возмутился противъ составителя этихъ законовъ — Дракона. Спасаясь отъ ярости своихъ согражданъ, Драконъ вынужденъ былъ покинуть отечество.

Тѣмъ не менѣе, составленные имъ законы были утверждены архонтами и стали проводиться въ жизнь. Но въ виду чрезвычайной суровости этихъ законовъ и опасаясь возстановить противъ себя народъ, эвпатриды никогда не рѣшались примѣнять законы Дракона во всемъ ихъ объемѣ.

Такимъ образомъ, законодательство Дракона, являвшееся попыткой удержать малоземельный и неимущій классъ населенія въ экономической зависимости отъ высшихъ классовъ, не имѣло успѣха.

Законы Дракона вскорѣ были измѣнены другимъ аѳинскимъ законодателемъ и мудрецомъ Солономъ, жившимъ въ VI вѣкѣ до Р. Хр. — Соломъ отмѣнилъ нѣкоторые изъ законовъ Дракона и основалъ свое законодательство на совершенно иныхъ началахъ, значительно облегчивъ участь народа.

Въ настоящее время «Драконовыми» или «Драконовскими» законами называютъ всякаго рода особенно строгіе и исключительны законы, правила и установленія. Усиленно строгія требованія по отношенію кого-либо называютъ также «Драконовскими». Вообще, это наименованіе служить для обозначенія чего-либо жестокаго и чрезмѣрно суроваго.

IV.

Перейти Рубиконъ.

ли Цезарь велъ борьбу съ Помпеемъ. Сенатъ римскій и высше классы населенія были на сторонѣ Помпея. Ихъ соединяло одно общее чувство, — опасеніе Цезаря.

Цезарь былъ знаменитъ своими побѣдами въ разныхъ частяхъ свѣта, — и это создавало ему популяриность и привлекало къ нему любовь народа. Съ талантомъ полководца онъ соединялъ способности администратора и ораторское искусство

Верховная власть въ Римской республикѣ въ тѣ времена принадлежала двумъ консуламъ, которые ежегодно избирались гражданами и предсѣдательствовали въ Сенатѣ.

Но фактически, во время Цезаря и Помпея вся власть была сосредоточена въ рукахъ трехъ лицъ, составлявшихъ, такъ называемый, — триумvirатъ. Это были — Помпей, Крассъ и Цезарь. Изъ нихъ первые два были консулами республики, а Цезарь — правителемъ покоренной имъ Галлии.

Со смертью Красса триумvirатъ распался, — и власть оказалась въ рукахъ Помпея и Цезаря. Но Цезарь былъ въ Галлии, а Помпей — въ Римѣ, при томъ въ званіи консула. Второго же консула, вопреки обычаямъ, назначено не было. Это было сдѣлано Сенатомъ въ угоду Помпею.

Воспользовавшись своимъ выгоднымъ положеніемъ, Помпей вознамѣрился устранить отъ власти своего единственнаго соперника. По его настоянію Сенатъ потребовалъ, чтобы Цезарь сдалъ порученныя ему провинціи, распустилъ свои войска и вернулся въ Римъ.

Цезарь въ это время съ однимъ только своимъ легиономъ стоялъ въ Цизальпійской Галлии. Остальные же его легионы находились въ различныхъ галльскихъ провинціяхъ по ту сторону Альпъ.

Оскорбленный требованіемъ Сената, чувствуя за собою преданность своихъ легионовъ и надѣясь на любовь народа, Цезарь рѣшилъ начать войну противъ Рима, — вѣрнѣе противъ Помпея и Сената. Во главѣ своего легиона онъ немедленно двинулся въ Италию, давъ приказъ о томъ же и остальнымъ своимъ легионамъ.

Границею между Италиею и Цизальпійскою Галліею служила рѣка Рубиконъ. На берегу ея Цезарь остановился. Переходъ черезъ Рубиконъ долженъ былъ знаменовать собою начало тяжелой братоубійственной, междоусобной войны. Нелегко было Цезарю рѣшиться на это.

Но честолюбивыя стремленія, жажда власти и сознаніе въ себѣ силы для того, чтобы укрѣпить могущество государства взяли перевѣсъ.

Цезарь перешелъ Рубиконъ.

Сознавая всю важность своего поступка, послѣ котораго уже не могло быть возврата или отступленія, Цезарь, принявъ окончательное рѣшеніе, произнесъ свои знаменитыя слова: «жребій брошенъ».

Перейдя Рубиконъ и вступивъ въ предѣлы Италии, Цезарь быстро овладѣлъ Римомъ и изгналъ оттуда Помпея. Затѣмъ онъ побѣдоносно преслѣдовалъ его въ Греции. Въ

битвѣ при Фарсалахъ Цезарь окончательно разбилъ Помпея, который бѣжалъ въ Египетъ. Здѣсь онъ былъ убитъ по приказанію Птолемея, правившаго Египтомъ.

Одержавъ блестящую побѣду надъ Помпеемъ, Цезарь возвратился въ Римъ, гдѣ былъ встрѣченъ съ триумфомъ. Впослѣдствіи онъ былъ избранъ народнымъ трибуномъ, консуломъ и наконецъ диктаторомъ. Обожаемый народомъ и войсками, Цезарь въ концѣ своей жизни получилъ пожизненный титулъ «императора».

Его почти неограниченная власть въ республикѣ была причиною составленія противъ него заговора и его трагической смерти подъ кинжалами заговорщиковъ, — въ 44 году до Р. Хр.

Въ настоящее время выраженіе «перейти Рубиконъ» означаетъ вообще какой-либо смѣлый, рѣшительный шагъ, который является началомъ чего-либо особеннаго въ жизни человѣка, начало какого-либо новаго предпріятія, замысла и тому подоб. Тому, кто «перешелъ Рубиконъ», уже нѣтъ отступленія, — и ему остается только идти по тому пути, который онъ выбралъ.

V.

Рогъ изобилія.

еликая Рея, „мать боговъ и людей“, была дочерью Урана и Геи. Отецъ ея Уранъ, богъ неба, былъ родоначальникомъ всѣхъ боговъ и создателемъ первыхъ людей — Титановъ.

Сынъ его Хроносъ, супругъ Реи, — богъ времени, отецъ великаго Зевса, отличался жестокостью. Онъ пожиралъ всѣхъ рождавшихся

у него дѣтей къ несказанному горю матери ихъ Реи.

Наконецъ, возмущенная злодѣянїями своего божественнаго супруга, Рея обратилась къ своимъ родителямъ Урану и Геѣ съ мольбою научить ее спасти отъ свирѣпаго отца только что родившееся у нея дитя. Это и былъ Зевсъ, впоследствии — „богъ боговъ“ и „отецъ неба и земли“.

Родители посоветовали ей отнести ребенка на цвѣтущїи и плодоносный островъ Критъ, гдѣ и оставить его, пока онъ не подростетъ. Рея послѣдовала этому совѣту и оставила свое новорожденное дитя на островѣ, поручивъ его покровительству нимфъ и животныхъ, населявшихъ островъ.

Здѣсь протекло дѣтство великаго бога. Первой пищей младенца было козье молоко и пчелиный медъ. Первой кормилицей его, которая своею грудью замѣнила ему грудь матери, была коза Амальгея, питавшая его своимъ молокомъ. Медъ же приносили ему пчелы, въ изобилии обитавшія на цвѣтущемъ островѣ Критѣ. Веселья и граціозныя нимфы забавляли ребенка своими играми и рѣзвились съ нимъ на зеленѣющихъ лугахъ и въ тѣнистыхъ рощахъ благодатнаго острова.

Счастливыи и беззаботный, окруженный ласками и нѣж-

ными попечениями любящихъ существъ, подрасталъ ребенокъ - богъ, вдали отъ своего жестокаго отца, которому было невѣдомо мѣсто его нахождения. Только одна мать его Рея, да ея престарѣлые родители, знали объ этомъ. Но они свято хранили тайну, страшась гнѣва ужаснаго Хроноса и наблюдая издали за жизнью своего любимаго внука.

Прошли года, — много лѣтъ. Старецъ Уранъ уступилъ свою власть Хроносу, будучи низвергнуть и умерщвленъ имъ.

Зевсъ выросъ и возмужалъ. Онъ узналъ тайну своего происхожденія и спасенія матерью отъ кровожадныхъ на-мѣреній отца. Пылая мщеніемъ, мощный и неукротимый, онъ возсталъ противъ своего отца Хроноса и началъ съ нимъ борьбу за обладаніе міромъ. Эта борьба кончилась побѣдою Зевса. Онъ низвергнулъ Хроноса въ глубокой и мрачный Тартаръ и принялъ власть надъ небомъ и землею.

Но сдѣлавшись всемогущимъ владыкою вселенной, Зевсъ не забылъ тѣхъ скромныхъ благодѣтелей, которые вырастили его и заботились о немъ во времена его дѣтства, когда онъ былъ слабъ и безпомощенъ.

Свою бывшую кормилицу, козу Амальтею, въ благодарность за ея доброту и заботы, Зевсъ взялъ на небо и помѣстилъ на немъ въ видѣ блестящаго созвѣздія, которое и донныи сіяетъ надъ землею. Многочисленныхъ пчель, питавшихъ его своимъ медомъ, Зевсъ разсыпалъ по небу въ видѣ цѣлаго роя мелкихъ звѣздъ. И по сіе время мерцаютъ онѣ въ темномъ небѣ и смотрятъ съ высоты на тотъ далекий островъ, гдѣ нѣкогда веселыми пчелками порхали онѣ съ цвѣтка на цвѣтокъ, собирая пахучи и сладки медъ для невѣдомаго младенца, слабаго и одинокаго, заброшеннаго кѣмъ-то на ихъ островъ.

Не забылъ своими милостями Зевсъ и тѣхъ нимфъ, которыя въ дѣтствѣ забавляли его своими играми. Онъ далъ имъ одинъ изъ роговъ козы Амальтеи, надѣливъ его чудесною способностью. Чего бы только ни пожелали нимфы для себя, — роскошныхъ одеждъ, богатыхъ украшеніи, драгоценныхъ камней, цвѣтовъ, — имъ стоило только взять волшебный рогъ, наклонить его, — и изъ него тотчасъ въ изобилии появлялось все желаемое. Этотъ рогъ стали называть „рогомъ изобилія“.

Неизвѣстно, куда дѣвался въ настоящее время этотъ драгоценный рогъ. Быть можетъ, и до сего времени владѣютъ имъ нимфы острова Крита, скрывая его отъ глазъ простыхъ смертныхъ. До насъ дошло только его название.

И въ настоящее время мы называемъ „рогомъ изобилія“ неистощимый источникъ какихъ-либо благъ духовныхъ или тѣлесныхъ, изливающихся на человѣка. Вообще же „рогъ изобилія“ является символомъ довольства, достатка и избытка въ чемъ-либо.

VI.

Геркулесовы столбы.

Геркулесъ (или Гераклъ) былъ сынъ Зевса и Алкмены. Это — герой, славный своею силою и мужествомъ. Волею боговъ ему было предназначено совершить двѣнадцать трудныхъ подвиговъ, доставившихъ ему безсмертіе. Поэтому, вся жизнь его была полна замѣчательныхъ приключени и событий.

Свою силу и мужество онъ проявилъ еще въ раннемъ дѣтствѣ. Будучи младенцемъ и лежа въ колыбели, онъ задушилъ двухъ громадныхъ змѣй, подползавшихъ къ нему, — и тѣмъ спасся отъ неминуемой смерти. Пораженный этимъ и передугадывая особое, таинственное предназначение ребенка, вотчимъ его Амфитрюевъ призвалъ великаго прорицателя Тирезія, прося его открыть судьбу младенца.

Судьба, ожидавшая ребенка, была поразительна. Ему предстояла тяжелая, но завидная участь. — Жизнь полная трудовъ и смертельныхъ опасностей, но вмѣстѣ съ тѣмъ, богатая великими и славными подвигами. Жизнь, полная тяжелой и упорной борьбы, но вмѣстѣ съ тѣмъ, изобилующая

побѣдами и торжествомъ надъ всѣми противниками и всякими препятствіями. Наконецъ, достойной наградой ему долженъ быть вполнѣ заслуженный имъ отдыхъ, покой и блаженство, коими онъ насладится въ чертогахъ боговъ.

Благоразумный Амфитріонъ, узнавъ о такой судьбѣ, предназначенной его питомцу, рѣшилъ дать ему воспитаніе, соотвѣтствующее его предназначенію и достойное будущаго героя. Онъ не обременялъ его изученіемъ наукъ, но обратилъ особенное вниманіе на его физическое развитіе. Онъ обучилъ его искусству стрѣльбы изъ лука, единоборству и умѣнью владѣть тяжелымъ оружіемъ.

Юность свою Геркулесъ провелъ на лонѣ природы, при стадахъ Амфитріона въ горахъ Киѳеронскихъ. Здѣсь выросъ и сдѣлался онъ крѣпкимъ и здоровымъ юношей, возмужалъ и превосходилъ всѣхъ ростомъ и мощностью. Любимымъ оружіемъ его была громадная палица, съ которой онъ никогда не разставался впослѣдствіи во время своихъ походовъ.

Для совершенія своихъ подвиговъ Геркулесу пришлось немало путешествовать и побывать въ весьма отдаленныхъ и неизвѣстныхъ до сего времени странахъ. Путешествія эти совершалъ онъ обыкновенно пѣшкомъ, накинувъ на плеча шкуру убитаго имъ громаднаго льва и съ неизмѣнной палицею въ рукѣ.

Такъ однажды изъ далекихъ восточныхъ странъ привелось Геркулесу итти на крайній западъ.

Долго и труденъ для Геркулеса былъ этотъ путь. Ему нужно было итти черезъ невѣдомыя, варварскія и дикія страны, проходить черезъ Ливию и иныя песчанья и безводныя пустыни, перебираться черезъ высокія и неприступныя горы.

Наконецъ открылся передъ нимъ необъятный, таинственный и чудный океанъ. Дальше итти было некуда. Онъ достигъ крайняго предѣла, до котораго простиралась суша, достигъ того мѣста, гдѣ кончалась земля и начиналось безграничное водное пространство. Онъ былъ на краю свѣта.

Небольшая узкая полоска земли соединяла въ этомъ мѣстѣ два материка — Европы и Африки, отдѣляя внутреннее Средиземное море отъ Океана.

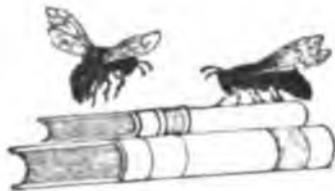
Смѣлая мысль родилась въ головѣ Геркулеса. По сво-

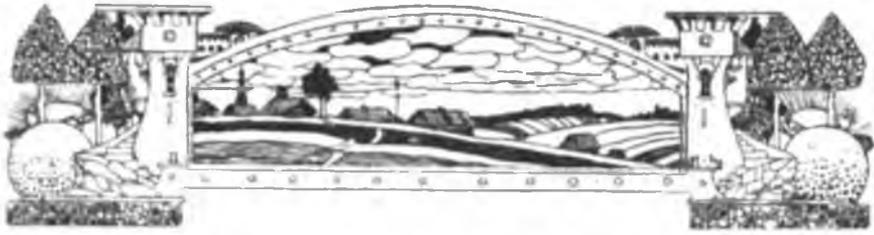
ему величю она была вполне достойна героя. Онъ задумалъ — отдѣлить одинъ материкъ отъ другого и соединить Средиземное море съ океаномъ, дабы люди на своихъ корабляхъ могли имѣть туда выходъ и впоследствии изслѣдовать эту безпредѣльную, загадочную водную пустыню.

Свою мысль Геркулесъ тотчасъ же и привелъ въ исполненіе. Прочно укрѣпившись на своихъ могучихъ ногахъ, одною изъ нихъ упершись въ Африканскій берегъ, а другою — въ берегъ Европы, сильно напрягши мощныя мышцы, герой, какъ тонкую нить, перервалъ соединявшую оба берега узкую полоску земли и оттолкнулъ одинъ материкъ отъ другого. Между ними образовался проливъ, существующій и донинѣ. Европа была отдѣлена отъ Африки.

Въ память о томъ, что онъ въ своемъ путешествіи достигъ крайнихъ предѣловъ свѣта, Геркулесъ на обоихъ берегахъ созданнаго имъ пролива поставилъ по громадной скалѣ. Эти скалы, имѣвшія видъ столбовъ, называли въ древности „Геркулесовыми столбами“. Слѣды ихъ сохранились и до сего времени на обоихъ берегахъ Гибралтарскаго пролива.

Въ наше время „Геркулесовыми столбами“ называютъ вообще крайній предѣлъ чего-либо. Дойти до „Геркулесовыхъ столбовъ“ — значитъ дойти до предѣла, дальше котораго итти уже нельзя. Въ переносномъ смыслѣ, могутъ быть „Геркулесовы столбы“ лжи, хвастовства, гордости, самолюбія и т. п.

ИЗЪ ЛѢТНИХЪ ЭКСКУРСІЙ.

(Впечатлѣнія и встрѣчи.)

Окончаніе.

III *).

ше въ Цюрихѣ на вокзалѣ я начала испытывать прелести путешествія со многими пересадками,— на австрійскихъ дорогахъ это дѣло обычное,— и это единственная почти отрицательная сторона всего моего, въ общемъ, удачнаго путешествія. Экспрессы далеко не всѣмъ доступны, а съ небогатыми туристами дорожная администрація — повторю, главнымъ образомъ, австрійская — не считается. Мы наводили справки у желѣзнодорожныхъ служащихъ, чтобы попасть въ поѣздъ „direct“, и, несмотря на увѣренія portier, что до Вѣны пересадки не будутъ въ такомъ-то поѣздѣ, попали въ неудобный поѣздъ. Онъ назывался „скорый“, но на одной станціи простояли три часа, что, впрочемъ, было и къ лучшему: мы хорошо выспались. А затѣмъ уже начались безконечныя „umsteigen“ (пересадки). Но на міру и смерть красна: я ѣхала опять съ русскими, мы очень сошлись, и до Вѣны дорога прошла незамѣтно.

Вѣна поразила меня своей ширью. Большія площади, широкія улицы, чудныя набережныя, кольцо бульваровъ, опоясывающее городъ, множество прекрасныхъ памятниковъ... Физиономія Вѣны во многомъ отличается отъ Берлина и Парижа.

Великолѣпные музеи. Едва ли гдѣ есть такая богатая зоологическая коллекція, а въ живописи Вѣна не уступитъ и Лувру: Karracci Guido Reni, Murillo, огромный залъ Рубенса (всѣхъ залъ 15)—все это несмѣтная сокровища,—не ушелъ бы отсюда...

Есть роскошная коллекція бронзовыхъ бюстовъ и статуэтокъ (Freie Nachbildungen nach Antike), 3 большія витрины издѣлій изъ рѣзной слоновой кости, модели памятниковъ, черепаховыя, перламутровыя блюда и т. д.

*) См. „Свѣточъ“ 1910 г., июль — августъ, стр. 41.

Загородный дворец Шёнбрунъ не удалось осмотрѣть внутри,— въ это время тамъ былъ Императоръ; но паркъ обошла вдоль и поперекъ, поднималась даже на *Gloriette-Plattform*, откуда хорошъ видъ на Вѣну. Я забралась на эту вышку, сооруженную, кажется, еще при Маріи Терези, и заглядѣлась на панораму города съ одной стороны и синеватая горы — съ другой. Городъ весь сѣрый, надъ нимъ стоятъ дымъ, копоть, и гдѣ-то далеко-далеко горять серебромъ стекла зданій. Высокая церковь св. Стефана выдѣляется своими готическими главами. Внизу — гроходъ паровозовъ, гулъ громаднаго города, суета и тщеславіе, а здѣсь, наверху — воздухъ ароматный, здѣсь тихо и знойно, на полянѣ простые цвѣты и кузнечики...

Паркъ разбитъ правильными аллеями, деревья подстрижены сводами, стѣнами, въ зеленыхъ нишахъ статуи — симметрично слишкомъ. „Римскія руины“ — наивная имитация, сложены изъ кирпича и камней. Перлъ дворцомъ громадный, точно нарисованный, двѣтникъ. Въ бассейнѣ фонтана „Нептунъ“ плаваютъ золотыя рыбки, привыкшія къ публикѣ, которая бросаетъ имъ хлѣбныя крошки.

Быть въ Шёнбрунѣ и не осмотрѣть зоологич. сада было бы непроситительно, я очень люблю звѣрей. Что за прелесть львица съ тремя дѣтенышами. Они родились въ Шёнбрунѣ, какъ и многие другіе звѣри. Около нихъ постоянно народъ: львята играютъ между собой, возятся съ большимъ чугуннымъ мячемъ, точно котята. Хороши верблюды, бѣлые павлины. Уходъ за животными образцовый.

Императорскій дворецъ въ Вѣнѣ роскошнѣй Берлинскаго. Гобелены, изображающіе битвы временъ присоединенія Венгрии, спальня Маріи Терези съ причудливыми часами, мозаичное бюро, подарокъ Виктора Эмануила, часы, которымъ 300 лѣтъ, и много другихъ рѣдкостей.

Передъ самымъ отъѣздомъ побывала въ Бельведерѣ, въ картинной галлерей, напоминающей немного нашу Третьяковскую. Картины по преимуществу герге, но есть 5 полотенъ Г. Маккарта, это — его „5 чувствъ“ въ видѣ красивыхъ женщинъ съ эмблемами. Его же плафонъ и модель театральнаго занавѣса, — все очень красиво. Декаденты, которыхъ я не поклонница, остановили, однако, и мое вниманіе: вижу, передъ картиной *Gust Klinger* дѣлая толпа. Подхожу. Что это? Загадочная картина, что ли? Подписано: *Liebesraag*. Но надо долго всматриваться, пока отыщешь физиономіи, руки, платье двухъ влюбленныхъ, похожихъ на грубо размалеванную рекламную тумбу. Всѣ смотреть и молчать.

„Платье короля!“ подумала я: никто не хочетъ признаться, что здѣсь нѣтъ художественнаго произведенія, всѣ боятся прослыть непонимающими тонкостей современнаго декадентства.

А вотъ картина Клингера „*Christ im Olymp*“. Да вѣдь это прямо кощунство! Христосъ изображенъ рыжимъ, а кругомъ — голые люди, люди, одѣтые по-современному и люди въ классическихъ тогахъ; на тронѣ Зевсъ. Невозможная чепуха...

Какой-то еврей ораторствуетъ по-русски съ предательскимъ

акцентомъ передъ другой картиной, захлебываясь отъ восторга*).

— Посмотрите: вѣдь тѣло живое, совсѣмъ живое, — видно, что оно мокрое! и т. д.

На картинѣ „Das todte Kind“ лицо мертваго ребенка, котораго держитъ мать, совсѣмъ зеленое, такое реальное... Декаденты любятъ подобный genre—имъ бы только мертвецовъ да утопленниковъ писать...

Я приближалась къ Россіи, и мнѣ все сильнѣй хотѣлось домой... Въ Будапештѣ остановилась только на сутки. Городъ очень красивъ. Роскошный вокзалъ, величавый Дунай съ великолѣпной набережной. Отвѣсныя скалы противоположнаго берега съ крѣпостью, красивые мосты. По иностранцу трудно въ Будапештѣ,—венгерцы не любятъ нѣмецкаго языка и не охотно отвѣчаютъ на нѣмецкую рѣчь, съ которой къ нимъ обращаются.

Осмотрѣвъ дворецъ, интересный только по своему живописному, на страшной высотѣ, положенію, я уѣхала, взявъ билетъ до Лемберга.

Въ вагонѣ я имѣла возможность ближе познакомиться съ темпераментомъ и привычками венгерцевъ. Они говорливы и шумны, неряшливы и страшно много курятъ, безцеремонно вытрясая золу изъ трубокъ прямо на полъ. Входя въ вагонъ цѣлыми ватагами, они разговариваютъ, перекликаясь изъ одного конца купе въ другой, точно все это люди давно между собой знакомые. Сначала я испугалась: мнѣ представилось, что у нихъ случилось что-то особенное, точно ихъ только что ограбили... На самомъ дѣлѣ, они просто *разговаривали*. Я сдѣлала наблюдение, что за все мое путешествие, т.-е. почти за 2 мѣсяца, я ни разу ни слышала о воровствѣ и встрѣтила только двухъ пьяныхъ. Я не дрожала за свой карманъ и кошелекъ, хотя у венгерцевъ (у нѣкоторыхъ конечно) былъ такой дикій, непривѣтливый видъ. И еще одна мелочь: мнѣ кажется, за границей не бываетъ пассажировъ-зайцевъ!.. Билеты отбираются на платформѣ, при выходѣ.

На одной станціи пришлось ждать часа четыре. Залы I и II кл. совсѣмъ пусты, какая-то мертвая тишина во всемъ вокзалѣ; только въ буфетѣ, за столомъ, нѣсколько офицеровъ играли въ карты.

Поезда маленькіе, почти пустые, иногда проходили не останавливаясь. Темныя силуэты вагоновъ напоминали мнѣ „Моряка-Скитальца“. Въ одномъ изъ такихъ мрачныхъ вагоновъ устроилась и я. Была ночь, пассажировъ мало, на окнѣ болталась дощечка съ надписью „noi szokosz“ (для некурящихъ). Я уснула, надѣясь, что до Лемберга меня не потревожатъ.

Утромъ рано слышу какое-то жужжаніе надъ ухомъ. Открываю глаза и — о, ужасъ! „noi szokosz“ исчезла, въ вагонѣ ку-

*) Интересно, что нигдѣ за границей я не слышала ихъ жаргона.

рили и галдѣли евреи. Нѣкоторые молились подлѣ меня, покрытые полосатыми хламидами и, въ то же время, перекидывались другъ съ другомъ о своихъ гешефтахъ. Я поняла, что мы приближались къ Лембергу, этому еврейскому городу, гдѣ сохранился во всей неприкосновенности типъ „Янкеля“ времени Тараса Бульбы. Но еврей-интеллигентъ здѣсь очень несимпатиченъ. Какой-то гимназистъ надменно, ни съ того, ни съ сего, обозвалъ крестьянку *свиньей* за то, что она осмѣлилась его немного потѣснить, желая получить мѣсто въ вагонѣ. Впрочемъ, находчивая женщина тотчасъ же и вернула ему этотъ лестный эпитетъ...

Я такъ была рада, когда мы переѣхали границу; въ Радзивилловѣ, увидавъ перваго русскаго носильщика въ холщевомъ передникѣ, въ косовороткѣ или „пинжакѣ“, я готова была его обнять...

Сразу пахнуло на меня родной Русью... И пузатый самоваръ въ буфетѣ, и русскій говоръ, и чиновничья кокарда, и бравый жандармъ... Что же это? Значить, никакая Еврона, ни прелести культуры и дешевизны, ничто не вытравить изъ сердца „любви къ отечеству и народной гордости“, о которыхъ учили мы въ школьные годы и надъ которыми, быть-можетъ, смѣются теперь наши интеллигенты-недоучки...

Я сравнивала наши поѣзда съ заграничными и только въ быстротѣ отдавала предпочтене первымъ.

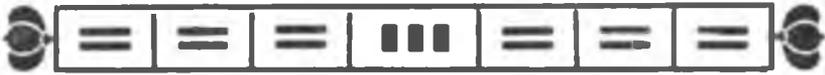
Проѣхали Кіевъ, гдѣ была холера; но я вспомнила о ней лишь тогда, когда въ Курскѣ пересѣла въ вагонъ, чистый, только что вымытый, пахнувшій карболкой...

За границей я видѣла по отношенію къ себѣ радушіе и готовность оказать всякую услугу. Въ театрѣ мои сосѣдки иногда заговаривали со мной, охотно давали указания и даже одна вѣнская дама, узнавъ, что я свободнѣй говорю по-французски, перешла на этотъ языкъ. Съ невозможнымъ произношеніемъ, она старательно составляла французскія фразы, думая сдѣлать мнѣ пріятное, и рассказывала, какъ ея знакомый былъ въ Россіи тоже въ театрѣ и замѣтилъ, что русскіе не любятъ говорить съ иностранцами. Я постаралась ее разуверить (ужъ мы ли не ласковы съ иностранцами у насъ на родинѣ?), и мы разстались по-пріятельски. Моя берлинская хозяйка, симпатичная, живая Frau Münch, не похожая на нашихъ нѣмокъ, расцѣловалась со мною на прощанье и просила ей написать изъ Парижа.

Да, всѣ впечатлѣнія моего путешествія были прекрасны; но все-таки—въ гостяхъ хорошо, а дома лучше!

Л. Коцевольская.

ФИЛОСОФЪ-ХРИСТИДНИНЪ.

(Памяти Вл. С. Соловьева.)

Прошло 10 лѣтъ со дня смерти философа-христианина, Владимира Сергѣевича Соловьева. Это былъ громадный, хотя и нѣсколько парадоксальный умъ. Самобытная гениальная натура философа не вполне была понята современниками, что часто выпадаетъ на долю людей, щедро надѣленныхъ отъ природы. Такие избранники возвышаются надъ толпою и взоры ихъ устремлены вдаль времени. Они прозрѣваютъ недоступное другимъ и возстаютъ противъ себя людей маленькаго горизонта. Оттого-то ихъ вѣщій голосъ часто бываетъ гласомъ вопиющаго въ пустынѣ.

Необходимо извѣстное время, дабы человѣчество en masse подросло настолько, чтобы могло ихъ понимать. Все сказанное какъ нельзя болѣе относится къ В. Соловьеву, истинный смыслъ и глубина произведеній котораго раскрываются съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе. Про него говорили, что онъ родился столѣтjemъ раньше. И дѣйствительно его слово какъ бы предназначалось для грядущихъ поколѣннн. Но нѣкоторые его взгляды, какъ напр. по вопросу о национализмѣ, едва ли и для будущихъ поколѣннн перестанутъ казаться чуждыми и парадоксальными.

Какъ въ жизни, такъ и въ наукѣ крупная, оригинальная фигура Соловьева стояла совершеннымъ особнякомъ.

Родился онъ въ 1853 г. отъ извѣстнаго историка, Сергѣя Михайловича, имѣвшаго сильное и благотворное влияние на своего гениальнаго сына. Въ семьѣ С. М. царила глубокая религиозность,

Вл. С. Соловьевъ.

и 6-тилѣтний Володя уже зачитывался Евангеліемъ, порождая предположеніе, что онъ готовится къ монастырю. С. М. Мартынова говоритъ, что его дѣдъ - священникъ привелъ 7-милѣтняго Володю въ алтарь, поставилъ на колѣни передъ престоломъ и, произнеся пламенную молитву, благословилъ на служеніе Богу. Это было какъ бы предзнаменованіемъ. Соразмѣрно съ возрастомъ развивалась у В. С. и пытливость ума—зачатокъ будущаго критико-философскаго самосознанія. Отецъ предоставилъ ему полную свободу самостоятельнаго изслѣдованія вопросовъ человѣческаго духа. Юношеская неопытность повела его по ямамъ и ухабамъ, заставивъ пережить тяжелую эволюцію развитія и укрѣпленія религиознаго чувства. Въ письмѣ къ кузинѣ („Рус. Мыс.“ 1910 г.) онъ такъ характеризуетъ сгустившія тогда мракъ въ его душѣ: „Наука знаетъ только виѣшнюю дѣйствительность, одни факты и больше ничего; истинный смыслъ факта, разумное объясненіе природы и человѣка—это наука дать отказывается. Нѣкоторые обращаются къ философіи, но она остается въ области логической мысли,—дѣйствительность, жизнь для нея не существуетъ.“

И вотъ приходитъ страшное, отчаянное состояніе—миѣ и теперь вспомнить тяжело—совершенная пустота внутри, тьма, смерть при жизни. Все, что можетъ дать отвлеченный разумъ, извѣдано и оказалось негоднымъ, и самъ разумъ разумно доказалъ свою несостоятельность.

Но этотъ мракъ есть начало свѣта, потому что когда человѣкъ принужденъ сказать: я ничто, онъ этимъ самымъ говорить: Богъ есть все. И тутъ онъ познаетъ Бога—не дѣтское представленіе прежняго времени и не отвлеченное понятіе разсудка, а Бога дѣйствительнаго и живого, который недалеко отъ каждаго изъ насъ, ибо мы имъ живемъ и движемся и существуемъ“.

Итакъ, пора горячаго увлеченія Спинозой и Писаревымъ стала прсходить и С—ву сдѣлалось стыдно за рѣзкіе выпады противъ того, что составляло дотолѣ его святыню.

Сергѣй Михайловичъ зорко слѣдилъ за духовнымъ броженіемъ сына, но не оказывалъ на него давленія, считая это естественною болѣзнію умственнаго роста, которая должна была пройти сама собою.

Такъ и случилось. В. С. скорбѣлъ по утраченной вѣрѣ, и задался цѣлью примирить вѣру съ разумомъ въ себѣ самомъ, обрѣсти въ разумѣ поддержку для вѣры и другимъ открыть къ ней широкій путь. Это потребовало много неутомимой работы и необыкновеннаго самоуглубленія. Онъ изучалъ Канта, Шопенгауэра и Гартмана, долгое время находился подъ вліяніемъ нѣмецкихъ идеалистовъ: Гегеля, Шеллинга и Баадера. И сошелся съ славянофилами. Никакое дѣло онъ не любилъ дѣлать вполнину и каждому настроенію онъ отдавался всецѣло. Еще въ гимназій онъ былъ яримъ матеріалистомъ; а 17 лѣтъ, поступивъ въ московскій университетъ на историко-филологическій факультетъ, сдѣлался уже сознательно и глубоко вѣрующимъ. Онъ слушалъ

также лекціи и на физико-математическомъ факультетѣ и въ духовной академіи. Такимъ образомъ его юношескіе годы были исполнены огромной массой труда.

Жажда отвлеченной абсолютной истины сочеталась въ немъ съ жаждою реального ея осуществленія, вслѣдствіе чего одно время онъ увлекался и спиритизмомъ. В. С. не создалъ своей философской системы. Его философія тѣсно соприкасается съ богословіемъ, но философію онъ признавалъ свободнымъ изслѣдованіемъ познанія, бытія и дѣятельности. Вѣра его обоснована опредѣленнымъ философскимъ міросозерцаніемъ, роднящимъ нашего философа съ неоплатониками. Обладая подкупающею внѣшностью, пышною шевелюрою и пламеннымъ краснорѣчіемъ, В. С. производилъ на окружающихъ неотразимое обаяніе и самъ поддавался увлеченіямъ, которыя сохраняли однако рыцарски-возвышенный характеръ. Однако, всѣ они были непродолжительны. Прѣхавъ погостить въ Новороссію къ своей теткѣ кн. Дадешкелиани, В. С. увлекся простой крестьянской дѣвушкой и собирался на ней жениться. Но вскорѣ онъ уѣхалъ въ Москву. Переписки съ дѣвушкой быть не могло, и образъ ея мало-по-малу померкъ. Затѣмъ онъ плѣнялся поочередно двумя родственницами съ материнской стороны г-жами П. и Р. Но браку съ первой изъ нихъ помѣшалъ встревоженный семейный совѣтъ, а ко второй онъ охладѣлъ самъ.

Въ перепискѣ съ Р. онъ такъ высказываетъ свой взглядъ на бракъ:

„Для большинства людей семейное счастье составляетъ главный интересъ ихъ жизни. Но я имѣю совершенно другую задачу, которая съ каждымъ днемъ становится для меня все яснѣе, опредѣленнѣе и строже. Ея постоянному исполненію посвящу я свою жизнь. Поэтому личныя и семейныя отношенія всегда будутъ занимать второстепенное мѣсто въ моемъ существованіи. Я долженъ прибавить, что разумѣю единственно то единеніе, которое освящено закономъ и церковью“.

Такъ въ бракъ В. С. и не пришлось вступить во всю свою жизнь, которую онъ и провелъ какъ настоящий монахъ въ міру.

„Быть счастливымъ, вообще, какъ-то совѣстно, — писалъ онъ, — а въ нашъ печальный вѣкъ и подавно“.

Не свивъ себѣ гнѣзда, онъ повелъ кочующій образъ жизни, гостя поочередно у многочисленныхъ своихъ товарищей и знакомыхъ. Его приглашали наперерывъ и всѣ любили, даже тѣ, которые расходились съ нимъ во взглядахъ и печатно вели ожесточенный полемическій бой. В. С. былъ разносторонне образованный человѣкъ, блестящій ораторъ, интересный разсказчикъ, всегда собиравшій вокругъ себя толпу. Обаяніе его личности было неотразимо на людей всѣхъ классовъ, приходившихъ въ соприкосновеніе съ нимъ.

Благодаря своимъ необыкновеннымъ способностямъ, В. С. рано окончилъ гимназію и университетъ и 21 года уже защитилъ въ

Петербургъ свою магистерскую диссертацию „Кризисъ западной философи“, нанеся ударъ тому безпочвенному, мнимо-научному и даже мнимо-матеріалистическому учению, которое называлось позитивизмомъ. Это было очень смѣло для столь молодого человѣка, такъ какъ въ 70-хъ годахъ позитивизму шло повальное поклонене. На смѣну позитивизму Соловьевъ выдвинулъ мистически-философское течене, которое онъ отстаивалъ съ пламенной энергіей: это было крупнымъ событіемъ въ научной и общественной жизни и должно быть отнесено къ числу знаменательнѣйшихъ моментовъ въ исторіи русскаго самосознанія.

Не даромъ же извѣстный историкъ-академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ въ одномъ письмѣ отозвался послѣ этого о Соловьевѣ такъ: „Если его будущая дѣятельность оправдываетъ надежды, возбужденныя этимъ днемъ, Россію можно поздравить съ геніальнымъ человѣкомъ“.

Взглядъ, проведенный въ диссертаци, легъ въ основу всего міросозерцанія Соловьева. Онъ говорить: „Въ области метафизики, въ качествѣ абсолютнаго Первоначала, вмѣсто прежнихъ абстрактныхъ сущностей, долженъ быть признанъ конкретный Всевидный Духъ. Въ области этики должно быть признано, что послѣдняя цѣль и высшее благо достигается только совокупностью существъ посредствомъ логически-необходимаго и абсолютно-цѣлостнаго хода мирового развитія, конецъ котораго есть уничтоженіе вещественнаго міра, какъ вещественнаго, и восстановленіе его, какъ царства духовъ во всеобщности Духа Абсолютнаго“.

Здѣсь у С. философія подала руку религіи.

Вскорѣ послѣ защиты диссертаци Соловьевъ занялъ каеэдру философи въ московскомъ университетѣ, но оставался недолго: въ одной распрѣ, произошедшей въ профессорской корпорации, онъ принялъ открыто сторону М. П. Каткова, котораго считалъ правымъ, и послѣ этого долженъ былъ уйти изъ университета. Онъ переселился въ С.-Петербургъ, гдѣ защитилъ диссертацию „Критика отвлеченныхъ началъ“, и тутъ снова получилъ каеэдру, которую занималъ около 2-хъ лѣтъ; кромѣ того онъ читалъ свой предметъ и на высшихъ женскихъ курсахъ, а въ Солянѣмъ городѣ произнесъ рядъ публичныхъ лекцій о „Богочеловѣчествѣ“.

Свободная рѣчь его лилась неудержимымъ потокомъ и нерѣдко выходила изъ береговъ, за что молодой ученый терпѣлъ разныя цензурныя непріятности.

Подъ влияніемъ личныхъ и общественныхъ невзгодъ В. С. иногда увлекался политикой и уклонялся влѣво. Но это ни мало не колебало того, что составляло смыслъ его жизни. Его упрекали въ мистицизмъ, который самъ онъ опредѣлялъ такъ: „мистикой называется особый родъ религіозно-философской познавательной дѣятельности. Сверхъ обычныхъ способовъ познания истины, опыта, чистаго мышления, преданія и авторитета, всегда допускатась большинствомъ религіозныхъ и метафизиче-

скихъ умовъ возможность непосредственнаго общенія между познающимъ субъектомъ и абсолютнымъ предметомъ познанія, сущностью всего или божествомъ. Если такое общеніе признается единственнымъ или самымъ вѣрнымъ и достойнымъ способомъ познанія и осуществленія истины, а всѣ другіе способы болѣе или менѣе пренебрегаются, какъ низшіе и неудовлетворительные, то возникаетъ извѣстное исключительное направленіе мысли, называемое мистицизмъ“.

Соловьевъ и былъ такимъ мистикомъ, — мистикомъ-христианомъ, который живо чувствовалъ Бога и имѣлъ вполне ясное представленіе о загробномъ мірѣ. Онъ говорилъ, что истинное христіанство не должно быть только личнымъ или храмовымъ, но — вселенскимъ, т.-е. распространяться на все человѣчество и на всѣ людскія дѣла. Онъ руководился идеей водворенія правды Божіей на землѣ, единенія всѣхъ въ духѣ любви.

Слово Соловьева цѣнно тѣмъ, что оно шло объ руку съ дѣломъ. В. С. велъ аскетическій образъ жизни, ни мало не заботясь не только уже о комфортахъ, но даже о самомъ необходимомъ, самъ таскалъ себѣ дрова и ставилъ самоваръ. Иногда онъ при подобной обстановкѣ щеголялъ во фракѣ, потому что все остальное имъ было роздано. Онъ не могъ отказать просителю и нерѣдко отдавалъ послѣднее, не оставивъ себѣ ни копейки, и потомъ серьезно увѣрялъ друзей, что обѣдать черезъ день ему вполне достаточно. Благодаря плохому питанію и чрезмѣрному труду Соловьевъ сильно разстроилъ здоровье, сдѣлавшись нервнымъ, раздражительнымъ и вообще крайне неуравновѣшеннымъ. Онъ не жилъ, а горѣлъ, и потому не достигъ даже и 50-лѣтняго возраста.

Будучи необыкновенно впечатлительнымъ, онъ сильно огорчался разъединеніемъ христіанскихъ Церквей и страстно жаждалъ ихъ воссоединенія, чтобы всѣ христіане составляли одно стадо, съ единымъ Пастыремъ во главѣ.

С. говорилъ, что исторіенъ вырыта пропасть между религіей шашей и католической. — „Но какъ ни глубока эта пропасть, все-таки она вырыта не Божьими, а человѣческими руками“. И онъ прилагалъ всѣ усилія къ соединенію Церквей, входилъ въ живыя сношенія съ ея представителями, посвятивъ рядъ работъ этому вопросу, гдѣ сначала отдавалъ предпочтеніе западной Церкви. Но съѣздивъ за границу и ознакомившись на мѣстѣ съ недостатками западнаго духовенства, онъ совершенно перемѣнилъ на него взглядъ, хотя и не отказался отъ своей завѣтной идеи вселенскаго единенія.

Съ религіознымъ объединеніемъ народовъ С. тѣсно связывалъ и объединеніе политическое, утверждалъ, что жизнь каждаго народа испытываетъ мистическое воздѣйствіе потусторонняго міра. Экономисты упрекали его въ недостаточномъ знаніи политической экономіи. Но его и не привлекала наука о накопленіи богатствъ,

такъ какъ онъ признавалъ единственно-нравственнымъ отказъ отъ богатства, что и примѣнялъ въ своей жизни.

Онъ велъ жизнь свѣтскаго инока.

Міръ уловлялъ его, но не уловилъ, потому что С. былъ не отъ міра сего. Это была великая, но трагическая фигура благодаря своей неуравновѣшенности. Его карьера блестящаго трибуна оборвалась самымъ неожиданнымъ образомъ. Вскорѣ послѣ ужаснаго 1 марта 1881 г. онъ произнесъ въ залѣ кредитнаго общества сильную рѣчь противъ смертной казни, закончивъ ее однимъ изъ своихъ парадоксовъ. За это онъ былъ отстраненъ отъ университета. Съ тѣхъ поръ началось его тяготѣніе къ литературѣ. Гостя въ имѣнии то у А. А. Фета-Шеншина, то у кн. Трубецкого, В. С. писалъ въ „Рус. Вѣстн.“, Аксаковской „Руси“, „Правосл. Обзор.“, „Изв. Слав. О-ва“, „Вѣстн. Евр.“, „Сѣв. Вѣстн.“, „Кн. недѣли“, „Русь“ (Гайдебурова) и др. Кромѣ серьезныхъ статей, С. писалъ не мало и стиховъ, собранныхъ въ отдѣльный сборникъ и выдержавшихъ нѣсколько изданій.

Соловьевъ дружилъ со всѣми выдающимися современниками: Катковымъ, Аксаковымъ, Кирѣевскимъ, Леонтьевымъ, бр. Лопатиными, бр. Писемскими, проф. П. Д. Юркевичемъ, проф. В. Д. Кудрявцевымъ, бр. Трубецкими, Стасюлевичемъ, Пыпинымъ, Менделѣевымъ и еще множествомъ другихъ, которыхъ и не перечить,— всѣ они высоко цѣнили Соловьева и любили его.

Капитальныя сочиненія В. С. собраны въ 8 объемистыхъ томахъ. Въ краткомъ очеркѣ перечислить всѣ его труды не представляется возможности. Мы лишь коснулись слегка того, о чемъ онъ говорилъ, давъ штриховой абрисъ духовно-нравственной физиономіи нашего философа-христіанина.

Послѣднее время своей жизни В. С. работалъ съ особенной горячей поспѣшностью, такъ какъ, по его словамъ (въ предисловіи къ „Тремъ разговорамъ“), „ощутителенъ и не такъ уже далекъ образъ блѣдной смерти, тихо совѣтующей не откладывать дѣла“.

И предчувствіе его скоро сбылось. Приѣхавъ въ подмосковное имѣніе къ кн. Трубецкому, В. С. сильно заболѣлъ. На смертномъ одрѣ, какъ бы подводя итогъ всему сдѣланному, онъ восклицалъ:

— Трудна работа Господня!

Роковая развязка наступила 31 іюля 1900 года, и великаго человѣка не стало.

Н.

МЕЖДУ ПРОЧИМЪ.

(По поводу фельетона г. Вяткина въ „Сибирской Жизни“.)

Каюсь въ своей винѣ: я общалъ и до сихъ поръ не собрался обстоятельно поговорить о дѣтской литературѣ. Я икну въ виду мой журналъ. Ранѣе, я много писалъ о книгахъ для дѣтей и дѣтской литературѣ посвятилъ два тома критико-библиографическихъ очерковъ („Литература маленькаго народа“, 2 выпуска), которые были встрѣчены большимъ сочувствіемъ въ педагогическомъ мірѣ, и особенно со стороны самихъ „пахарей на нивѣ народнаго просвѣщенія“. Но въ „Дневн. Писателя“ я далъ только одну статью общаго характера, бѣгло касаясь вопроса. Положительно нѣтъ времени и даже мѣста, ибо жизнь выдвигаетъ столько вопросовъ, что не знаешь къкъ и отвѣтить на всѣ. Да и литературный матеріалъ въ журналѣ отнимаетъ столько мѣста, что его часто не остается и для общей библиографии.—Несомнѣнно, о дѣтской литературѣ слѣдуетъ поговорить, ибо вопросъ это важный, да и становится жгучимъ въ последнее время. Въ дѣтской литературѣ начинаютъ замѣчаться нежелательное направленіе, грозящее вредными послѣдствіями. Если не сейчасъ, то при первой возможности я поговорю обстоятельно о литературѣ для „маленькаго народа“. Сейчасъ же я хочу только сказать два-три слова по поводу замѣтки г. Вяткина въ „Сибирской Жизни“. Я думалъ въ фельетонѣ провинціальнаго критика найти хоть что-нибудь дѣльное, цѣнное—и нашелъ только одну товарищескую развязность, которая позволяетъ людямъ говорить о томъ, чего они совсѣмъ не понимаютъ, съ чѣмъ вовсе незнакомы. Лишній разъ пришлось убѣдиться, что „фармацевты“—въ критикѣ продолжаютъ терзать. Вспоминаю фактъ. Къ редактору одной газеты явился молодой человѣкъ съ просьбой дать работу... Редакторъ предло-

жилъ что-то, молодой человѣкъ оказался неспособнѣмъ. Всѣ дальнѣйше опыты были также неудачны. Редакторъ растерялся: жаль человѣка, а между тѣмъ ничего не можетъ дѣлать. „Ба!“ — нашелся редакторъ: — пусть онъ пишетъ разборы дѣтскихъ книгъ и журналовъ“. И — пошло дѣло. Молодой человѣкъ — бранился, разносилъ и.. считался строгимъ критикомъ. Увы, такихъ „критиковъ“ не мало. Изъ числа ихъ и г. Вяткинъ, берущійся говорить о томъ, чего онъ не знаетъ. Довольно слѣд. его фразы: „Дѣтской литературы у насъ почти нѣтъ, а есть литературные ремесленники, которые дѣлаютъ для дѣтей романы, повѣсти, рассказы, статьи, стихи...“ Кто, кромѣ круглаго невѣжды, рѣшится сказать то, что развязно выпалилъ г. Вяткинъ! Такъ онъ говоритъ о литературѣ, которая считаетъ въ своихъ рядахъ между прочимъ слѣд. талантливыхъ писателей: В. Самойловичъ, А. Анисимскую, Евгению Туръ, С. Крапивину, А. Догановичъ, С. Сысоеву, П. Засодимскаго, Д. Мамина-Сибиряка, В. Немировича-Данченко, К. Лукашевичъ, П. Авенаріуса, М. Богданова (проф.), проф. Кайгородова, К. Станюковича, А. Коринфскаго, В. и А. Острогорскихъ, Н. Вагнера, Коваленскую, Водозову, Симонову, Разина, Желиховскую, Макарову, Вучетичъ.... да всѣхъ и не перечислить, не вспомнить сразу. Довольно и названныхъ, имѣющихъ неоспоримое право называться талантливыми друзьями юнаго читателя. Но для г. Вяткина — всѣ эти имена неизвѣстны или... ничего ему не говорить. Онъ что-то лепечетъ о „социально-политическомъ отношеніи“, позабывъ, очевидно, то, о чемъ собрался говорить, — да „гпмназически“ либеральничаетъ и.. машетъ руками со стономъ: „миѣ жаль дѣтей“!

Да, *жаль дѣтей*, но не потому, почему думаетъ г. Вяткинъ. Свои развязно-хлыщеватыя замѣтки г. Вяткинъ кончаетъ такъ: „Мы бродимъ по землѣ — скучные, сѣрые, злые и раздражительные... Что же послѣ этого мы можемъ дать дѣтямъ!“.

Вы, г. Вяткинъ, и *подобные вамъ* ничего не можете дать ни дѣтямъ, ни взрослымъ. Вы не только раздражительны, но и самонящи при своемъ невѣжествѣ, при своей бездарности. А нѣтъ ничего хуже раздраженнаго, бездарнаго самонящаго критика. По среди писателей для дѣтей — есть люди таланта и горячен любви; они дали и даюгъ для своихъ читателей то, что имъ надо.

А. Кругловъ.

КНИЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Н. Гаринъ. *Разказы и пьсы. Томъ 9-й. Изд. „Знаня“.*

Имя покойнаго Гарина—И. К. Михайловскаго (избѣгая писать подъ своей фамиліей, чтобы не смѣшались съ Н. К. Михайловскимъ, извѣстнымъ публицистомъ, авторъ избралъ неудачно псевдонимъ, ибо подъ псевдонимомъ Гарина уже ранѣе печатался извѣстный артистъ Виддингъ) достаточно извѣстно въ литературѣ. Его „Дѣтство Тѣмы“, „Гимназисты“, „Студенты“ и разныя разказы читались всею публикою „толстыхъ“ журналовъ и были сочувственно приняты критикой. Покойному беллетристу нельзя отказать въ даровани, выходящемъ даже за средній уровень, и несомнѣнно болѣе яркомъ и сильномъ, чѣмъ многіе „талантики“, возведенныя чуть ли не въ таланты перваго ранга. Возьмите, напримѣръ, слащавенькаго, вѣчно *подслуживающагося* Баранцевича—и поставьте рядомъ Гарина съ его широкимъ захватомъ и часто смѣлою кистью—и вы сразу поймете, насколько Гаринъ выше Баранцевича, сумѣвшаго,—благодаря своей способности подслуживаться къ „вѣяніямъ“ времени и стоять на запяткахъ у передовыхъ журнальныхъ хозяевъ,—подняться на неподобающую ему высоту.

Навѣрное намъ придется въ будущемъ году подробно говорить о Гаринѣ, и потому пока мы ограничимся краткимъ замѣчаніемъ, что десятый томъ, въ который вошли посмертныя произведенія автора, ничего не прибавляетъ къ его извѣстности, а скорѣе „совсѣмъ наоборотъ“, какъ выражался Лейкинъ. Всѣ пьсы этого тома—слабы, и нѣкоторыя, очевидно, не совсѣмъ отдѣланы. Но на всѣхъ—печать жизненности, того знанія дѣйствительности, какого такъ недостаетъ многимъ современнымъ „беллетристамъ-выдумщикамъ“ и „клеветникамъ на жизненную правду“.

Л. Гончаревскій.

Павель Россіевъ.—*„Общѣ знакомы“.*—*Очерки и разказы. Москва.*

Имя Россіева часто встрѣчается въ нашей журналистикѣ, гдѣ онъ фигурируетъ въ качествѣ новеллиста, этнографа и журналиста. Перу этого автора принадлежитъ нѣсколько сборниковъ

разказовъ, но мы въ настоящей замѣткѣ коснемся лишь одного, подъ названіемъ „Общіе знакомые“. Это не новая, но хорошая книга и на нее слѣдуетъ указать. Название характерно для всѣхъ помѣщенныхъ въ книжкѣ очерковъ и разказовъ, гдѣ обрисованы авторомъ именно „знакомые“ намъ люди со всѣми присущими имъ достоинствами и недостатками. Это—не герои въ общепринятомъ смыслѣ, не типы, а простые живые люди въ ихъ будничной повседневной обстановкѣ. И тѣмъ не менѣе, авторъ сумѣлъ поставить выведенныхъ лицъ въ такую обстановку, что всѣ они сдѣлались намъ интересными. Россеевъ много видѣлъ на своемъ вѣку и присушая ему наблюдательность помогла разобраться въ накопившемся сыромъ матеріалѣ, изъ котораго онъ выбралъ лишь то, что заслуживало вниманія. Россеевъ не гонится за новизной и эффектами. Всѣ его разказы просты, даже обыденны, но полны жизненной правды. Какою, напр., непосредственностью дышитъ фигура стараго жуира Берендѣева (въ очеркѣ „Блажь“) — этого полнаго банкрота матеріальнаго и физическаго. Здѣсь хорошо также передано то отвращеніе, которое испыталъ авторъ при видѣ пробужденія страсти въ этомъ изношенномъ старческомъ тѣлѣ. Столь же легкими и колоритными штрихами очерчиваетъ авторъ двѣ противоположныя натуры (въ разказѣ „Перекасти поле“) — скопидома латиниста Родина и легкомысленнаго непосѣду Полѣтьева. Портреты важнаго барина и управляющаго (въ разказѣ „Баринъ“) и пѣвчаго—Бычка (въ раз. „Бычокъ“) кажутся взятыми изъ жизни... Письму Россеева присуща мѣстами извѣстная теплота, но безъ всякой сантиментальности. Драматизмъ создается положеніями, а не взвнчиваніемъ нервовъ читателя. Книжка написана въ здоровомъ и бодрящемъ духѣ, а потому не вызываетъ послѣ себя той оскомины, отъ которой остается во рту надолго неуріятное ощущение.

Д.

Д. Д. Кашкаровъ. *Разказы о дѣйствіяхъ охотниковъ въ минувшія войны. Изд. В. Березовскаго.*

Очень интересная, очень полезная книжка. Передъ читателемъ проходятъ живо очерченныя фигуры доблестныхъ „охотниковъ“ минувшихъ войнъ. Это — настояще героическіе патриоты, которыми можетъ гордиться Россія. Тутъ и матросъ Кошка, и герои послѣдней турецкой войны, и славный бѣлый генераль со своими подвижниками и смѣльчаки несчастной японской войны. Вотъ люди — долга, любви, сильные духомъ, крѣпкіе вѣрой...

Книжка написана хорошо, иллюстраціи недурны. Цѣна книжки небольшая — 35 к. Пригодна для всѣхъ военныхъ библиотекъ и вообще желательно широкое распространеніе этой книжки среди читающей публики всѣхъ сословіи.

К.

ИСКРЫ.

■ ■ ■

ДНИ НАШЕЙ ЖИЗНИ.

олучивъ утромъ газету, я сталъ пробѣгать городскую хроникъ.

Мой взоръ вдругъ упалъ на слѣдующія строки: «На основани... и проч. газета «Вѣрные Слухи»—прекращена навсегда, и редакторъ Гадалинь привлекается» и т. д.

Донгались!

Я крикнулъ брату, пившему кофе :

— «Вѣрные Слухи» закрыты!

— Ты удивляешься? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ... но неожиданно.

— Я давно ждалъ... Во-первыхъ, въ «Вѣрныхъ Слухахъ» была одна ложь... или двѣ трети лжи и самой пошлой... А во-вторыхъ... они очень своеобразно понимали «свободу слова»...

— И редакторъ привлечень...

— То-есть официальный... Кто этотъ Гадалинь? Пишущий?

— Кажется, что-то по хроникѣ... прежде онъ служилъ въ какой-то конторѣ, собиралъ объявления...

Брати засмѣялся и сказать:

— Всѣ условия, чтобы быть редактором... въ настоящее время.

— Да, но вѣдь придется ему, пожалуй, и «засѣсть».

— Возможно, но вѣдь знаешь: «любишь кататься, люби и саночки возить». Навѣрное, ему платили хорошо.

— Едва ли!

— Вс всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ онъ получалъ въ конторѣ...

— Пожалуй... Но вотъ что: вѣдь, дѣло-то все велъ Ванечка Крамолинъ.

— Да, да... Онъ храбрый!...

— Хорошо храбриться... за чужой спиной!

— Нынѣ это... въ порядкѣ вещей... хотя и прежде были редакторы для высидки...

Мы посмѣялись.

Вечеромъ этого дня я былъ въ театрѣ.

Въ антрактѣ встрѣчаюсь съ однимъ литераторомъ.

— Слышали?

— Вы это про что?

— «Вѣрные Слухи» закрыты!

— Да, читалъ... Крамолинъ очень ужъ... хватилъ... через край!

— Конечно!.. Мальчишество, если хотите. Но жаль бѣдняка Гадалина.

— Да, его привлекають...

— Но, по какой статьѣ!.. Ему грозитъ крѣпость! У бѣдняги семья... жена въ «интересномъ положеніи»...

— Вѣдь долженъ былъ знать!

— Что вы говорите... Онъ развѣ понимаетъ что-нибудь? И опять же: нужда... Ему платили 100 рублей... Для него 100 рублей — блаженство!.. Вся семья отдохнула... Только недолго... Нѣтъ, знаете, это не хорошо...

— Да, за чужой спиной!

— Именно!..

— Но вѣдь и самъ Крамолинъ... поплатился.

— Чѣмъ? Позвольте узнать?

— Работой... Онъ за фактическое редакторство получалъ рублей 200.

— Даже всѣ 300!

— Вотъ видите... Тоже... жертва!

Литераторъ засмѣлся.

— Вы наивничаете! Да вѣдь не завтра — послѣ завтра новая газета будетъ выходить, и опять Иванъ Ивановичъ будетъ фактическимъ... а какой-нибудь новый Гадалинь — ответственнымъ.

— Вы думаете?

— Не думаю... а знаю... слышалъ... Крамолинъ здѣсь въ театрѣ... вы знакомы?

— Немножко... мы встрѣчались у издателя...

— Да, вѣдь вашу книгу и книгу Ванечки издалъ Поньковъ... Ну, и отлично... Спросите... да вотъ и онъ!...

Съ лицомъ спокойнымъ и нѣсколько флегматичнымъ выражениемъ сѣрыхъ глазъ—къ намъ подошелъ Крамолинъ. Онъ былъ въ модномъ смокингѣ и въ красномъ галстукѣ...

Мы поздоровались.

Я нарочно тономъ сожалѣнія замѣтилъ:

— Закрыли!

— Д-да! — дѣлая гримасу, отвѣтилъ Крамолинъ: — на нѣсколько дней мнѣ дали каникулы!

— На нѣсколько дней?

— Да, вы думаете... мы совсѣмъ прикончены. Гм! Мы не такъ глупы!

— Будетъ новая газета?

— Уже три готовы!.. Закрыли «Слухи», — на чеку: «Вѣстникъ Дня».

— Вы... редакторъ?

— Да, я буду вести газету.

— А редакторъ?..

— Официальный?.. Позвольте: кажется, Фалинь... или... Мухинъ? Чортъ знаетъ, все сбиваюсь: у «Вѣстника» ли Фалинь, у «Крика»—Мухинъ, или наоборотъ... Да это все равно...

— Кому ли сидѣть ранѣе, — не безъ иронии добавилъ знакомый литераторъ.

Крамолинъ посмотрѣлъ на него апатично, слегка улыбнулся и кинулъ:

— Конечно... Вѣдь... по найму!

— А вы запаслись двумя... Значитъ, думаете, скоро и «Вѣстникъ» захлопнуть?

— Всего можно ждать... Мы вѣдь не будемъ... смириѣ!

— Ужъ, что говорить — бойцы! Кстати: Гадалину-то будутъ платятъ, пока... сидитъ?

— Не знаю. Это не мое дѣло... Вѣдь не сразу... садиться...
Однако, пора: кажется, начали...

Мы вышли изъ буфета и направились въ нартеръ.

Спустя нѣсколько дней, прѣхавъ на журфиксъ къ одной дамѣ, у которой собиралось не мало народа, я попалъ на разговоръ о новой газетѣ.

Пожимая мнѣ руку, хозяйка спросила:

— Видѣли? Читали?

— Что: новое произведение Андреева? Такъ вѣдь вы знаете, что я его не читаю... равно какъ и Бальмонта—вашего кумира...

— Не дерзничать... не трогать милаго Бальмонта!...

Хозяйка погрозила пальцемъ и добавила:

— Я спрашиваю васъ о новой газетѣ: «Вѣстникъ Дня»... Сегодня вышель № 1.

— Видѣлъ у разносчиковъ, но не читать... Редакторъ... Мухинъ...

— Какой Мухинъ?—удивилась хозяйка.—Редакторомъ Иванъ Ивановичъ Крамолинъ...

— Подписывается Мухинъ...

— Какое намъ дѣло, кто подписывается... Всѣмъ извѣстно, что настоящій редакторъ Крамолинъ... Ахъ, какъ онъ чудно ведетъ газету... Самая яркая, прогрессивная... свободная! Вы прочтите передовую! «До»—за это... я не знаю, что бы и было... Читаешь, и нервы бьютъ... Какая смѣлость! Это прямо... гражданское мужество!

— О, да, да!—раздалось нѣсколько голосовъ:—Крамолинъ—герой. И умѣть... составить №... нюхъ есть! Талантъ!

— Онъ и стихи недурно пишетъ!—замѣтилъ кто-то.

— О, да!... Гражданские... талантъ—и... борець!

— Вы что же молчите? —обратилась ко мнѣ хозяйка: не согласны?

— Съ чѣмъ?

— Что Иванъ Ивановичъ талантъ?

— Талантъ не талантъ... а перо бойкое...

— И гражданское мужество!

— Съ этимъ согласиться не могу.

— Почему?

— Да потому, что... какое же это мужество... дерзить за чужой спиной? Вѣдь онъ дерзилъ въ «Слухахъ» — а отвѣчать придется... какому-то Гадалипу. Онъ дерзить въ «Вѣстникъ»... а

отвѣчать придется... Мухину... Потомъ онъ будетъ дерзить въ «Крикѣ», а отвѣчать будетъ Фалинъ... Что же это?

— Ахъ, Боже мой! Да вѣдь тѣ... получаютъ!

— И онъ получаетъ... и гораздо болѣе!

— Онъ ведетъ дѣло...

— Пускай!

— И сами говорите: бойкое перо!

— Вѣрно... Ну, вотъ и говорите: даровитый редакторъ (хотя дерзить еще не значить говорить дѣльно),—бойкое перо—хотя это перо для эффекта вретъ ужасно... Но не называйте «мужественный борецъ». Эта кличка не къ лицу тому, кто дерзить — за чужой спиной.

Поднялся гвалтъ... Всѣ защищали Крамолина, а о «Гадалиныхъ» не хотѣли и говорить...

Я не сталъ спорить... Если имъ Вани Крамолина кажутся героями и мужественными борцами-гражданами — пусть! Аксаковы—ретрограды, а Крамолины—передовые бойцы... По крайней мѣрѣ ясно, съ кѣмъ имѣешь дѣло.

«Вѣстникъ Дня» существовалъ мѣсяцъ. И этому многие дивились. Крамолинъ все бралъ выше и сильнѣе... И... опять финаль: газету закрыли... Мухина—къ отвѣту.

Но былъ Фалинъ и его газета «Крикъ». И она скоро явилась на арену дѣятельности.

Первый номеръ разошелся въ огромномъ количествѣ.

«Крикъ!»—чего стоитъ одно название.. для «сознательныхъ» ребятъ обоого пола.

— Газетчикъ, «Крикъ»!

— Извольте: лучшая газета! Не черносотенная какая-нибудь, не умѣренная... свободная!

Но «свободной» газетѣ не повезло. Ее прихлопнули черезъ недѣлю. Ванечка «зарвался». Фалина привлекли... но онъ бѣжалъ!

— Неужели еще газету откроютъ?

— Я думаю... Я слышалъ....

Однако, дѣлые 3 мѣсяца не появлялось новой газеты... Вели разговоры съ «идейнымъ» адвокатомъ, но «адвокатъ» требовалъ «нѣкоторой власти».

Онъ говорилъ:

— Я Ивана Ивановича уважаю, но... онъ черезчуръ смѣлъ... У меня семья... Я не хочу въ крѣпость.

Ему предложили на 100 рублей больше.

— Благодарю... Но...

«Но»—помѣшало сдѣлкѣ.

Думали сойтись съ однимъ изъ «сознательныхъ рабочихъ», который былъ и наборщикомъ, и посыльнымъ... Но сей гражданинъ забралъ рублей 100... а потомъ и скрылся...

Но вотъ стали говорить, что нашли редактора. Это какой-то отставной землемѣръ... За 200 рублей онъ «рискнулъ».

Я какъ-то заѣхалъ пообѣдать въ извѣстный ресторанъ. Когда я поднимаюсь—навстрѣчу спускался по лѣстницѣ Иванъ Ивановичъ Крамолинъ съ какимъ-то господиномъ... Тотъ былъ совсемъ пьянъ. И Ваня его поддерживалъ.

Мы поздоровались...

— Ну, что?...

— Завтра выходимъ! «Мирская Брехня»...

— Съ кѣмъ это вы?—шопотомъ спросилъ я.

— Это... нашъ новый редакторъ... отвѣтственный...

— Послушайте...

Въ этотъ мигъ отвѣтственный редакторъ... не устоялъ и брякнулся на площадкѣ...

— Чортъ!—воскликнулъ онъ.—Бюрократя!... Разнесемъ!

Крамолинъ сказалъ что-то подбѣжавшимъ швейцарамъ, и сталъ помогать встать г. редактору.

И уже поднялся кверху, а тамъ—все еще поднимали... Редакторъ шумѣлъ...

На другой день газета вышла...

Опять «смѣлая статья». Мужественный Крамолинъ грозилъ, казнилъ... обличалъ... пока не захопнули...

Это пришлось кстати. Въ тотъ же самый день отвѣтственного редактора свезли въ больницу: онъ заболѣлъ бѣлой горячкой.

Это было... мѣсяца 2 тому назадъ...

Говорятъ, что будетъ новая газета... А, можетъ быть, и не будетъ... Крамолинъ «усталъ» и нашелъ мѣсто управляющаго заводомъ. Семь тысячъ жалованья... Онъ вспомнилъ свою «технологю» и... хочетъ измѣнить журналистикѣ...

Впрочемъ, можетъ быть—еще мѣсто управляющаго улыбнется... и тогда...

А Мухиныхъ, Фалиныхъ... много. И за ихъ спинами Вани Крамолины могутъ «дерзить» сколько имъ угодно...

Скуч. Вологжанинъ.

I.

Женщина-алхимикъ.

Нѣкогда цѣлью всѣхъ алхимиковъ было отыскиваніе философскаго камня, который превращаетъ въ золото неблагородные металлы и даетъ своему владѣльцу богатство, здоровье и безконечную долгую жизнь.

Цѣля столѣтія варили и перегоняли алхимики въ своихъ таинственныхъ лабораторіяхъ всевозможныя вещества, чтобы достигнуть столь завидной цѣли и добыть этотъ драгоцѣннѣйшій изъ всѣхъ камней, пока наконецъ въ одинъ прекрасный день наука не доказала имъ всю тщетность подобныхъ попытокъ и не направила мысли и стремленія людей на болѣе цѣлесообразные пути.

Съ этихъ поръ стремленія химиковъ направлялись уже не къ добыванію камня съ невозможными свойствами, не къ погонѣ за неразрѣшимыми загадками, а къ производству новыхъ, полезныхъ для техники или здоровья тѣлъ и веществъ.

Стали изучать природу, вырывать у нея все большее количество ея тайнъ и такимъ образомъ дошли до попытокъ поддѣлывать ея произведенія, которыя она создала миллионы лѣтъ тому назадъ, когда земная кора еще состояла изъ расплавленной огненной жидкости, — произведенія, составляющія самое рѣдкое, прекрасное и драгоцѣнное, что даетъ намъ царство минераловъ, а именно, драгоцѣнные камни!

Уже и раньше пытались воспроизвести драгоцѣнные камни: это не были грубыя поддѣлки изъ ничего не стоящаго матеріала, — пытались добыть тѣ же продукты, которые природа сама даетъ намъ, и къ тому же продукты, которые ничѣмъ не отличались бы отъ своихъ естественныхъ образцовъ ни со стороны своего химическаго состава, ни по внѣшнему виду или физическимъ свойствамъ.

Эту цѣль можно безъ особой натяжки назвать цѣлью извѣстнаго рода современной алхимии, потому что, если здѣсь и не идетъ дѣло о добываніи философскаго камня, оно все же касается другихъ камней, которые также могутъ доставить своимъ владѣльцамъ богатство и неоцѣненныя сокровища. Но и это стремленіе въ теченіе долгаго времени оставалось со-

вершено безрезультатнымъ, пока наконецъ лѣтъ десять тому назадъ французскому ученому Генриху Муассакъ не удалось впервые добыть самый драгоцѣнный изъ всѣхъ драгоцѣнныхъ камней — бриллантъ, искусственнымъ путемъ. Этимъ успѣхомъ какъ бы разрушилось зачатіе, и за бриллантомъ послѣдовали другіе драгоцѣнные камни. Подобная побѣда одержана человѣкомъ лишь весьма недавно послѣ того, какъ довольно продолжительное время приходилось добывать лишь самые незначительные осколки, расходы на производство которыхъ значительно превосходили ихъ настоящую стоимость. Только теперь дошли до того, что добываютъ рубины и сапфиры довольно значительной величины съ сравнительно весьма небольшимъ трудомъ и крайне скоро.

Не особенно давно въ Берлинѣ, въ театрѣ Аполло, выступала молодая американка, миссъ Алиса Кортонъ, которая изготовляла настоящие рубины на глазахъ у публики.

Производство подобныхъ камней основывается на томъ фактѣ, что именно наши самые драгоцѣнные камни состоятъ изъ самыхъ простыхъ элементовъ. Бриллантъ попросту кристаллизованный углеродъ, т. е. состоитъ изъ одного матеріала съ служащимъ намъ для отопления каменнымъ углемъ; рубины же и сапфиры — не что иное, какъ самая обыкновенная глина, — матеріалъ, изъ котораго дѣлается наша кухонная посуда. Разница заключается лишь въ томъ, что уголь и кухонная посуда содержатъ углеродъ или глину въ несформированномъ, такъ называемомъ, аморфномъ состояніи, тогда какъ въ бриллантахъ и рубинахъ эти вещества появляются въ кристаллизованной формѣ, т. е. въ формѣ, ограниченной со всѣхъ сторонъ плоскостями, расположенными извѣстнымъ образомъ. Слѣдовательно, какъ только человѣкъ сумѣетъ привести углеродъ или глину въ кристаллическую форму, онъ можетъ добывать брилланты или рубины.

Раньше производство подобной кристаллизаціи было совершенно невозможной задачей, потому что эти вещества должны быть подвержены страшно высокой температурѣ и расплавлены при помощи ея прежде, чѣмъ они могутъ окристаллизоваться. Теперь, съ одной стороны, при помощи электрическихъ печей, съ другой — при помощи термита, у насъ явилась возможность развить страшно высокую температуру. Миссъ Алиса Кортонъ употребляла термитъ — смѣсь изъ порошка алюминія и окиси желѣза. Когда эта смѣсь воспламеняется при помощи пилюли изъ магнезій, быстро развивается температура въ 2000 градусовъ. При подобной температурѣ глина плавится и при охлажденіи кристаллизуется или въ видѣ рубина, или въ видѣ сапфира, смотря потому, примѣшиваютъ ли къ ней немного хромовой кислоты (Chromoxyd), чтобы окрасить ее въ красный цвѣтъ, или кобальтовой кислоты (Kobaltoxyd), чтобы придать кристалламъ синий цвѣтъ санфировъ. Итакъ, миссъ Алиса Кортонъ смѣшивала чисто промытую глину съ точно вывѣшеннымъ количествомъ хромовой кислоты и клала все это въ тигель. Этотъ тигель затѣмъ подвергался страшному жару, развиваемому термитомъ, и стоялъ нѣсколько секундъ въ температурѣ бѣлаго каленія. Затѣмъ онъ вынимался щипцами и погружался въ холодную воду. Въ немъ образовывался сплавъ, содержавшій рубины величиною съ бобъ или даже еще крупнѣе.

Чтобы доказать, что эти рубины, дѣйствительно, обладаютъ всѣми ка-

чествами настоящихъ, миссъ Кортонъ рѣзала ими стекло и производила еще разные подобныя же опыты съ цѣлю убѣдить зрителей, что эти камни ни въ чемъ не уступаютъ настоящимъ. Она также охотно раздавала эти камни, чтобы всякій, кому угодно, могъ еще разъ проверить подлинность ихъ.

Камни, добытые ею, отличаются необычайной красотой; они прозрачны и чисты, безъ малѣйшихъ пузырьковъ, и цвѣтъ ихъ ярокъ и блестящъ.

Ее поистинѣ можно назвать современнымъ алхимикомъ, дѣйствія котораго, однако, основаны на чисто научной подкладкѣ. Миссъ Алиса Кортонъ изучала у себя на родинѣ естественныя науки и служила довольно продолжительное время ассистенткой у солидныхъ ученыхъ. („П. Ог.“).

II.

Значеніе полярнаго свѣта для растений.

Флора полярной области европейской Россіи заключаетъ, между прочимъ, такія растительныя формы, которыя свойственны средней и даже южной полосѣ Россіи. Несмотря на неблагоприятныя, повидимому, почвенныя и климатическія условія, эти растения достигаютъ здѣсь мѣстами удивительно пышнаго развитія. Гигантскія луговыя травы по теченію рѣки Уссы, съ одной стороны, кукуруза, выращиваемая въ грунтѣ около Усть-Цыльмы изъ волынскихъ сѣмянъ и достигающая здѣсь полнаго вызрѣванія, греческіе кабачки и др. огородныя овощи, выращенныя на опытныхъ поляхъ нашего сѣвера въ 1906—1909 гг., являются краснорѣчивыми свидѣтелями того, насколько ошибочны были господствовавшія до послѣдняго времени воззрѣнія на полярныя области, какъ не пригодныя къ земледѣльческой культурѣ.

Вопросъ о причинахъ такихъ успѣховъ акклиматизаціи растений не разработанъ еще научно съ достаточною полнотою и подробностью. Однако, нѣкоторые благоприятствующіе факторы въ этомъ отношеніи выяснены уже вполне опредѣленно. Въ ряду ихъ первое мѣсто занимаетъ полярный свѣтъ. Составляя необходимое условіе питанія и роста растений, свѣтъ въ полярныхъ областяхъ, гдѣ въ періодъ вегетаціи отсутствуютъ ночи, играетъ, помимо непосредственнаго, еще и громадное косвенное значеніе: поглощая въ большомъ количествѣ свѣтъ, растение трансформируетъ свѣтовую энергію въ тепловую, возмѣщая тѣмъ самымъ недочеты климата и парализуя неблагоприятныя вліянія. Въ эпидермисѣ растенія заключается сложное химическое вещество, называемое антоціаномъ, при помощи котораго растенія и превращаютъ въ теплоту извѣстный избытокъ поглощаемыхъ ими свѣтовыхъ лучей солнца. Этимъ только обстоятельствомъ и можетъ быть объясненъ тотъ на первый взглядъ странный фактъ, что одно и то же растеніе на сѣверѣ весною выдерживаетъ довольно значительныя заморозки, тогда какъ съ наступленіемъ осени погибаетъ отъ холодовъ менѣе значительныхъ. Та-

кимъ примѣромъ можетъ служить известное растеніе — обыкновенная чемерица (*Veratrum album*), распространенная на полярномъ сѣверѣ и здѣсь совершенно акклиматизировавшаяся. Весною, когда царятъ почти ежедневные заморозки и травы большею частью еще не взошли, всходы чемерицы по поемнымъ лѣсамъ и лугамъ виднѣются всюду, выдѣляясь ярко-зеленою своею окраскою. Въ маѣ чемерица выдерживаетъ заморозки въ 5° ниже нуля, прекрасно перенося иней и снѣжныя бури. Но то же растеніе и тѣ же его всходы въ августѣ чернѣютъ и загниваютъ уже при морозѣ въ 1° и погибаютъ. То же самое наблюдается и на огородныхъ культурахъ. Такъ, всходы кукурузы въ Усть-Цыльмѣ въ 1909 г., значительно поврежденные поздними весенними морозами, доходившими до 3° , въ половинѣ юня вновь зазеленѣли и совершенно поправились. При осеннемъ же заморозкѣ въ $1,5^{\circ}$, хотя вслѣдъ за нимъ наступили теплые дни, возстановленія уже не происходило. Къ этой же категории относятся и нѣкоторыя оригинальныя явленія цвѣтенія полярныхъ растений. Такъ, первоцвѣтъ *Cortusa Mathioli* на Ковлѣ цвѣтетъ при нормальной высотѣ надъ уровнемъ моря въ половинѣ юля, а на югѣ Печоры, гдѣ юль темнѣе, — только въ половинѣ юня. Приведенные, равно какъ и другіе аналогичные примѣры заставляютъ признать, что вопросъ о влияніи свѣта на растенія въ полярныхъ широтахъ заслуживаетъ особеннаго вниманія и изученія по соображеніямъ не только научнымъ, но и практически-экономическимъ.

